

Рыбаков А. Бронзовая птица

Часть первая

БЕГЛЕЦЫ

Глава 1

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Генка и Слава сидели на берегу реки.

Штаны у Генки были закатаны выше колен, рукава полосатой тельняшки - выше локтей, рыжие волосы торчали во все стороны. Он презрительно поглядывал на крохотную будку лодочной станции и, болтая ногами в воде, говорил:

- Подумаешь, станция! Прицепили на курятник спасательный круг и вообразили, что станция!

Славка молчал. Его бледное, едва тронутое розоватым загаром лицо было задумчивым. Меланхолически покусывая травинку, он размышлял о некоторых горестных происшествиях лагерной жизни.

Надо же всему случиться именно тогда, когда он, Славка, остался в лагере за старшего! Правда, вместе с Генкой. Но Генке на все наплевать. Сидит как ни в чем не бывало и болтает ногами в воде.

Генка действительно болтал ногами и рассуждал про лодочную станцию:

- Станция! Три разбитых лоханки. Написал бы просто: «Прокат лодок» - скромно, хорошо, по существу. А то «станция»!

- Не знаю, что мы Коле скажем, - вздохнул Славка.

- А я знаю. Мы скажем: «Коля, в жизни без происшествий не бывает. Без них жизнь была бы неинтересной».

- Без кого - без них?

- Без происшествий.

Вглядываясь в дорогу, идущую к железнодорожной станции, Славка сказал:

- Ты лишен чувства ответственности.

Генка покрутил в воздухе рукой:

- «Чувство», «ответственность»!.. Красивые слова... Я еще в Москве предупреждал: «Не надо брать в лагерь малышей». Не послушались.

- Нечего с тобой говорить,- ответил Славка.

Некоторое время они сидели молча. Генка болтал ногами в воде, Славка покусывал травинку.

Пекло июльское солнце. В траве стрекотал кузнечик. Речка, узкая и глубокая, прикрытая нависшими с берегов кустами, извивалась меж полей, прижимаясь к подножиям холмов, осторожно обходила деревни и пряталась в лесах, тихая, темная, студеная.

Ветер доносил отдаленные звуки сельской улицы. Приютившаяся под горой деревня казалась отсюда беспорядочным нагромождением железных, деревянных, соломенных крыш, утопающих в зелени садов. Только возле реки, у съезда к парому,

чернела густая паутина тропинок.

Славка вглядывался в дорогу. Поезд из Москвы уже, наверное, пришел. Значит, скоро Коля Севостьянов и Миша Поляков будут здесь. Славка вздохнул.

Генка усмехнулся:

- Вдыхаешь? Эх, Славка, Славка!

Славка встал, приставил ладонь козырьком ко лбу:

- Идут!

Генка перестал болтать ногами и вылез на берег.

- Где? Гм... Действительно, идут. Впереди - Миша. За ним... Нет, не Коля... Мальчишка какой-то... Коровин! Честное слово, Коровин! И мешки тащат на плечах.

- Книги, наверное.

Мальчики всматривались в маленькие приближающиеся к ним фигурки.

- Только имей в виду, - зашептал Генка, - я сам объясню... Ты в разговор не вмешивайся, а то все испортишь. А я будь здоров, я сумею. Тем более - Коля не приехал. А Миша что? Подумаешь!

Но как ни храбрился Генка, ему было не по себе. Предстояло неприятное объяснение.

Глава 2

НЕПРИЯТНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Миша и Коровин опустили мешки на землю.

- Почему вы здесь? - спросил Миша.

Он был в синей кепке и кожаной куртке, которую не снимал даже летом.

- Так просто.- Генка ощупал мешки.- Книги?

- Книги.

- А где Коля?

- Коля больше не приедет. Его мобилизовали во флот.

- Вот оно что,- протянул Генка.- А кого пришлют вместо него?

Миша медлил с ответом. Вожатым отряда назначили его самого. И он не знал, как сообщить эту новость ребятам. Сложная задача - командовать товарищами, с которыми сидишь на одной парте. Но Миша придумал два спасительных словечка. Скромно, с подчеркнутым безразличием он сказал:

- Пока меня назначили.

«Пока» и было первым спасительным словом. Действительно, кто должен временно заменить вожатого, как не его помощник?

Но скромное и учтивое «пока» не произвело ожидаемого действия. Генка вытаращил глаза:

- Тебя? Но какой же авторитет мы будем иметь в деревне? Колю все уважали... И старики.

Тогда Миша произнес второе спасительное слово:

- Я отказывался, но утвердил *райком*.- И, почувствовав за собой авторитет райкома, строго спросил: - Как же вы бросили лагерь?

- Там Зина Круглова осталась, - поспешно ответил Генка.

- Видишь ли, Миша... - начал Слава.

Но Генка перебил его:

- Ну как, Коровин, в гости к нам приехал?

- По делу,- ответил Коровин и шумно втянул носом воздух. В форменной одежде трудколонииста он выглядел толстым и неуклюжим. Его потное лицо блестело, и он все время отмахивался от мух.

- Раздобрел ты на колониистских хлебах,- заметил Генка.

- Кормят подходяще, - ответил Коровин.

- А по какому делу ты приехал?

Миша объяснил, что детдом, в котором живет Коровин, превращается в трудовую коммуну. И разместится трудкоммуна здесь, в усадьбе Карагаево. Завтра сюда приедет директор. А Коровина вперед послали. Узнать, что к чему. Правда, это Рязанская губерния, но и от Москвы недалеко. Усадьба пуста. В огромном помещичьем доме никто не живет. Отличное место. Ничего лучшего для коммуны не придумаешь.

- Фью! - засвистел Генка. - Так и пустит их графиня в усадьбу.

Коровин вопросительно посмотрел на Мишу:

- Кто такая?

Размахивая руками, Генка начал объяснять:

- В усадьбе раньше жил помещик, граф Карагаев. После революции он удрал за границу. И живет теперь тут одна старуха, родственница графа или приживалка. Охраняет усадьбу. И никого туда не пускает. И вас не пустит.

Коровин опять втянул воздух, но уже с некоторым оттенком обиды:

- Как - не пустит? Ведь усадьба государственная.

Миша поспешил его успокоить:

- Вот именно. Правда, у графини есть охранная грамота на дом как на историческую ценность. Не то царица Елизавета здесь жила, не то Екатерина Вторая. И графиня всем тычет в нос этой грамотой. Но ты сам пойми: если будут пустовать все дома, в которых веселились цари и царицы, то где, спрашивается, народ будет жить? - И, считая вопрос исчерпанным, Миша сказал: - Пошли, берите мешки!

Генка с готовностью ухватился за мешок. Но Слава, не двигаясь с места, сказал:

- Видишь ли, Миша... Вчера Игорь и Сева...

- Ах да,- перебил его Генка, опуская мешок,- я только хотел сказать, а Славка вперед вылез. Всегда ты, Славка, вперед лезешь! - Потом он заканючил: - Понимаешь, какое дело, Миша... Такое, понимаешь, дело... Как бы тебе сказать...

Миша рассердился:

- Что ты тянешь?!

- Сейчас, сейчас... Так вот... Игорь и Сева убежали.

- Куда убежали?

- Фашистов бить.

- Каких фашистов?

- Итальянских.

- Глупости ты болтаешь!

- Почитай сам.

Генка протянул Мише записку.

«Ребята, до свидания, мы уезжаем бить фашистов. Игорь, Сева».

Миша прочитал раз, потом другой, пожал плечами:

- Чепуха какая-то! Когда это случилось?

Генка начал путано объяснять:

- Вчера, то есть сегодня. Вчера они легли спать вместе со всеми, а утром

просыпаемся - их нет. Только вот эта записка. Мне, правда, они еще вчера показались очень подозрительными. Вздумали ботинки чистить! Никакого праздника нет, а они вдруг - ботинки чистить. Смешно!

И он неестественно засмеялся, приглашая Мишу тоже посмеяться над тем, что Игорь и Сева вздумали чистить ботинки.

Но Мише было не до смеха.

- Вы их искали?

- Всюду. И в лесу и в деревне.

- Может, они с жиганами связались? - сказал Коровин.- У нас как кто убежит - значит, ищи жигана поблизости. Он подбил. И обязательно в Крым бегут. Сейчас все в Крым бегут.

Миша махнул рукой.

- Какие здесь жиганы! Просто эти вот помощники всех распустили.- И он смерил Генку и Славку взглядом, исполненным глубочайшего презрения.

- При чем здесь мы? - в один голос закричали Генка и Славка.

- При том! Раньше не бегали, вот при чем!

Генка прижал руки к груди:

- Честное благородное слово...

- Не нужно твоего благородного слова! - оборвал его Миша,- Пошли в лагерь!

Генка и Славка взвалили на плечи мешки. Мальчики двинулись к лагерю.

Глава 3

УСАДЬБА

Тропинка, по которой они шли, вилась полями.

Генка болтал без умолку. Но разговаривать он умел, только размахивая руками. Мешок с книгами незаметно, сам собой перекочевал обратно на плечи Коровина.

- Если вам даже удастся перебороть графиню,- разглагольствовал Генка, - то все равно организовать здесь коммуны, наладить хозяйство будет очень трудно. Прямо скажем - невозможно. В усадьбе ничего нет. Инвентаря никакого, ни живого, ни мертвого - ни бороны, ни сохи, ни плуга, ни телеги. Тут брат Коровин, такое творится!

- А что?

- Чудак! Ведь мы сюда приехали, чтобы организовать пионерский отряд. А что против нас? Несознательность родителей: не пускают ребят в отряд. Даем спектакль - битком набито. Объявим после спектакля собрание - все разбегаются

- Дело известное,- глубокомысленно заметил Коровин.

- Вот именно, - подхватил Генка.- А сами ребята деревенские... Сколько у них предрассудков! Только и рассуждают о леших и чертях. Поработай с ними!

- Трудно, значит?

- Нелегко,- сокрушенно подтвердил Генка. Но тут же хвастливо добавил: - Раз должны организовать - значит, организуем. Вот книжечки им привезли.- Он тронул рукой мешок, который за него тащил Коровин. - Спектакли даем, в ликбезе работаем, ликвидируем неграмотность.

Миша молча шагал и думал о том, как неудачно начинается его работа.

В первый же день пропали два пионера. Куда они делись? Без денег, без продуктов они далеко не убегут. Но мало ли что может случиться с ними в дороге. Могут и в лесу

заблудиться, и в реке утонуть, и под поезд попасть...

Поставить в известность их родителей? Пожалуй, не стоит. Зачем заранее волновать? Все равно беглецы найдутся. А родители всех взбудоражат. Подымут всех на ноги. Неприятностей не оберешься. В школе, в райкоме только и будут говорить об этом происшествии. А в деревне уже, наверное, сплетничают, что пионеры разбегаются и, значит, не надо пускать ребят в пионеры. Вот что наделали Игорь и Сева. Подорвали авторитет отряда. Целый месяц работали - и на тебе!

Его мрачные размышления прервал Генкин возглас.

- Вот и усадьба!

Мальчики остановились.

Высоко на горе, в гуще деревьев, виднелся двухэтажный помещичий дом. Казалось, что у него несколько крыш и много дымовых труб. Над верандой возвышался мезонин с двумя окнами по бокам и нишей посередине. К дому, пересекая сад, вела широкая аллея. Отлогие каменные ступени, постепенно образующие лестницу, двумя крыльями огибали веранду.

Генка прищелкнул языком:

- Красиво?

Коровин с шумом втянул воздух:

- Хозяйство - вот что важно.

- А хозяйства там никакого нет,- заверил его Генка.

Действительно, усадьба казалась заброшенной. Сад зарос.

Скамейки вдоль аллеи поломаны, большая гипсовая ваза в центре клумбы разбита, пруд затянут ядовито-зеленой тиной.

Все мертво, безжизненно, мрачно.

И только звонкие ребячьи голоса, которые доносились из глубины сада, нарушали угнетающую тишину.

За сломанной оградой на лужайке белели палатки. Это и был лагерь.

Глава 4

ОТРЯД

В середине лужайки высилась мачта с развевающимся вымпелом. В стороне горел костер. На двух треногах лежала палка, порядком обгоревшая. Возле костра хлопотали дежурные, варили обед. Сильно пахло подгоревшим молоком.

- Все в порядке, - быстрой скороговоркой доложила Круглова Зина.- А насчет Игоря и Севы они, - Зина кивнула на Генку и Славку,- наверное, тебе рассказали.

При упоминании об Игоре и Севе ребята загалдели. Всех перекричал Вовка Баранов. Он совсем не рос, и его по-прежнему звали Бяшкой. Но он стал ужасным борцом за правду. Ему казалось, что если бы не он, Бяшка, то в мире воцарились бы ложь и несправедливость.

И он громче всех закричал:

- Они убежали из-за Генки!

- Что ты врешь, Бяшка несчастная! - возмутился Генка.

Но Миша велел Бяшке рассказывать.

Как всегда, когда он боролся за правду, Бяшка начал очень торжественно:

- Я расскажу всю правду. Мне незачем прибавлять и выдумывать.

- Ближе к делу,- поторопил его Миша.

- Так вот,- продолжал Бяшка,- когда мы легли спать, то начали разговаривать. Это было после спектакля «Смерть фашизму». Игорь и Сева сказали, что надо не спектакль ставить, а фашистов громить, чтобы не убивали людей. Тогда Генка начал над ними смеяться: «Поезжайте, поезжайте бить фашистов, а мы посмотрим». Игорь разозлился и сказал: «Захотим - и поедem». Тогда Генка говорит: «Захотите, захотите!»

Такой был разговор. А утром Генка проснулся и спрашивает-«Вы еще здесь? А я думал вы убежали фашистов бить». И потом каждое утро Генка как проснется, так и спрашивает их: «Вы сколько сегодня фашистов побили?» Так их задразнил, что они в конце концов и убежали. Вот как было. А врать мне незачем. Я никогда не вру.

- Генка, это правда? - спросил Миша.

- Правда, правда! - закричали ребята.

- Он все время дразнится! - проворчал Филя Китов. Как и раньше, он любил поест, всегда жевал что-нибудь и еще больше растолстел.

- Генка, это правда?

Генка пожал плечами:

- Я их немного подразнил. Верно. Но для чего? Для того, чтобы они эту чепуху выбросили из головы. А они, дурачки, взяли да убежали. Пошутить нельзя! Смешно, честное слово!

- Ах, смешно! - закричал Миша.

Не в силах сдержать свое возмущение, он вдруг сорвал с головы кепку, бросил ее на землю, повернулся вокруг себя один раз, потом другой и, застыв на месте, уставился на Генку.

Ребята, остолбенев, смотрели на Мишу.

Миша вспомнил, что он теперь вожатый отряда и должен сдержать себя.

- Ладно! - Он натянул кепку на голову.- Мы их сначала найдем, а потом разберемся, кто виноват Быстро пообедайте, и начнем искать.

Генка сразу оживился:

- Правильно! Мы их враз найдем. Вот увидишь!

За обедом Миша опросил дежурных. Но они клялись, что ничего не видели. А ведь Игорь и Сева забрали все свои вещи, вплоть до кружек и ложек. И никто этого не заметил.

Конечно, они могли уехать домой. Но прежде чем ехать за ними в Москву, надо как следует поискать здесь.

Наиболее вероятным местом, где могли спрятаться мальчики, представлялась Мише усадьба. Он пойдет туда с Коровиным. А ребята пусть прочешут лес.

- Прочешете лес, - сказал Миша.- Генка со своим звеном - со стороны деревни, звено Славки - от реки, звено Зины - из парка. Идите цепью и все время перекликайтесь, чтобы не потерять друг друга. К семи часам возвращайтесь в лагерь.

Выстроив свои звенья, Генка, Славка и Зина побежали к близнему лесу.

Миша и Коровин пошли в усадьбу

В лагере остался только Кит. Он всегда охотно дежурил за других на кухне. Облизнув губы, Кит начал готовить ужин.

Глава 5

ПОМЕЩИЧИЙ ДОМ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Чтобы не попасться на глаза графине, Миша пошел не по главной аллее, а по боковой дорожке.

- Посмотрим сначала, дома ли хозяйка,- сказал он Коровину.

- Как ты узнаешь?

- Увидишь,- загадочно ответил Миша.

Продираясь сквозь кусты, они дошли до центральной аллеи и отогнули ветви деревьев.

Старый дом стоял прямо перед ними. Штукатурка на нем местами облупилась, оттуда торчали полосы дранки и клочья пакли. Разбитые стекла в окнах были заменены фанерой. Иные окна и вовсе были заколочены досками.

- Дома, - с досадой прошептал Миша.

В ответ на вопросительный взгляд Коровина Миша глазами показал ему на мезонин.

В нише, широко распластав крылья, стояла большая бронзовая птица с непомерно длинной шеей и загнутым книзу хищным клювом. Острыми когтями она цеплялась за толстый сук. Глаза, огромные, круглые, под длинными, как у человека, бровями, придавали птице странное и жуткое выражение.

- Видел?

- Видел,- прошептал Коровин, ошеломленный зловещим видом бронзового истукана.

- Орел.

Коровин с сомнением качнул головой:

- Какой же это орел? Видал я на Волге орлов.

- Орлы бывают разные, - зашептал Миша,- на Волге одни, здесь другие. Но не в этом дело. Посмотри внимательно. Видишь за птицей ставни? Они открыты. Видишь?

- Вижу.

- Ну вот, раз ставни открыты - значит, графиня дома. Как только она уезжает в город, то закрывает ставни, а приезжает - открывает. Понял? Только имей в виду: это секрет, никому не рассказывай.

- А мне и ни к чему, - равнодушно ответил Коровин,- все равно мы дом отберем. Ребят двести можно разместить, а она одна живет. Разве правильно?

- Конечно, неправильно,- согласился Миша. - И забирайте усадьбу поскорее. Вот что! Поищем ребят в сараях. Может быть, они там. Сидят и посмеиваются над нами.

Прячась за кустами, мальчики обогнули дом и через разбитое оконце проникли в конюшню.

Запах трухлявых бревен, сгнивших досок ударил им в нос. Перегородки между стойлами были разобраны. Мальчики вздрогнули: не замеченная ими стая воробьев с шумом вылетела из конюшни. Осторожно ступая по сгнившему деревянному настилу, Миша и Коровин перебрались из конюшни в сарай. Здесь было еще темнее. Окон не было вовсе, а ворота, хотя и снятые с петель, были прислонены к проему и не пропускали света. Пахло мышами, прелой соломой, затхлой мучной пылью.

Миша ухватился за стропила, подтянулся и вскарабкался на сеновал. Затем помог подняться и неуклюжему Коровину. Ветхое перекрытие подгибалось под ногами. Балки и крыша были усеяны комками осиних гнезд. Сквозь прорехи кровли синело небо.

Друзья облазили сеновал, через слуховое окно перебрались в соседний сарай. Тех, кого они искали, не было. Впрочем, искал один Миша. Коровин пробовал крепость

бревен, сокрушенно причмокивал губами в знак того, что все здесь очень ненадежное.

Мальчикам осталось осмотреть сарай, который назывался машинным: раньше в нем хранился сельскохозяйственный инвентарь. Чтобы попасть в него, надо было перебежать весь двор. Миша уже собирался выскользнуть из сарая, как вдруг отпрянул назад, чуть не опрокинув стоявшего за ним Коровина. Коровин хотел посмотреть, что так взволновало приятеля. Но Миша крепко стиснул его руку и головой показал на дом.

На верхней ступеньке лестницы стояла высокая, худая старуха в черном платье и черном платке. Ее седая голова была опущена, лицо изборождено длинными морщинами, острый крючковатый нос загнут книзу, как у птицы. Черная, неподвижная фигура, мрачная и зловещая в пустынном молчании заброшенной усадьбы.

Мальчики стояли не шевелясь.

Старуха повернулась, сделала несколько шагов, медленных, прямых, точно шла она, не сгибая колен, и исчезла за дверью.

- Видал? - прошептал Миша.

- Сердце захолонуло, - ответил Коровин.

Глава 6

ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ?

Миша и Коровин вернулись в лагерь. Все были в сборе. В лесу тоже никого не нашли.

Огорченные неудачей, обеспокоенные судьбой пропавших товарищей, усталые и измученные, сели в этот вечер ребята за ужин. А тут еще Кит объявил, что продуктов осталось мало, едва хватит на завтрашний день.

- Не суди по собственному аппетиту,- заметил Генка.

- Можете сами проверить, - обиделся Кит.- Масла почти совсем нет. Сухарей тоже. Круп...

- Не волнуйся! - сказал Миша. - Завтра Генка и Бяшка поедут в Москву и привезут продукты.

Теперь обиделся Генка:

- Все Генка и Генка! Думаешь, приятно таскаться по такой жаре с мешками? Да еще выпрашивать у родителей продукты! Клянчишь, клянчишь...

- Ничего не поделаешь,- сказал Миша.- Не будет же нас кормить государство. И посылаю тебя потому, что у тебя есть опыт.

Запихивая в рот кашу, Генка самодовольно ухмыльнулся:

- Да, уж будь здоров! Привык я с ними разговаривать: «Ваш Юрочка поправляется. Аппетит зверский». Вот мне и дают... Эх, найти бы нам богатых шефов, вот бы подкормили! Какую-нибудь кондитерскую фабрику.

- Лучше бы колбасную, - вздохнул Кит и, представив себе, как шипит на сковородке жареная колбаса, зажмурил глаза.

Ребята поужинали, но все еще сидели у костра. Дежурные мыли посуду. Кит, шевеля губами, пересчитывал кульки с мукой и ломти хлеба. Его толстое лицо было озабочено, как и всегда, когда глаза видели, а руки ощупывали что-либо съестное. Генка и Бяшка готовили мешки и сумки для продуктов. Вернее, готовил их Бяшка. Генка давал ему руководящие указания, а сам в это время осматривал свой знаменитый портфель. Хотя и потрепанный, этот портфель был настоящий, кожаный, с блестящими

никелированными замками и множеством карманчиков. Генка им очень гордился. Отправляясь в Москву за продуктами, он всегда брал его с собой: портфель производил большое впечатление на родителей. Чтобы усилить впечатление, Генка, разговаривая, клал портфель на стол и щелкал замками.

«Действует неотразимо, - говорил Генка.- Если бы не портфель, наш отряд давно бы помер с голоду».

В то время как Генка упражнялся со своим портфелем, Генкин спутник должен был таскать мешок с продуктами.

- Вот что, Генка,- сказал Миша, - родителям Игоря и Севы ничего не говори, а постарайся дипломатично выяснить, не приезжали ли они в Москву.

Все выясню, не беспокойся.

- Только осторожно.

Сказал: не беспокойся! Мамаши и не догадаются. Я даже не спрошу, а так это безразлично скажу: ваш Игорь собирается приехать к вам...

- А зачем?

- Помыться в бане.

- Кто тебе поверит?

- Ага! Тогда я скажу так: он должен приехать в Москву за книгами.

- Это ничего.

- Ну вот,- продолжал Генка,- а если он в Москве, то мамаша скажет: «Он уже дома». А я скажу: «Да? Удивительно! Значит, он меня опередил». Потом спрошу: «А где он?» Она скажет: «Играет на заднем дворе». Тогда я вежливо попрощаюсь, выйду на задний двор и закачу этому Игорю такую плюху, что он подпрыгнет до четвертого этажа.

- Драться, пожалуй, не следует, - заметил Слава.

- Драться, конечно, не надо,- согласился Миша, - но проучить их придется.

Бяшка объявил:

- Предупреждаю: если Генка заставит меня таскать мешок, а сам будет размахивать портфелем, то я все брошу и уеду!

- Когда я заставлял тебя одного таскать?! - с негодованием возразил Генка.

- Всегда заставляешь! - закричали все, кто ездил с Генкой за продуктами.

- Спокойно! - сказал Миша. - Таскать будете оба. Только не проспите поезд. А мы завтра отправимся в деревню. Пора уже клуб закончить.

Некоторое время все сидели молча, усталые после забот и треволнений сегодняшнего дня.

Костер горел ярким пламенем. Сухие ветки трещали в **огне**. Искры взвивались и пропадали в темной вышине ночи.

- Тише! - прошептала вдруг Зина.

Все замолчали и обернулись к лесу.

Хрустнула ветка... Зашелестели листья деревьев, точно **сла** бый ветерок пробежал по ним... Послышался чей-то вздох...

Миша сделал рукой знак всем сидеть не шевелясь, поднялся и замер, вглядываясь в темный лес, прислушиваясь к странным звукам...

Неужели Игорь и Сева вернулись?

Глава 7

ВАСЬКА ЖЕРДЯЙ

Это был не Сева и не Игорь...

К костру подошел Васька Жердяй, высокий парнишка в белой рубаше и узких холщовых штанах, едва прикрывавших его острые, худые колени. Прозвали его Жердьяем потому, что был высок и тощ. Он жил с матерью и старшим братом Николаем на самом краю деревни, в полуразвалившейся избушке. Отец его погиб в германскую войну.

Жердяй больше других деревенских ребят дружил с комсомольцами. И они любили его. Он был добр, услужлив. Правда, верил в чертей и прочую ерунду, но зато хорошо знал лес, реку и очень интересно рассказывал всякие истории и небылицы. Старший брат Жердяя, Николай, был плотник и помогал ребятам устраивать клуб.

- Ты, Жердяй... - разочарованно протянул Миша.

- Я! - Жердяй присел к костру и дружелюбно улыбнулся.

В мелькающих тенях костра его большая голова с неровно подстриженными (видно, тупыми ножницами) белобрысыми космами казалась еще всклокоченнее, чем обычно. Он веточкой подгрел угли к костру и сказал:

- На деревне говорят, у вас два пионера пропали.

- Ерунда,- ответил Миша, - найдутся.

Жердяй с сомнением покачал головой:

- Не скажи... Если на Гольгинскую гать забредут, так могут и не вернуться.

- Что за гать такая? - спросила Зина.

- Гать-то? Дорога лесная.

- Гать - дорога из хвороста, а иногда из бревен. Строится обычно на болоте,- пояснил Славка.

- Верно,- подтвердил Жердяй,- из хвороста. И на **болоте** построена. Только давно. Ею никто и не пользуется.

Генка нетерпеливо спросил:

- Что ты хочешь рассказать про эту гать?

- Про Гольгинскую? А то, что если попали ваши ребята на Гольгинскую гать, так могут и не вернуться.

- Утонут? - спросила Зина Круглова.

Жердяй покачал головой:

- Утонуть не утонут, а увидят старого графа и помрут.

- Опять ты басни рассказываешь? - усмехнулся Генка.- Не надоело выдумывать?

- Не выдумываю я, - серьезно ответил Жердяй,- все **ис** тинная правда. Старики рассказывают. Там граф с сыном закопаны. Прямо в гати. Царица приезжала сюда, давно, еще до Наполеона. Вот царица приехала и казнила графа с сыном. А хоронить не позволила. Велела прямо в грязь закопать, на гати, чтобы все по ним ездили. Так они там закопанные и лежат.

- А наши ребята здесь при чем? - спросил Миша.

- Вот слушай... Значит, старый граф с сыном там закопаны. Только не похоронены они как полагается, вот и томятся их души. Никак не попадут ни в рай, ни в ад.

- Ох и умора! - закричал Генка.

Коровин недовольно заметил:

- Дай послушать, что человек говорит!

- Томятся, значит, их душеньки,- строго и печально продолжал Жердяй, - так и

стонут под гатью, так и стонут. Я сам туда ходил, слышал. Старый граф этак глухо стонет; постонет да перестанет, постонет да перестанет. А молодой - громко, точно плачет, ей-богу!..

- Страшно! - прошептали сестры Некрасовы и опасливо посмотрели на лес; но им сделалось еще страшнее, и они придвинулись ближе к костру.

Жердяй глухим, монотонным голосом, подражая старикам, продолжал:

- А в самую глухую полночь старый граф выходит на гать. Борода до колен, белый весь, седой. Выходит и ждет. Увидит прохожего человека и говорит ему: «Пойди, говорит, к царице и скажи: пусть, мол, похоронят нас по христианскому обычаю.

Сделай милость, сходи!» Так это просит слезно да жалобно... А потом кланяется. А вместо шапки снимает голову. Держит ее в руке и кланяется... Стоит без головы и кланяется. Тут кто хошь испугается, с места не сдвинешься от страху. А старый граф кланяется, голову в руках держит и идет на тебя. А прохожему главное что? Главное - на месте выстоять. Коли выстоишь, так он подойдет к тебе вплотную и сгинет. А ежели побежишь, так тут и упадешь замертво. Упадешь замертво, а граф тебя под гать и утащит.

- И многих он утащил? - улыбнулся Миша.

- Раньше много утаскивал. А теперь туда и не ходит никто. Из Москвы приезжали. Рыли эту самую гать. Да разве их найдешь! Как милиция уехала, так они снова залегли.

- А за что их казнили? - спросил кто-то.

- Кто их знает! Кто говорит - за измену, кто говорит - клад золотой царский спрятали.

- Ну, конечно,- иронически заметил Генка,- клад уж обязательно. Без клада не обойдется.

Миша протянул руку по направлению к дому:

- Про этих графов ты рассказываешь?

- Про них,- кивнул головой Жердяй,- про предков ихних. Который граф за границу убежал, так тому, что под гатью, он внуком приходится.

Миша зевнул:

- Сказки!

- Не говори, - возразил Жердяй, - старики рассказывают!

- Мало ли что старики рассказывают,- пожал плечами Миша.- Сколько чудес рассказывали про мощи, а когда стали в церквах изымать ценности в пользу голодающих, так ничего и не нашли в этих мощах. Одна труха, и больше ничего. Обман! Затуманивают вам мозги.

Потом Миша посмотрел на свои громадные часы. Он носил их на руке, но они были переделаны из папиных карманных. Полдевятого.

- Давай отбой! - приказал Миша горнисту.

В ночной тишине громко прозвучал горн.

Прощаясь с Жердьяем, Миша сказал:

- Завтра сходи с ребятами в лес и наруби еловых веток. Мы ими клуб украсим.

- Можно,- согласился Жердяй.- А книжки принесете?

- Обязательно. И попроси Николая, чтобы он тоже пришел. Поможет нам закончить сцену и скамейки.

- Придет! - уверенно ответил Жердяй.

Белая рубашка мелькнула среди деревьев. Послышался хруст ветвей. Все стихло.

- Как он не боится ходить ночью по лесу один! - сказала Зина.

- А чего бояться? - хвастливо возразил Генка.- Я ночью куда угодно пойду. Даже на эту дурацкую гать.

- Ложись лучше спать,- сказал Миша,- а то завтра к поезду опоздаешь.

Все разошлись по палаткам. Некоторое время слышались смех и возня. Миша в последний раз обошел лагерь, проверил посты. Остановившись у палаток, он громко говорил: «А ну давайте заснем...» Наконец лег и Миша.

Луна освещала затихший лагерь. Часовые ходили по поляне, сходились у мачты и снова расходились в разные стороны.

Миша лежал и думал о том, куда могли деваться Игорь и Сева и что предпринимать, если их завтра не окажется в Москве.

Славка терзался тем, что ребята сбежали именно тогда, когда он оставался за старшего.

Девочки прислушивались к тишине ночного леса и, вспоминая рассказ Жердя про Гольгинскую гать, боязливо натягивали на себя одеяла.

Коровин размышлял о том, что усадьба, в общем, подходящая для трудкоммуны. А старуха хоть и страшная, но директор детдома Борис Сергеевич так ее шуганет, что она сразу образумится.

Генка как лег, так и заснул.

Бяшка лежал и уже заранее негодовал при мысли, что Генка будет размахивать портфелем, а его заставит таскать мешок с продуктами. И он злорадствовал при мысли, как опешит Генка, когда увидит, что он, Бяшка, взял с собой вместо одного два мешка, чтобы им тащить поровну.

Дольше всех ворочался Кит. Он прикидывал, какие продукты привезут завтра из города Генка и Бяшка и что из этого можно будет сварить.

Наконец в мечтах о завтраке уснул и Кит.

Глава 8

НИКОЛАЙ, БРАТ ЖЕРДЯ

Миша проснулся. В щели палатки пробивались первые лучи солнца. Пахло сухими еловыми ветками, служившими ребятам постелью.

Миша просунул часы под полог палатки. Что такое? Всего полпятого. Может быть, часы остановились? Он поднес их к уху и услышал равнодушное тиканье. Пытаясь снова заснуть, Миша натянул на себя одеяло. Но сон не возвращался. Осторожно, чтобы никого не задеть, Миша выбрался из палатки.

Поляна была подернута прозрачным холодноватым утренним светом. С верхушек деревьев доносился птичий гомон.

Возле мачты, лениво передвигая ноги, бродил Юрка Палицын, дежурный. Второй дежурный, Сашка-губан, спал, привалившись к дереву. Так и есть - спят по очереди! На дежурстве! Миша подкрался к Губану и дал ему щелчка в лоб. Губан вздрогнул, открыл глаза и уставился на Мишу.

- На посту не спят! - прошептал Миша внушительно.

Потом Миша обошел лагерь.

Все в порядке, все на месте. До пробудки еще два часа. Можно бы еще поспать. Но уж раз встал, чего теперь ложиться. Сходить, пожалуй, искупаться, тогда уже не захочется спать.

С реки тянуло влажным холодком. Острые закрытые бутоны лилий торчали из воды среди широких зеленых листьев. Берег был влажен от росы.

Миша разделся, бросился в ледяную воду и саженками поплыл на другую сторону.

Он раза три переплыл узкую, но глубокую речку, пока наконец согрелся. Но когда вылез на берег, снова ощутил холод. Стуча зубами, он долго прыгал на одной ноге, пытаясь другой попасть в штанину.

К берегу подошли Николай Рыбалин, брат Жердя, и еще один крестьянин из их деревни - Кузьмин, хмурый бородатый мужчина.

Николай приветливо махнул рукой. На вид ему было лет двадцать пять, высокий, худой, костлявый, в накинутой на плечи старой солдатской шинели без хлястика. Лицо его, тоже худое и костлявое, с острыми выпирающими скулами, было улыбочивым, светилось добродушием.

- Зябко небось купаться? - спросил Николай.

- Холодно,- признался Миша.

Они подошли к маленькой бухточке, где неподвижно покоилось на воде несколько деревенских лодчонок.

Кузьмин долго возился с замком. Скручивая сигарку, Николай молча посматривал на Мишу, улыбаясь неизвестно чему - может быть, тому, что он встретил Мишу, а может, тому, что начиналось прекрасное, погожее утро.

- Николай,- сказал Миша,- помните, вы обещали поработать сегодня с нами в клубе?

- Поработаем,- ответил Николай. - Съезжу на Халзин луг, вернусь, и поработаем.

- Не подведите.

Кузьмин справился наконец с замком и бросил цепь на дно лодки.

Николай перешел в лодку и сказал:

- Зачем подводить? Разве можно подводить?

Кузьмин тоже вошел в лодку и, упираясь ногой в сиденье, оттолкнулся веслом от берега. На нем была рубаха без пояса, серые холщовые брюки, на ногах - стоптанные, обрезанные сапоги, похожие на боты.

Так Кузьмин и запомнился Мише - хмурый бородатый мужик со спутанными волосами, упирающийся ногой в сиденье и отталкивающийся от берега веслом...

- Мы вас будем ждать в клубе,- сказал Миша Николаю.

Николай опять улыбнулся в знак того, что он не обманет и исполнит обещанное.

Глава 9

В ДЕРЕВНЕ

После завтрака Генка и Бяшка отправились на станцию.

Плата за проезд в поездах и трамваях была введена недавно, ребята к ней еще не привыкли. Да и денег у отряда было мало.

- Туда поедете зайцем, - сказал Миша,- а обратно возьмете один билет. С ним Бяшка будет сидеть возле продуктов. А Генка будет бегать от контролера.

- Не надо нам никакого билета,- заявил Генка,- не первый раз. Проедем.

- Нет! С мешками трудно бегать. Только продукты растеряете! Так что один билет возьмите обязательно.

Коровин тоже пошел на станцию - встречать директора детдома Бориса

Сергеевича.

Звено Зины Кругловой осталось в лагере по хозяйственным делам. Остальные ребята отправились в деревню.

... Деревня раскинулась под горой, на берегу реки. Бревенчатые избы, крытые тесом и соломой, тянулись вдоль широкой, длинной улицы. Дворы обсажены ветлами. Высокие, могучие дубы группами по два-три дерева виднелись здесь и там. Возле новых выложенных на земле бревен валялась желтоватая стружка.

Трубя в горн, отряд прошагал по улице и остановился возле сельсовета. Неподалеку стоял длинный пустой сарай. Это и был будущий клуб.

Привлекаемые звуками трубы и видом шагающего по деревне отряда, деревенские мальчишки и девчонки сбегались со всех сторон. Кто постарше, подошел ближе, малыши стояли в отдалении; засунув пальцы в рот и тараща глаза, они смотрели на пионеров, хотя видели их уже не в первый раз.

Почему-то не было Жердяя.

- Что же вы елок для клуба не принесли? - спросил Миша.

- Пошли мы утром в лес, а он как заверещит, как застрекочет! - ответил маленький чернявый паренек, по прозвищу «Муха».

- Кто - он?

- Известно... леший.

Пионеры засмеялись.

Муха боязливо оглянулся по сторонам:

- Вы не смейтесь. Грешно смеяться.

Кит, которому на этот раз не удалось остаться на кухне, сказал:

- Дрова, хворост, грибы вы небось собираете, не боитесь.

Муха качнул головой:

- То другое дело. Тогда леший молчит, не сердится. А на клуб, видишь, не дает, не позволяет.

- И без вас обойдемся,- сказал Миша.- Славка, беги со своим звеном за елками, а мы займемся книгами.

Книги раздавали долго. Каждый рассматривал свою, затем ту, которую взял сосед. И, конечно, последняя нравилась больше. Книги с картинками брали охотно, от антирелигиозных отказывались: «Мамка увидит - выбросит».

Подошли еще два мальчика. Один, толстый, мордастый, с носом кнопкой,- Сенька, сын деревенского лавочника Ерофеева, второй - шестнадцатилетний, высокий, глуповатый Акимка-балбес, его верный друг.

- А! - закричал Сенька.- Пионеры юные, головы чугунные, сами оловянные, черти окаянные!.. Это что? - Он вырвал у одной девочки книгу.- Опять против бога?

Потом с заискивающей и в то же время нахальной улыбкой обратился к Мише:

- Дал бы и мне почитать, а?

- Дать можно. Только не эту. Эту Вера берет.

Миша взял из рук Сеньки книгу и возвратил ее Вере.

- Подумаешь, Верка сопливая! - хмыкнул Сенька. Потом ехидно спросил: - Что это вас так мало?

- В лагере остались,- ответил Миша.

- Знаем! Разбежались кто куда. Теперь не соберете.

- А ты и рад! - укоризненно заметил Муха.

- Помалкивай, Муха! - огрызнулся на него Сенька.- Ты мне плот подавай,

слышишь! Голову оторву.

- Не брал я твоего плота.

- Врешь, брал! Вместе с Жердям и утащили. Своего нет, так чужое воруете, жулье несчастное!

Начиная кое о чем догадываться, Миша спросил:

- Что за плот?

- Плот у меня угнали, - сердито проговорил Сенька.- Угнали, подлюги, и не говорят куда. Жулье!

- Почему ты думаешь, что это сделали именно они?

- Кому же больше! Жердям - вор. Брат его Кузьмина убил? Убил. Наплачется теперь в тюрьме.

- Какой брат?.. Какого Кузьмина?..- ничего не понимая, спросил Миша.

С радостным удивлением сплетника Сенька уставился на Мишу:

- А ты не знаешь?

- Ничего не знаю...

- Так ведь Николай, Жердяев брат, Кузьмина убил,- делая страшное лицо, сказал Сенька.- Кузьмина, мужика нашего одного. Из револьвера застрелил. Как же вы не знаете? Там уж вся деревня была. И доктор приезжал, и милиция. Уж их в город увезли - и Кузьмина мертвого, и Николая, бандита этого.

- Когда это было, где? - в страшном волнении спросил Миша.

- Утром сегодня. На Халзином лугу. Там его Николай и застрелил. И лодку куда-то запрятал. А еще активист считается! Все они, активисты,- бандиты.

- А где Жердям?

- Кто его знает? Дома сидит. Стыдно небось людям в глаза смотреть, вот и сидит дома. А вы и не знаете ничего? Эх вы, пионеры-комсомольцы! Пошли, Акимка.

Лузгая семечки, они вразвалку пошли по улице. Ошеломленный, Миша растерянно глядел им вслед. Может быть, Сенька все наврал?

Но Муха печально проговорил:

- Это он верно рассказал. Николая в город увезли. На телеге.

Миша приказал Славке вести отряд в клуб, а сам побежал к Жердямю.

Глава 10

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО

Только теперь Миша обратил внимание на то, как взбудоражена деревня.

Везде стояли кучки крестьян, а возле лавки Ерофеева шумела большая толпа. И по тому, как люди волновалась, было видно, что говорят они именно об этом загадочном убийстве. А оно было загадочным.

Трудно поверить, что Николай убил Кузьмина. Добрый, приветливый человек! Всего несколько часов назад Миша видел Николая и Кузьмина, разговаривал с ними. Они стояли перед его глазами: Николай в потертой солдатской шинели без хлястика, Кузьмин в старых обрезанных сапогах, веслом отталкивающий лодку от берега. И это тихое утро, первые лучи солнца, свежий холодок реки, лилии меж зеленых листьев...

И зачем ему убивать Кузьмина? Миша не мог в это поверить. И с каким злорадством говорил Сенька Ерофеев: «Все активисты - бандиты».

Рыбалины жили на краю деревни, в покосившейся избе под соломенной крышей.

Концы тонких стропил торчали над ней крест-накрест. Два крохотных оконца падали на завалинку. Дверь из грубо сколоченных досок вела в холодные сени, где висели хомуты и уздечки, хотя ни лошади, ни даже коровы у Рыбалиных не было. Они были безлошадники, наибеднейшие крестьяне.

- Здравствуйте, - сказал Миша, входя в избу.

Мать Жердяя, Мария Ивановна, худая женщина с изможденным лицом, раздувала на загнетке огонь под черным чугуном горшком. Не разгибая спины, она обернулась на Мишин голос, тупо посмотрела на него и снова отвернулась к печке.

Жердяй тоже с безучастным видом посмотрел на Мишу и отвернулся.

На земляном полу виднелись закругленные следы метелки. Грубый деревянный стол был испещрен светлыми полосками - следы ножа, которым его скоблили. Вдоль стен тянулись лавки, темные, потертые, гладкие: на них сидели уже не один десяток лет. В переднем углу висела маленькая потускневшая иконка с двумя засохшими веточками под ней. На другой стене - портрет Ленина и плакат, на котором был изображен красноармеец, пронзающий штыком всех белых генералов сразу: Деникина, Юденича, барона Врангеля и адмирала Колчака. Красноармеец был большой, а генералы маленькие, черненькие, они смешно барахтались на острие штыка.

- Чего в клуб не идешь? - спросил Миша, присаживаясь рядом с Жердяем.

Жердяй посмотрел на спину матери и ничего не ответил.

Миша кивнул головой на дверь:

- Пойдем!

- Николая нашего арестовали, - сказал Жердяй, и губы его задрожали.

- Я их утром видел, они в лодку садились, - ответил Миша. - И Николай и Кузьмин.

Ворочая ухватом горшок в печи, Мария Ивановна сказала:

- Может, они и поспорили там, не знаю. Только не мог его Николай убить. Он и муху не тронет. И никакого револьвера у него нету. - Она бросила ухват и, закрыв руками лицо, заплакала: - Четыре года в армии отслужил... Только жить начал... И такая беда... Такая беда... - Она тряслась и повторяла:

- Такая беда... Такая беда...

- Надо ехать в город и защищать его, - сказал Миша.

Мария Ивановна вытерла глаза передником:

- На защитников деньги нужны. Где их возьмешь?

- В городе есть бесплатная юридическая помощь. При Доме крестьянина. Николая оправдают. Вот увидите.

Мария Ивановна вздохнула и снова принялась за горшки и ухваты.

Миша глядел на ее сгорбленную спину, худую, натруженную спину батрачки, на безмолвного Жердяя, на убогую обстановку нищей избы, и его сердце сжималось от жалости и сострадания к этим людям, на которых свалилось такое неожиданное и страшное горе. И хотя Миша ни секунды не сомневался, что Николай невиновен и его оправдают, он понимал, как тяжело теперь Марии Ивановне и Жердяю. Сидят одни в избе, стыдятся выйти на улицу.

- Спрашивает его милиционер, - снова заговорила Мария Ивановна: - «Ты убил?» - «Нет, не я». - «А кто?» - «Не знаю». - «Как же не знаешь?» - «А так, не знаю. Обмерили мы луг, я и ушел». - «А почему один ушел?» - «А потому, что Кузьмин на Халзан пошел».

- Что за Халзан? - спросил Миша.

- Речушка тут маленькая, - объяснил Жердяй, - Халзан называется. Ручеек вроде.

Ну, и луг - Халзин...

Мария Ивановна продолжала свой рассказ:

- Вот и говорит ему Николай: «Кузьмин на Халзан пошел. Верши там у него расставлены. А я уж как стал к деревне подходить, гляжу - за мной бегут. Говорят, Кузьмина убили. Побежали мы обратно. Действительно, лежит Кузьмин». - «Стрелял-то кто?» - «Не знаю». - «А лодка где?» - «Не знаю». А милиционер говорит: «Ловок ты, брат, сочинять». Нет того, чтобы разобраться.

Миша пытался себе представить и луг, и убитого Кузьмина, и Николая, и толпу вокруг них, и милиционера... А может быть, поблизости орудуют бандиты... Миша подумал об Игоре и Севе. Ведь и их могли бандиты пристукнуть. Вот что делается!

- Вы не беспокойтесь,- сказал Миша, вставая, - все разъяснится. Николая взяли в город как свидетеля.

- Нет уж,- вздохнула Мария Ивановна,- не скоро ее, правду-то, докажешь!

Глава 11

ГРАФИНЯ

Директор детского дома Борис Сергеевич оказался высоким, сутуловатым молодым человеком в красноармейской гимнастерке, кавалерийских галифе и сапогах. Он был в очках. Это удивило Мишу: военная, да еще кавалерийская форма, и вдруг - очки! Как-то не вяжется.

Он искоса и, как показалось Мише, неодобрительно посмотрел на палатки, точно ему не нравится и лагерь, и вообще все, так что Миша начал себя чувствовать виноватым в том, что усадьба Карагаево так запущена.

Они вышли на главную аллею и сразу увидели графиню. Старуха стояла на веранде, подняв кверху голову, в той самой позе, в какой ее уже видели мальчики, когда прятались в конюшне. Казалось, что она поджидает их. Приблизиться к этой неподвижной фигуре было довольно жутко.

Они остановились у ступенек веранды. Борис Сергеевич с знакомым уже Мише неодобрением смотрел на старуху, на ее обрамленное седыми волосами лицо с крючковатым носом и грязно-пепельными бровями. И под действием его взгляда все беспокойнее становилась графиня, ее большие круглые глаза с волнением и ненавистью смотрели на пришельцев.

Уверенность и спокойствие Бориса Сергеевича понравились Мише. И странно - Коровин тоже держался так, точно этой старухи и не было здесь вовсе. А когда приходил сюда с Мишей, так «сердце захолонуло».

Наконец старуха спросила:

- Что вам угодно?

- Я директор московского детского дома номер сто шестнадцать-. Разрешите узнать, кто вы.

- Я хранительница усадьбы,- объявила старуха.

- Прекрасно,- сказал Борис Сергеевич. - Есть предположение организовать здесь детскую трудовую коммуну. Я бы хотел осмотреть дом.

Старуха вдруг закрыла глаза.

Миша испугался. Ему показалось, что она сейчас умрет.

Но старуха не умерла. Она открыла глаза и сказала:

- Этот дом - историческая ценность. Я имею на него охранную грамоту.

- Покажите!

Старуха вытащила из-под платка бумагу, подержала ее в руках и протянула Борису Сергеевичу.

Тот взял и, недовольно морщась, начал читать.

подавшись вперед и скосив глаза, Миша из-за плеча Бориса Сергеевича тоже заглянул в бумагу.

В левом углу стоял большой расплывшийся штамп, точно наляпанный фиолетовыми чернилами. Текст был напечатан на пишущей машинке. Сверху крупно: «Охранная грамота». Ниже, обыкновенными буквами: «Удостоверяется, что жилой дом в бывшей усадьбе Карагаево, как представляющий историческую ценность, находится под охраной государства. Всем организациям и лицам использовать дом без особого на то разрешения губнаробразу воспрещается. Нарушение охранной грамоты рассматривается как порча ценного государственного имущества и карается по законам республики. Зам. зав. губернским отделом народного образования Серов». И затем следовала мелкая, но длинная подпись этого самого Серова.

- Все правильно,- сказал Борис Сергеевич, возвращая бумагу,- и все же здесь будет организована коммуна.

Старуха повернулась, поднялась по лестнице и скрылась за высокой дубовой дверью.

Борис Сергеевич обошел усадьбу, тщательно осмотрел сараи, конюшни, сад, пруд, поля за усадьбой. Потом сказал:

- Под самой Москвой - и помещики сохранились. На шестом году революции. Удивительно!

Когда они покидали усадьбу, Борис Сергеевич обернулся и снова посмотрел на дом.

Остановились и мальчики. В ярких лучах заката бронзовая птица горела как золотая. Она смотрела круглыми злыми глазами, словно готовая сорваться и броситься на них.

- Эффектная птица,- заметил Борис Сергеевич.

- Самый обыкновенный орел,- сказал Миша.

- Да? - ответил Борис Сергеевич, но, как показалось Мише, с некоторым сомнением в голосе.

Глава 12

НОВЫЕ ПЛАНЫ

Борис Сергеевич и Коровин уехали в Москву. А через час приехали Генка и Бяшка и объявили, что Игоря и Севы в Москве нет.

Генка делал вид, что очень устал, хотя оба мешка тащил все-таки Бяшка. В мешке оказалось много хлеба: по четверти и по полбуханки и даже две целые буханки, несколько кульков с крупами, пакет с сухими фруктами для компота и немного муки - вещь очень ценная: из нее можно делать оладьи.

- Нам этих круп надолго хватит, - разглагольствовал Генка.- Если, конечно, Кит не

сожрет крупу в сыром виде. Вот по линии сахара слабовато. Никто не дал. Зато есть конфеты.

Слипшиеся конфеты Миша распорядился тут же пересчитать и выдавать поштучно: две конфеты в день, к утреннему и вечернему чаю.

Потом Кит вытащил из мешка кусок свиного сала, сверток с селедками, топленое масло в вошеной бумаге, десятка два крутых яиц.

В добавление ко всему Генка вручил Мише деньги - тридцать восемь рублей.

- Урожай хороший,- одобрительно заметил Миша.- Видишь, Генка, что значит тебя посылать.

Генка хотел рассказать, кто из родителей что дал, но Миша остановил его:

- Кто что дал, не имеет значения. Как только продукты очутились в мешках, они принадлежат отряду. Лучше расскажи, что ты узнал дома у Игоря и Севы.

- Пришли мы к Севиной маме,- начал рассказывать Генка,- я ей вежливо говорю: «Здрате!» Она мне тоже отвечает: «Здрате!» Потом я говорю: «Вот приехали за продуктами». А она спрашивает: «Как там мой Сева?» Я отвечаю: «Здоров, купается». - «А когда он вернется?» - это она спрашивает. «В самые ближайшие дни», - отвечаю я. «Зачем?» - «За книгами».- «Очень хорошо. Передайте ему привет». Мы попрощались и ушли. Так же приблизительно было и у Игоря.

- Приблизительно, да не так, - вставил борец за справедливость Бяшка.

- Начинается! - пробормотал Генка.

- А как было у Игоря? - спросил Миша, чувствуя, что Генка что-то натворил.

- Мы как вышли от Севиной мамы, - начал Бяшка,- так Генка говорит: «Что-то очень подозрительно Севина мама с нами разговаривала. Может быть, Сева уже приехал, прячется от нас, а мамаше своей велел ничего нам не говорить. Нет, у Игоря мы будем умнее, они нас не проведут». Я его еще предупредил: «Не выдумывай, Генка, а то напортишь». Ведь предупреждал тебя, предупреждал?

- Рассказывай, рассказывай, - мрачно произнес Генка.

- Ну вот,- продолжал Бяшка, - приходим мы к Игорю, а там бабушка - мама дежурит на работе. «Ну, - шепчет мне Генка,- эту старушеницу мы обведем вокруг пальца». Я попытался его удержать, но Генка меня не слушает и говорит: «Здрате, мы к Игорю». А бабушка отвечает: «Игоря нет, он в лагере». Тогда Генка подмигивает ей и говорит: «Вы нас не бойтесь. Мы тоже из лагеря сбежали». Бабушка хлопает глазами, видно, ничего не понимает, а Генка все свое: «Давайте, говорит, побыстрее своего Игоря, нам тоже некогда». Старушка сначала онемела, глотает воздух, потом как завопит: «Батюшки! Значит, наш Игорек сбежал из лагеря! Куда же он? Да где же он? Что теперь делать? Надо матери сообщить! Надо в милицию бежать!..» Верно, Генка, так ведь было?

- Ладно, ладно, рассказывай.

- Тут, конечно, Генка перетрусил, стал говорить, что нарочно соврал. Я тоже стал доказывать, что Генка просто пошутил; если бы Игорь действительно сбежал, то мы не брали бы для него продукты. Едва-едва старушку успокоили.

- Ты безответственный человек, Генка, - сказал Миша,- тебе ничего нельзя поручить! Мало того, что Игорь и Сева сбежали из-за тебя, ты еще их родителей разволновал. А ведь предупреждали тебя! Теперь все! Выгоним тебя из звеньевых. Что ему ни поручи - все наоборот делает!

Глава 13

ХУДОЖНИК-АНАРХИСТ

Итак, беглецов в Москве нет. Значит, их надо искать на реке. Возможно, они уплыли на Сенькином плоту. И конечно, вниз. Какой им смысл подниматься против течения?

На чем же гнаться за ними? Готового плота нет, да и движется плот слишком медленно. Надо плыть за ними на лодке. Ее можно достать на лодочной станции. Но ведь лодочник заломит такую цену, что никаких денег не хватит!

Есть еще лодки у некоторых крестьян, но кто даст? Особенно нравилась Мише одна лодка, хотя и четырехвесельная и нелепо раскрашенная, но небольшая, быстроходная и легкая. Она принадлежала странному человеку, который жил в деревне и именовал себя художником-анархистом. В чем заключался его анархизм, Миша не знал. Он видел его раза два на улице. Художник, маленький голубоглазый человек, был пьян и выкрикивал какие-то непонятные слова.

Единственный, кто мог помочь Мише достать у художника лодку, был Жердьяй. К нему и направился Миша, тем более что решил взять Жердьяя с собой. Никто так не знает реку, окрестные леса и села, как Жердьяй. И ему самому будет интересно поехать. Ведь они поплывут мимо Халзина луга, и мало ли что бывает: вдруг нападут на след истинных убийц Кузьмина. И тогда легко будет оправдать Николая.

Этот довод подействовал на Жердьяя. Он согласился ехать с Мишей.

- Зовут его Кондратий Степанович,- рассказывал Жердьяй про анархиста,- художник он. Картин у него полно, всю избу разрисовал. Если он пьяный - слова не даст сказать, если с похмелья - вовсе прогонит, а если трезвый - тогда, может, и уступит лодку.

Изба сельского художника поразила Мишу смешанным запахом овчины, олифы, масляных красок, сивухи, огуречного рассола и прокисших щей. Она была довольно вместительной, но заставлена необычными для крестьянской избы вещами: мольбертом, холстами, подрамниками.

Поразительнее всего было то, что и изба и все предметы в ней были разрисованы самым странным и даже диким образом.

Стены - одна зеленая, другая желтая, третья голубая, четвертая и вовсе не поймешь какая. Печь в разноцветных квадратах, ромбах и треугольниках. Полы желтые. Потолок красный. Скамейки вдоль стен коричневые. Оконные рамы белые. Ухваты возле печи и те были разных цветов, а кочерга красная.

Художник сидел на лавке и что-то сосредоточенно строгал. Редкие на висках, но длинные сзади волосы рыжими мохнатыми космами опускались на белый от перхоти ворот толстовки, не то бархатной, не то вельветовой, изрядно вытертой и перепачканной всевозможными красками. Шея была повязана грязной тряпкой, изображавшей бант. Он поднял на ребят мутные голубые глаза и тут же опустил, продолжая свою работу.

- Мы к вам, Кондратий Степанович,- сказал Жердьяй.

- Зачем? - спросил художник глухим басом, неожиданным в этом маленьком и тщедушном человечке.

Жердьяй показал на Мишу:

- Начальник отряда к вам пришел.

Художник опять поднял голову. Взгляд его остановился на Мишином

комсомольском значке.

- Комсомол?

- Да,- ответил Миша.

- А я кто?

- Вы художник.

- По убеждениям?

- Не знаю, - едва удерживая смех, ответил Миша.

- Анархист-максималист,- важно объявил Кондратий Степанович.

- Мы хотели попросить у вас лодку на два дня,- сказал Миша.

- Анархисты-максималисты, - продолжал Кондратий Степанович,- не признают власти. По отношению к Советской власти - нейтралитет. В опыт не верим, но и не мешаем. Вот так...

Больше ему нечего было сказать о своих политических взглядах, и он снова начал строгать.

- А лодку дадите? - спросил Миша.

- Зачем?

Миша уклончиво ответил:

- Нам надо съездить в одно место.

- Анархисты имеют отрицательное отношение к собственности,- витиевато проговорил Кондратий Степанович.- Почему лодка моя?

Миша пожал плечами.

- Говорят, что ваша.

- Зря говорят. Привыкли к собственности, вот и говорят. Все общее.

- Значит, нам можно взять лодку?

- Берите,- продолжая строгать, сказал Кондратий Степанович.

- Спасибо! - обрадовался Миша.- Мы ее вернем в целостности и сохранности.

Жердьяй тихонько толкнул его в бок:

- Ключ проси!

- Тогда дайте нам ключ от лодки,- сказал Миша.

Кондратий Степанович сокрушенно покачал головой:

- Ключ... Трудное дело...

- Почему? - обеспокоенно спросил Миша, начиная понимать, что получить лодку будет не так просто, как показалось.

- Ключ - это личная собственность.

- Ну и что же?

- Лодка - общественная собственность, пользуйтесь, а ключ - собственность личная, могу и не дать.

- Что же нам, замок взломать?

Кондратий Степанович скорбно покачал головой:

- В милицию заберут.

- Ведь вы не признаете милиции,- ехидно заметил Миша.

Совсем упавшим голосом художник сказал:

- Мы не признаем. Она нас признает.

- Мы бы вам заплатили за лодку, но у нас нет денег,- признался Миша.

Кондратий Степанович отрицательно замотал головой.

- Анархисты-максималисты не признают денежных знаков.- И, подумав, добавил: - Обмен - это можно.

- Какой обмен?
- Ключ я дам, а вы взамен дадите мне подряд на оборудование клуба.
- Что за подряд? - удивился Миша.
- Клуб вы устраиваете? Украсить его надо? Вот я его и оформлю.
- Но ведь мы делаем его бесплатно.
- Плохо,- поник головой художник. - Труд должен вознаграждаться.
- Ведь анархисты не признают денег,- опять съехидничал Миша.
- Я не говорю - оплачиваться, а говорю - вознаграждаться,- пояснил анархист.
- Ребята вам за это огород прополют, Кондратий Степанович, - сказал практичный Жердяй.
- Эксплуатация, - задумчиво пожевал губами художник.
- Какая же это эксплуатация! - возразил Миша.- Вы вложили в лодку свой труд, а мы вам поможем своим трудом.
- Разве что так, - размышлял вслух Кондратий Степанович.- А когда прополете? Время не ждет.- Через окно он посмотрел на заросший бурьяном огород.
- Как только вернемся.
- Ладно уж,- согласился наконец художник,- и насчет клуба подумайте. Я его так оформлю, что и в Москве такого не найдется.
Он снял со стены и протянул Мише ржавый ключ.
- Хорошо! - Миша спрятал ключ в карман.- Мы обязательно подумаем насчет клуба.
Жердяй снова подтолкнул его:
- Весла!
- А где весла? - спросил Миша.
- Весла...- проговорил Кондратий Степанович печально.
Миша с испугом подумал, что он опять начнет рассуждать о собственности и не даст весел.
- Весла и уключины. Иначе как же мы на ней поедим?! - решительно сказал Миша.
- И уключины... - вздохнул Кондратий Степанович.
Ему очень хотелось еще поговорить, но, вспомнив, видимо, о прополке и о клубе, он сказал:
- Весла и уключины возьмете в сарае.

Глава 14

ВСЕГДА ГОТОВЫ!

На время своей отлучки Миша решил оставить старшей в лагере Зину Круглову... Генка легкомыслен, Славка нерешителен, Зина же хоть и девочка, а ребята ее уважают и даже побаиваются.

А Генку и Славку Миша решил взять с собой в поездку. Значит, вместе с Жердям их поедет четверо. Двое - на веслах, третий - за рулем, четвертый - дозорным, на носу.

Вернувшись в лагерь, Миша приказал Генке готовить снаряжение, а Славке готовить провизию.

- Рассчитывайте на два дня, - сказал Миша. - Ты, Генка, проверь лодку: нет ли течи, как сидят уключины и весла. Приготовь на всякий случай запасное весло и шест. Возьми пару удочек. Не забудь компас, топор, веревку, ведро, котелок, фонарик с

батареями. И свистки для каждого. И два флажка для сигнализации.

- А палатку?

- Не надо. И так переночуем. Да, спички не забудь. Все! Записал?

- Записал! - Генка подвел под список жирную черту.

Миша повернулся к Славке:

- Теперь ты, Славка! Продукты возьмешь в двух мешках - на случай, если разделимся попарно. Каждому кружку, ложку, нож. Продукты: буханку хлеба, крупы какой-нибудь на две варки, немного масла, чай, восемь штук конфет. Все!

Генка зароптал:

- Голодать будем!

- Наловим рыбы. Не забудь соль.

- Можно еще немного картошки взять,- предложил Славка.

- Верно, - согласился Миша.- И учти: никаких бумажных пакетов, только из материи. Вообще все снаряжение надо подогнать так, чтобы ничего не скрипело, не болталось, а главное, не звякало и не брякало. Понятно? Ты, Генка, смажь уключины и возьми с собой кусок холстины: может быть, придется обвязать весла для бесшумности.

- Мы, конечно, все сделаем,- сказал рассудительный Славка,- но я сомневаюсь в успехе нашей поездки.

- Ты всегда во всем сомневаешься.

- Сева и Игорь имеют перед нами преимущество во времени,- продолжал Славка,- и мы их никогда не догоним.

- Мы не догоним таких пентюхов? - закричал Генка.

Миша сказал:

- Они плывут на плоту, а мы на лодке, это втрое быстрее. Они делают много остановок: и продукты им надо купить, и маршрут они плохо знают, и дрыхнут, наверное, до полудня. И, наконец, не вечно же они собираются плыть по реке! Где-то они должны остановиться и пересечь на железную дорогу. Значит, в этом месте они оставят плот. Мы его увидим. И по этому следу их найдем.

К вечеру все было готово. Снаряжение и продукты сложены в лодку, а сама она, проверенная и смазанная, подведена ближе к лагерю, и возле нее поставлены часовые.

Отплытие было назначено на четыре часа утра.

Чтобы не опоздать, Жердяй остался ночевать в лагере.

Вечером у костра Миша, взывая к сознательности ребят, убеждал их слушаться Зину:

- Положение очень серьезное. Я уже не говорю о международной обстановке, это все знают. Но даже здесь тревожно. Сева и Игорь убежали. А тут загадочное убийство. Может быть, рядом бродят бандиты. И помещичья усадьба со старухой тоже очень подозрительна. Надо быть настороже. Дисциплина прежде всего.

Зина Круглова, чтобы усилить впечатление, добавила.

- Эта старорежимная графиня возьмет и сожжет усадьбу, чтобы коммуне не досталась.

- Даже очень просто, - подтвердил Миша, единственно для поддержки Зининого авторитета. В то, что старуха сожжет усадьбу, он, конечно, не верил.- Графиня, наверное, ждет, когда вернутся помещики и князья. Вот и стережет для них усадьбу.

Славка покачал головой:

- Вряд ли есть люди, которые надеются, что вернется старый режим.

- Не беспокойся, есть, - заверил его Миша.

Жердяй сказал:

- У нас на деревне говорят... Лорд этот самый английский...

- Лорд Керзон,- подсказал Миша.

- Вот-вот... Керзон этот самый... Написал Ленину письмо.

- Ультиматум.

- Так говорят, теперь Советской власти конец.

Все рассмеялись.

- Эх ты, Жердяйчик! - закричал Генка.- Не дождутся эти лорды конца Советской власти.

- Керзон нам предъявил наглые требования,- сказал Миша,- требует, чтобы мы отозвали своих представителей из Ирана и Афганистана. Боится, что колонии не захотят больше быть колониями. Народы Востока!.. А ну-ка, Славка, прочитай газету!

Славка развернул газету. Вверху, слева, было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а справа: «Берегите газеты, у нас их мало!»

Славка прочитал об ультиматуме Керзона и о демонстрациях против ультиматума под лозунгом «Руки прочь от Советской России!».

- Нас поддерживают рабочие всего мира,- объяснил Миша.- И никакие капиталисты нам не страшны.

Жердяй задумчиво сказал:

- Еще говорят, что Ленин совсем болен.

- Что же из того, что он болен? Переутомился, вот и болен. Слушай... - Миша взял у Славки газету и громко прочитал: - «Резолюция рабочих Гознака... Дать Владимиру Ильичу трехмесячный отпуск и потребовать от него точного исполнения предписаний врачей, дабы он мог восстановить свои силы на благо трудящихся».

Неожиданная мысль пришла ему в голову, и он сказал:

- Сейчас все пишут Ленину, давайте и мы напишем.

Все удивились. Что они могут написать Ленину?

- Напишем, чтобы он скорее выздоравливал,- сказал Миша.

Зина Круглова сказала:

- Если даже Ильич не прочтет нашего письма, то ему о нем расскажут. И ему будет приятно, что все о нем помнят, любят и желают ~му здоровья.

И ребята сочинили такое письмо Владимиру Ильичу Ленину:

«Дорогой Ильич! Мы, юные пионеры и комсомольцы, шлем тебе горячий пролетарский привет. Мы хотим, чтобы ты скорее выздоровел. Мы хотим бороться за рабочее дело так же, как боролся и ты всю свою жизнь. Мы всегда готовы защищать и укреплять Советскую Россию. Выздоровливай скорее, дорогой наш Ильич!»

Часть вторая

ПОГОНЯ

Глава 15

ЛОДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

Миша уперся ногой в скользкий берег, столкнул лодку в воду, перевалился через борт и вскарабкался на нос.

Поехали!

Белесый туман окутывал реку. Берега едва виднелись. Кусты ракитника достигали середины реки. Толстые стволы лежали над самой водой. Генка и Славка едва не задевали их веслами. Но сидевший на корме Жердяй искусно направлял лодку по узкой и извилистой речонке.

Миша засек время. Если они будут делать восемь километров в час, то к вечеру достигнут устья реки. Туда считается не то семьдесят, не то восемьдесят километров.

Размышляя таким образом, Миша зорко поглядывал по сторонам. В этот предутренний час река казалась совсем чужой. Все вдруг стало огромным, глубоким, таинственным, причудливым: неожиданно высокие деревья, кусты, казавшиеся непроходимыми... Почему они никак не могут обогнуть мысок, за которым должна быть лодочная станция? Может быть, в темноте он проглядел ее?..

Миша приподнялся. В эту минуту они обогнули мыс.

Сразу стало светлее. Миша увидел маленькую будку лодочной станции. Но тут же он заметил приближающуюся к станции женщину. Это была графиня. Зачем она пришла сюда так рано? Миша торопливо прошептал:

- Тихо! Не гребите!

Генка и Славка подняли весла.

Ухватившись рукой за ветку, Миша подтянул лодку под куст орешника. Отсюда была хорошо видна лодочная станция.

Туман еще не сошел. За будкой виднелся неподвижный силуэт лошади, запряженной в повозку. И оттого, что будка была очень маленькой, лошадь и телега казались громадными.

На берегу стояли графиня и Ерофеев, отец Сеньки, кособокий старичок в черном картузе.

Лодочник Дмитрий Петрович возился в лодке, потом выпрямился и вышел на берег. Миша его не то что побаивался, а чувствовал себя с ним неудобно: как-то неискренне и хитро улыбался всегда лодочник. Ходил он босиком, в сатиновой рубашке без пояса, ловкий, сильный, но лицо у него было чистое, холеное, совсем не крестьянское, с маленькими острыми усиками.

Ерофеев и лодочник подошли к телеге. С нее кто-то соскочил. Ребята вгляделись - это был Сенька. Ерофеев снял с телеги рогожу.. Затем они втроем перетащили в лодку два больших мешка.

Дмитрий Петрович прыгнул в лодку. Ерофеев оттолкнул ее. Лодка качнулась, отошла от берега и, влекомая течением, повернулась на середине реки. Табаня одним веслом, Дмитрий Петрович направил ее вниз по течению.

Все смотрели ему вслед: мальчишки - из своего укрытия, старуха, Ерофеев и Сенька с берега.

Лодка скрылась за поворотом. Ерофеев и Сенька пошли к телеге. Старуха полевой тропинкой направилась к усадьбе. В высокой пшенице мелькнул ее черный платок. Раз, другой... Потом она совсем исчезла.

Глава 16

НА РЕКЕ

Первым нарушил молчание Генка.

- Интересно, что они увезли в лодке? - Он встал, вглядываясь в даль реки, хотя ни лодки, ни лодочника уже не было видно.- Эта лодочная станция всегда казалась мне подозрительной. Я еще вчера Славке говорил. Правда, Славка?

- Не вчера, а позавчера, - ответил точный Славка,- и ничего подозрительного я здесь не вижу. Мало ли что людям надо перевезти на лодке.

- «Перевезти», ага! - передразнил его Генка.- В такую рань, чтобы никто не видел! И Ерофеев, мироед, со своим Сенькой примазались.- Он обернулся к Мише: - Знаешь, Миша, давай лучше высадим Славку.

- Зачем?

- Он всю дорогу будет сомневаться: «Ничего особенного», «Ничего у нас не выйдет», «Ничего мы не найдем»... Будет канючить.

Миша в ответ только отмахнулся. Но что все это значит. Графиня, лодочник, Ерофеев - все вместе. Что-то отправляют ночью, тайком...

- Возможно, старуха инвентарь вывозит, чтобы коммуне не достался, - предположил он.

- Какой у нее инвентарь! - сказал Жердяй.

Что же по-твоему?

Я почему знаю!

- Ладно! - решил Миша.- Все равно нам плыть вниз. Будем искать Игоря и Севу, заодно посмотрим, куда лодочник отвезет эти мешки. Главное - чтобы он нас не увидел. Поехали!

Жердяй оттолкнул лодку от берега. Генка и Славка взмахнули веслами. Приставив к глазам бинокль, Миша вглядывался вперед. Лодочника не было видно. Но ничего, они его нагонят.

Извилистая речка протекала в глубокой, узкой долине. Высокий правый берег был сильно подмыт - над водой желтели ноздреватые известняки, белели причудливые обрывы мела. На низком левом берегу виднелись узкие полоски заливных лугов и торфяных болот. Сквозь мутную воду дно проглядывалось только на очень мелких местах - вязкое, покрытое тиной. Местами вода быстро кружилась - на дне били ключи и родники.

Мальчики миновали деревню, паромную переправу, а лодочника все не было. Неужели на двух парах весел они не могут его догнать? Миша дал знак пристать к берегу, вылез из лодки и взобрался на холмик, пытаясь оттуда увидеть лодочника.

Широкая панорама долины открылась перед ним: бескрайние поля, темные леса, тихие перелески, одинокие ветряные мельницы, белые колокольни церквей, на ближних полях телеги с поднятыми к небу оглоблями. Солнце медленно подымалось из-за горизонта. Его косые лучи раздвигали дали, окрашивая мир в яркие краски. Но узкая черная полоска реки была скрыта холмами и зарослями.

Миша вернулся в лодку. Теперь Генка сидел на руле, а Славка с биноклем в руках - на носу.

- Нажмем, Жердяй, - говорил Миша, изо всех сил работая веслами. - Ты, Генка, на руле поосторожнее.

- За меня не беспокойся, не в первый раз,- не замедлил ответить Генка.

В тельняшке и подвернутых брюках, с кормовым веслом в руках он выглядел очень

живописно.

- Ты, Славка,- командовал Миша,- смотри в оба! И не только за лодочником. Главное - Игорь и Сева. Нет ли плота или каких-нибудь других следов.

- Пока ничего нет, - ответил Славка,- ни лодочника, ни ребят, ни плота, ни следов. Так плыли они еще минут тридцать - сорок, гребя изо всех сил.

Вдруг Славка, не отрывая глаз от бинокля и поворачивая его то в одну, то в другую сторону, сказал:

- Тише, ребята! Кажется, лодочник...

- Где?!

Миша и Жердяй подняли весла. Генка привстал всматриваясь вперед.

- Опять пропал,- поворачивая бинокль, сказал Славка.-Только что, за тем поворотом, я видел лодку. Ага, вот он опять мелькнул.

- Сколько до него?

- С километр,- неуверенно проговорил Славка.

- Сейчас будет Халзин луг,- волнуясь, сказал Жердяй.

- К берегу! - тихо скомандовал Миша.

Они с Жердяем выскочили из лодки и посмотрели на реку. Дмитрий Петрович не греб.

Его лодка покачивалась на воде, а сам он, повернув голову, смотрел на берег.

- На Халзин луг смотрит,- прошептал Жердяй, белый как полотно.

Лодочник смотрел на луг, изредка медленным движением весла выравнивал лодку. Ага, не хочет подплывать к месту, где убили Кузьмина...

Покрытый ярко-зеленой травой, залитый солнечным светом, Халзин луг тянулся по левому берегу реки и по правому берегу впадающей в нее крошечной, почти высохшей речушки Халзан.

Зеленое однообразие луга, тишина, спокойствие. Мальчикам казалось, будто они слышат монотонное жужжание комаров и звонкое стрекотание кузнечиков. Место было открытое. Несколько одиноких деревьев свешивали к земле свою низкую листву. И только на берегу густо росли кусты. Откуда же стреляли в Кузьмина? И почему Николай не слышал выстрела? И кто угнал лодку? Странно...

Наконец лодочник взмахнул веслами. Лодка поплыла дальше. Мальчики тут же сползли с берега и двинулись вслед. На веслах - Генка и Славка, на носу - Миша, на корме - Жердяй.

Теперь они держались от лодочника на таком расстоянии, чтобы можно было рассмотреть его в бинокль.

Лодочник то появлялся, то исчезал за частыми излучинами реки. Он сидел на веслах, лицом к следовавшим за ним мальчишкам, и им приходилось быть очень осторожными, чтобы не попасться ему на глаза. Перед каждым поворотом реки Миша выскакивал на берег и смотрел в бинокль, где лодочник. В азарте погони они совсем забыли о цели своего путешествия.

- Сейчас пойдут самые лесистые места,- сказал Жердяй,- скоро я вам тропочку покажу. Если по этой тропочке идти, как раз на Голыгинскую гать и выйдешь.

- Ту самую, где мертвый граф закопан?

- Ту самую.

- Так далеко от усадьбы?

- По реке далеко. А через лес близко.

Длинная излучина реки опять укрыла лодочника. Боясь потерять его из виду,

Миша приказал грести быстрее. Генка и Славка налегли на весла. Лодка вынеслась за поворот. И Миша сразу убедился в опрометчивости своего поступка: метрах в трехстах от них лодочник, шагая по воде, втягивал свою лодку в маленькую бухточку возле двух белых камней. Ребят выручило только то, что лодочник стоял к ним спиной и, расплескивая ногами воду, не слышал шума их весел.

Мальчики подтянулись к берегу и укрылись за высоким деревом, ветки которого спускались к самой воде. Оставаясь незамеченными сами, они хорошо видели лодочника.

От этих камней и идет дорога на Голыгинскую гать,- прошептал Жердьяй.

Миша сделал ему знак молчать.

Лодочник вытащил лодку, забросил цепь за камень и обернулся к лесу.

Тишину реки огласил троекратный крик совы.

Глава 17

ЛОДОЧНИК

Это была маленькая, обмелевшая бухточка. Густые листья могучего дуба заслоняли ее от солнца - только поэтому она не высохла. На берегу лежали два больших белых камня. Короткая тропинка тянулась от них к орешнику и исчезла в лесу.

Лодочник стоял на берегу, к чему-то прислушиваясь. Прислушались и мальчики. В лесу раздался далекий ответный крик совы. Притаившись за деревом, мальчики ждали, что будет дальше.

Опушка была покрыта ярким цветочным ковром. Высокие темно-желтые лютики, прямые кисти бледно-желтого борца, белая гвоздика, светло-голубые лесные колокольчики - все это, цветущее и переливающееся под ослепительными лучами солнца, было таким мирным, таким радостным, добрым, что Мише вдруг показались нелепыми все его подозрения. И ему думалось, что если он сейчас подойдет к лодочнику, то тот будет с ним мирно разговаривать, как всегда улыбаясь своей насмешливой, довольно неприятной, но, в общем, ничего не значащей улыбкой.

Но это чувство безмятежного доверия угасло так же быстро, как зародилось. Из леса опять донесся крик совы.

Лодочник встал, прошелся по берегу и, убедившись, что никого вокруг нет, обернулся к лесу и сделал рукой жест, подзывая того, кто скрывался за деревьями.

Из леса вышли два парня с заспанными лицами, одетые в зимнюю крестьянскую одежду; на одном был рваный полушубок, на другом - длинный вытертый зипун; оба в помятых солдатских шапках.

Парни перетащили мешки в лес. Лодочник что-то им сказал. Парни ничего не ответили. И, уже сидя на веслах, лодочник опять что-то сказал. Но ветер отнес его слова в сторону.

Как только лодочник сел в лодку, Миша сообразил, что надо покидать убежище. Мальчики быстро поплыли назад.

Отойдя с полкилометра, они развернулись и медленно поплыли навстречу лодочнику, так, будто они просто катаются по реке. Даже бинокль Миша запрятал под сиденье.

Как только они развернулись, показался лодочник. Он греб медленно, сильно откидываясь назад, и когда наклонялся, то было видно, как сжимаются и разжимаются

под рубахой его острые лопатки.

Он оглянулся на шум весел ребячьей лодки и перестал грести. Его лодка, покачиваясь на воде, медленно поворачивалась, и, когда ребята поравнялись с ней, она уже стояла посередине реки, загораживая проход. Чтобы не зацепить ее веслами, мальчики тоже перестали грести. Наклонив голову, лодочник исподлобья оглядел мальчиков, неожиданно улыбнулся:

- Далеко плывете, товарищи?

Он улыбался одним ртом. Концы его маленьких острых усов при этом хищно топорщились кверху, а холодные голубые глаза пристально и недоверчиво смотрели на мальчиков. Эта улыбка лодочника и раньше корбила Мишу, а сейчас была особенно неприятна.

- Так, плывем,- ответил Миша.

Лодочник по-прежнему улыбался. Но рука его лежала на борту ребячьей лодки, и он медленно подтягивал ее к себе. Миша понял, что он тянется к цепи, и крепко прижал ее ногой.

Продолжая улыбаться, лодочник обвел оценивающим взглядом ребят. Перед ним сидели четыре здоровых и, в сущности, уже взрослых парня. По его лицу было видно, что он обдумывает, как ему поступить. Потом он сказал:

- И Жердяй с вами?

Миша ничего не ответил. Минуту продолжалось молчание.

Лодочник крепко держал лодку. Потом опять сказал:

- Знакомая лодка.

- Это лодка Кондратия Степановича, - ответил Миша.

- Вот как? - недоверчиво усмехнулся лодочник, ухватив наконец рукой металлическое кольцо, к которому была приторочена цепь. - Значит, Кондратия Степановича? - переспросил лодочник, и Миша почувствовал ногой, что он потихоньку дергает цепь.

Но Миша крепко держал ее.

- Да, Кондратия Степановича,- повторил Миша, не понимая, к чему клонит лодочник.

По-прежнему улыбаясь, лодочник покачал головой:

- Так, так... Некрасиво, товарищи, некрасиво... А еще комсомольцы...

Он опять потянул цепь, но Миша крепко держал ее ногой.

- Что некрасиво? - нахмурился Миша.- Что вы нас стыдите?

- Лгать нехорошо,- укоризненно сказал лодочник.- Нехорошо покрывать преступников. Ведь я знаю, чья это лодка.

- Чья же? - усмехнулся Миша.

- Это лодка Кузьмина, которого вчера здесь убили. А убил его брат. - Лодочник показал на Жердяя.- Эту лодку милиция разыскивает, а вы ее прячете. Нехорошо. Очень нехорошо.

Перед таким нелепым обвинением Миша растерялся и забыл про цепь. В ту же секунду лодочник изо всех сил дернул ее. Миша упал. Падая, он попытался рукой схватить цепь, но опоздал. Усмехаясь, лодочник накинул ее на крюк, который торчал на корме его лодки, и тут же оттолкнулся. Цепь натянулась. Мальчики могли достать ее теперь, только перебравшись в лодку к Дмитрию Петровичу.

- Нехорошо, нехорошо, - нагло улыбаясь, повторил лодочник. - Жердяй хочет брата выручить - понимаю, а вам, комсомольцам, не к лицу. Придется, дорогие друзья,

вернуться в деревню, придется!

Дрожа от возмущения, Миша закричал:

- Какое вы имеете право?

- Каждый должен помогать правосудию, - изрек лодочник.

Между тем, как ни слабо течение, оно относило обе лодки к берегу.

Этого Миша опасался больше всего. Если Дмитрию Петровичу удастся задержать их лодку на берегу, то он сможет каким-либо сигналом вызвать из леса своих парней, и тогда мальчики будут бессильны перед ними. Значит, нельзя терять ни секунды.

Лодки уперлись в берег. Миша вскочил на нос:

- Сейчас же отпустите, слышите!

- Рад бы, да не могу,- рассмеялся лодочник.

Он не успел договорить - Миша перепрыгнул в его лодку и схватил весло.

- Не трогать! - заорал лодочник и вскочил, высоко подняв в руках весло.

Но Миша одним движением сорвал цепь с крюка и перебросил ее в свою лодку.

Потом он выпрямился:

- Ударьте! Попробуйте!

Дмитрий Петрович стоял, высоко подняв весло, с искаженным от бешенства лицом. Он ударил бы Мишу, но Генка и Славка уже карабкались в его лодку. Генка так навалился всем телом на борт, что лодка накренилась... Лодочник покачнулся и закричал:

- Не лезь, сволочь!

Он наклонился к Генке, пытаясь достать его веслом, и в ту же секунду Славка, тихий, стеснительный Славка, схватил с другой стороны лодочника за ноги и рванул к себе. Дмитрий Петрович полетел в воду.

- Назад! - крикнул Миша.

Мальчики поспешно влезли в свою лодку. Изрыгая проклятия, Дмитрий Петрович метнулся за ними. На него испуганно смотрел ошалевший от страха Жердяй.

- Гребите! - завопил Миша.

Генка и Славка торопливо, сталкиваясь веслами, начали грести. Дмитрий Петрович был уже совсем близко. Он дернулся к корме, но промахнулся. Генка и Славка ударили веслами один раз, другой... Набирая скорость, лодка понеслась по реке. Расстояние между ней и лодочником все увеличивалось... Дмитрий Петрович постоял некоторое время, повернулся и пошел к берегу.

Лодка неслась все быстрее. Поворот... За ним другой... Вот и дерево, под которым они прятались... Вот и два белых камня... Еще поворот... И они выплыли на прямой, длинный отрезок реки, уходивший в сторону от леса. Здесь их лодочник уже не догонит.

Глава 18

В ЧЕМ ЖЕ ДЕЛО?

И всё же мальчики продолжали грести изо всех сил, тяжело дыша и оглядываясь назад. Им казалось, что сейчас из-за поворота опять появится лодочник. И не один, а с парнями, которых он оставил в лесу.

Но страх, который вначале придал Генке и Славке силы, начал проходить.

Они почувствовали себя совершенно изнеможенными и объявили, что не в состоянии больше грести. Миша и Жердяй сменили их.

Очутившись на корме, Генка с дружелюбной насмешливостью поглядел на Славку:

- Славка-то, а? Как лодочника дернул!.. Вот уж от кого не ожидал!

Никто ему не ответил.

- А Жердяйчик наш перепугался,- продолжал Генка.- Прямо душа в пятки ушла.

Жердяй покраснел:

- Вам-то что? Уехали в Москву, и всё, а мне с матерью здесь оставаться.

- Ну и что?

- Зарежут они нас, вот что! - убежденно ответил Жердяй.

- Так уж и нарежут,- усмехнулся Генка.

- А ты думаешь... Тут тебе не Москва. Зарежут, и всё. Не первый случай.

- Кто они и кого они зарезали? - спросил Миша.

В ответ Жердяй только засопел и стал грести еще старательнее.

Сидевший на носу Славка сказал:

- Все же непонятно, почему лодочник к нам пристал. Неужели он действительно думал, что мы на лодке убитого Кузьмина?

- Эх ты, святая простота! - закричал Генка.- Разве он не может лодки отличить?

- У Кузьмина однопарка, а эта двухпарка. Другой двухпарки у нас на деревне нет,- сказал Жердяй.

- Вот видишь! - подхватил Генка.- Нет, тут дело в другом.

- В чем же?

- Он боялся, что мы пойдем в лес и увидим этих парней и мешки. Вот чего он боялся.

- Правильно, только при условии, что в мешках есть что-то тайное, - сказал Славка.

Генка трагически воздел руки к небу:

- Налицо банда, а ты сомневаешься! Нас только что хотели утопить, а тебе кажется, что ничего не произошло.

- Какие теперь банды? - возразил Славка.

- Видали его! - закричал Генка. - «Какие банды»! Кузьмина они убили, это уж определено!

Жердяй перестал грести и испуганно смотрел на Генку.

- Почему ты решил, что они убили Кузьмина? - спросил Славка.

- А кто? Его брат? - Генка кивнул на Жердяя.- Скажи, Жердяй, убивал твой брат Кузьмина?

- Не убивал он. - Жердяй снова начал грести.

- А кто убил?

- Не знаю.

- А я знаю, - упрямо повторил Генка.- Они .и убили.

Миша не вмешивался в разговор. Все только что происшедшее казалось ему диким, невероятным.

К убийству Кузьмина это может иметь прямое отношение. По лицу лодочника видно, что он убийца. Увидел Жердяя в лодке и испугался, что Жердяй доискивается настоящего виновника. Вот и хотел их повернуть обратно, чтобы они не напали на настоящий след.

А вдруг... Миша даже похолодел. А вдруг это связано также и с исчезновением Игоря и Севы? Может быть, с ними что-то случилось? И именно поэтому лодочник не хотел их пропускать вперед. Может быть, Игорь и Сева оказались случайно свидетелями убийства или набрали в лесу на парней и те их убили, боясь разоблачения. Мало ли в какую переделку могли попасть ребята.

В эту минуту раздался голос Генки:

- Справа по борту шалаш!

Глава 19

УДИВИТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

На берегу, в тени дерева, стоял крошечный шалаш, сделанный из веток и листьев. Возле него горел небольшой костер.

У костра сидели мужчина и женщина.

- Спросим, не видели ли они ребят,- предложил Миша.

Мальчики положили весла на борта. Лодка замедлила ход.

Миша приставил ладони рупором ко рту:

- Алло! На берегу!

Мужчина и женщина обернулись. Оба они были в больших роговых очках.

- Скажите,- крикнул Миша,- здесь не проплывали два мальчика на плоту?

Мужчина и женщина переглянулись. Потом, как по команде, снова обернулись к мальчикам, но ничего не ответили.

- Глухие, что ли? - пробормотал Миша.

- Это же нэпманы, - объявил Генка.- Как нелепо расплылася рожа нэпа... Он толстый, лысый, в очках, у нее тоже волосы крашенные...

Миша снова крикнул:

- Вы двух мальчиков не видели на плоту?

Мужчина и женщина опять переглянулись. Потом мужчина встал и крикнул:

- Не понимай!..

Мальчики во все глаза смотрели на него.

- Иностранец,- пробормотал Генка.

Перед ними стоял плотный лысый человек в роговых очках, рубашке с короткими рукавами и серых широких брюках гольф, спускающихся чуть ниже колен на серые же, явно заграничные чулки.

- Не понимай! - снова крикнул иностранец, засмеялся и отрицательно покачал большой круглой лысой головой.

- Поговорить с ними, что ли? - нерешительно сказал Миша.

- А чего,- поддержал Генка,- посмотрим, что за иностранцы такие. Шпрехен зи дейч...

Мальчики подгребли к берегу, вышли из лодки и подошли к шалашу.

Мужчина смотрел на ребят и улыбался.

Женщина сидела у костра, помешивая ложкой в котелке. Мальчики потянули носами: из котелка пахло шоколадом.

Вы далеко кричать, а ми плохо понимать руськи,- сказал иностранец.

Возле палатки лежали рюкзаки с ремнями и блестящими застежками, два фотоаппарата на тоненьких ремешках, консервная банка с яркой этикеткой, термосы и

еще какие-то мелкие вещи заграничного происхождения.

«Иностранные туристы,- решил про себя Миша,- буржуазия. Пролетарии по заграницам не раскатывают...»

То же самое подумали Генка и Славка. Мальчики с неприязнью смотрели на представителей капиталистического мира, так неожиданно появившихся на берегу реки.

Как сюда попали эти хищники и акулы?

- Ви повторяйт ваш вопрос,- сказал иностранец.

Вблизи оказалось, что он не так уж лыс. На голове у него были волосы, но очень редкие и светлые, как пушок. И весь он, полный, розовощекий, походил на большого откормленного ребенка.

Миша повторил свой вопрос:

- Здесь не проплывали два мальчика на плоту?

- Плёт? Что значит плёт?

- Это как лодка, - объяснил Миша и показал руками, такой четырехугольный, из бревен.

Иностранец радостно закивал головой.

- Понимайт, понимайт! - Он обернулся к женщине и произнес какое-то иностранное слово, потом опять радостно закивал головой: - Плёт. Понимайт! От слова «плить», «плавать». Понятно... Были здесь два мальпик, пайонир, галстух. - Он тронул свою шею.- Пайонир, хорош пайонир. Биль тут, биль.

- Когда?

- Ночевал. Не эта ночь, а после эта ночь. Вчера утром дальше плить на свой плёт. Плёт подчинял и поехал.

У Миши отлегло от сердца. Значит, Игорь и Сева живы, здоровы, ничего с ними не случилось. Вчера преспокойно сидели здесь, беседовали с иностранцами, и происшествие на Халзином лугу их никак не коснулось. Ну и прекрасно! Хоть с этим все в порядке. Теперь-то их наверняка можно будет догнать. Расстояние между ними было два дня, а теперь только один. К вечеру и нагонят.

Из котелка распространялся аппетитный запах шоколада.

Мальчики бросали на котелок голодные взгляды.

Генка просто дрожал от жадности.

Женщина что-то сказала мужчине. Улыбаясь, он проговорил.

- Мальшики, кофей пить.

Вот еще! Станут они угощаться у буржуев! Миша отрицательно качнул головой, продумывая какую-нибудь вежливую форму отказа, но Генка прошептал:

- Давай обожрем капиталистов...

Мише это предложение показалось дельным. С Игорем и Севой все в порядке, можно особенно не торопиться. Поесть-то им все равно надо. А если они будут сами варить обед, то потеряют еще больше времени.

Мальчики уселись вокруг костра. Только Жердяй продолжал стоять. Стеснялся. В своей деревне он никогда не видел иностранцев. Миша велел ему сесть, он присел на корточки, но на порядочном расстоянии от костра.

Женщина разлила дымящийся напиток по металлическим стаканчикам. Из кожаного несессера были извлечены крошечные ложечки и щипчики для сахара. Все это женщина проделала проворно, но молча, без улыбки. У нее были коротко подстриженные волосы рыжеватого оттенка, с сильной проседью. За очками вокруг

глаз виднелась частая сеточка морщин. Руки худые, загорелые, а на запястьях белые полосы.

«Кисти не загорели из-за браслетов,- подумал Миша,- браслеты она оставила в гостинице. Боится, что ограбят».

На салфетке лежали тонюсенькие ломтики хлеба, намазанные чем-то коричневым. Слава и Миша взяли по бутерброду и один передали Жердюю. Но Генка как накинулся на бутерброды, так уже не мог оторваться. Через минуту салфетка была чиста. Славка его несколько раз подталкивал, но Генка словно осатанел. А ведь не обжора, не Кит, просто изголодался, да и из озорства решил обожрать буржуев.

Впрочем, все проголодались. И этот маленький бутерброд, похожий на папиросную бумагу, только раздражил аппетит. Мальчики забыли о деликатности, необходимой в отношениях с представителями иностранной державы.

Женщина не успевала намазывать бутерброды. Мужчина открыл новую банку консервов, затем сардины и, наконец, банку сгущенного молока. Все это ребята уничтожили, особенно же навалились они на хлеб. Говорят, что иностранцы едят мало хлеба, но ведь они-то не иностранцы.

По тому, как смущенно заглядывал иностранец в свой рюкзак и наконец вывернул его, ребята поняли, что иностранные запасы уничтожены. Впрочем, они уже были сыты. Даже несколько осоловели. Им дремалось. Ведь в лагере они привыкли спать после обеда. Миша посмотрел на свой «будильник» и сказал:

- Минут двадцать отдохнем и поедем дальше. Неудобно сразу смываться.

Отяжелевшие от еды, мальчики прилегли вокруг костра. Жердюй уселся поудобнее.

Глава 20

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

- Комсомоль, - улыбаясь, сказал иностранец, показывая на комсомольские значки ребят.- Ким... Интернациональ.

- Да, мы есть комсомольцы,- ответил Миша, думая, что если он будет коверкать слова, то иностранец его скорее поймет

- Карашо, карашо. Комсомоль - это карашо, Интернациональ - это карашо...

«Притворяешься, буржуазия несчастная! - подумал Миша. - Не любишь ты ни комсомола, +ш Интернационала». По том спросил:

- Путешествуете? Вояж?

- О да, да,- закивал головой иностранец,- мы есть путешественник. Ходить, ездить. Россия карошая страна, красивая страна.

- Нравится вам у нас? - насмешливо спросил Генка, поглаживая туго набитый живот.

- О, нравится, отшень нравится... Отшеиь карашо.

«Знаем, как вам у нас нравится,- подумал Миша. - Живьем бы съели нашу республику!»

- Как там у вас лорд Керзон поживает? - развязно спросил Генка.

Иностранец брезгливо сморщил лицо:

- О, лорд Керзон... Это некарашо - лорд Керзон, отшень некарашо... Фуй, Керзон... Керзон - это плохо...

Значит, Керзон нехорошо? - насмешливо переспросил Миша. Ему даже стало неприятно, что иностранец так притворяется. Имеешь убеждения, так отстаивай их.

Иностранец отрицательно покачал головой:

- Некарашо, отшень некарашо. Керзон... Ультиматум... Тори... Империализмус...

- А Муссолини хорошо?

- О,- иностранец энергично замотал головой,- Муссолини савсем некарашо. Фашизмус... Коммунист, социалист - убивать... Диктатур... Совсем некарашо...

- А почему у вас есть всякие керзоны и муссолини? - ехидно спросил Миша. И, видя, что иностранец его не понял, он энергично махнул рукой: - Керзон, Муссолини вон! Долой!

Иностранец радостно закивал головой:

- О да... Конешно... Долёй Муссолини, долёй... Керзон. - долёй!

«Хитрый!» - подумал Миша и сказал:

- Вот вы их и долой.

Иностранец задумчиво качнул головой и, медленно подбирая слова, сказал:

- Врэмя... Рэволюций не устраивать, рэволюций приходят.

«Какой политически грамотный! - подумал Миша. - Уж такие, как вы, конечно, революции не устроят...»

А иностранец с серьезным и многозначительным выражением лица, несколько напряженным от необходимости вспоминать русские слова, продолжал:

- Кризис, безработный, война... Пролетарият некарашо... Коммунист - агитация... Капиталист его в тюрьма. Он вдруг засмеялся и схватил себя за кисти рук: - Кандали, тюрьма!

И смешно сморщился: Некарашо тюрьма...

Миша посмотрел на золотое кольцо иностранца, на белые полоски кожи на кистях женщины и подумал, что очень хорошо смеяться, когда сами носят золотые кольца и браслеты.

Иностранец перехватил его взгляд, засмеялся и показал на руки женщины:

- Кандали - три лет... Тюрьма - десять лет.

Женщина в это время перемывала чашки.

Мальчики сразу не сообразили, о чем говорит иностранец. Какие десять лет тюрьмы? Какие три года кандалов?.. И только Славка первым обрел дар речи.

- Вы коммунистка? - спросил он у женщины.

Иностранец, улыбаясь, повторил Славкин вопрос на незнакомом ребятам языке.

Женщина засмеялась, ткнула себя пальцем в грудь и сказала:

- Коммунисть! - Потом показала на мужчину: - Комму-нисть. - Потом опять на себя: - Румэн. - Потом опять на *своего* спутника: - Куба, Америка...

Мальчики молчали, потрясенные таким оборотом дела. Те, кого они приняла за буржуев, оказались коммунистами. Это, наверное, делегаты Коминтерна. Ведь недавно был конгресс. Как же они так опростоволосились, так бессовестно обожрали их. И как могли принять их за капиталистов? Какие капиталисты будут путешествовать по берегам этой реки? Капиталисты отдыхают во всяких Баден-Баденах... Да и если приглядеться, **то** сразу видно, что это коммунисты и революционеры. Одеты хотя по-иностранному, но просто, как рабочие. У мужчины доброе, умное лицо, приветливая улыбка, сильный подбородок. У женщины тоже волевое лицо, и седина, и морщинки. И они отдали мальчикам всю свою еду. Разве капиталисты поделились бы?.. Как нехорошо получилось!..

- Значит, вы с Кубы? - переспросил Миша только для того, чтобы нарушить неловкое молчание.

- Куба, Куба,- засмеялся кубинец.

- Капабланка! - сказал Генка.

- О да, да, Капаблянка, чемпионе...

- Хорошо на Кубе?

- Карашо, отшень карашо.- Кубинец показал на землю: - Ходить земли карашо. - Потом он обвел рукой вокруг шеи, как бы изображая петлю, показал на дерево: - Висеть на дерев плёх, отшень плёх. - Он засмеялся: - Мне надо висеть, а я удираль...

Мальчики с восхищением смотрели на кубинца. Этот толстый, веселый, такой на вид заурядный человек был приговорен к смертной казни и сумел уйти от палачей, сумел добраться до России! Каким мужеством, какой отвагой надо обладать! А он сидит на берегу реки, вскрывает банки с консервами и смеется как ни в чем не бывало!..

Вот это люди! Хорошо бы с ними поговорить, порасспросить, узнать, как обстоит дело с мировой революцией. Но надо ехать за Игорем и Севой. И после такого недоразумения мальчики чувствовали себя неудобно. Они встали и начали прощаться.

- До свидания,- говорили они, пожимая руку кубинцу.

А Генка добавил:

- Если будете идти все берегом и берегом, то обязательно попадете к нам в лагерь.

Кубинец не понял и только весело улыбнулся в ответ.

Румынке мальчики пожали руку особенно почтительно: на этих руках были кандалы!

Потом они спустились к лодке.

Собственно, никто не говорил, что им надо сделать, но каждый это понимал. Они сложили свои продукты в один мешок, только хлеб мальчики оставили себе: ведь иностранцы его почти не едят.

Кубинец и румынка стояли на берегу, поглядывая на сборы и не понимая их назначения. Миша торопился: может быть, кубинец улыбается потому, что у мальчиков столько продуктов, а их они оставили безо всего.

Наконец мешок был уложен. Миша вынес его из лодки и положил у ног кубинца и румынки. Они сначала не поняли, но, когда сообразили, замахали руками:

- Не надьо, не надьо, возмийть, не надьо.

Но Миша уже оттолкнул лодку и прыгнул в нее.

Кубинец поднял мешок, и протягивая его мальчикам, пошел по берегу вслед за лодкой. Генка и Славка налегли на весла. Лодка быстро удалялась. На берегу стоял кубинец с мешком в руках. Он смущенно улыбался и качал головой. А маленькая рыженькая румынка стояла неподвижно, внимательно и серьезно глядя вслед мальчикам. Косая тень белой березы падала на ее худенькие плечи.

Миша поднял руку и крикнул:

- Рот Фронт!

Женщина молча подняла сжатый кулак.

Кубинец засмеялся, опустил мешок и тоже поднял сжатый кулак:

- Рот Фронт! До свиданья! Рот Фронт!

Глава 21

ПЛОТ

Скрылись из виду и кубинец, и румынка, и их маленький шалаш из веток. Опять потянулись леса, поля, луга, перелески, овраги, мельницы.

- Некрасиво получилось,- сказал Славка, работая веслами,- приняли за буржуев, набросились не еду.

- Все Генка! - не оборачиваясь, ответил Миша. - «Нэпманы», «буржуи»! Лезет со своими дурацкими идеями!

- Меня брюки гольф подвели,- оправдывался Генка.- В-ижу, гольф, ну и подумал, что буржуи.

- Разве можно по штанам судить о человеке? И меня сбил с толку. Я сразу подумал, что это иностранные коммунисты,- сказал Миша.

- А если ты подумал, то и продолжал бы думать! - огрызнулся Генка.- Каждый имеет свое мнение.

- А кто на бутерброды накинулся? - заметил Славка.

- . Как будто из голодной губернии приехал! - усмехнулся Мишка.- Стыдно было смотреть!

Генка собирался опять огрызнуться, но Миша приподнялся и крикнул:

- Плот!

На песчаной отмели лежал плот - ветхое сооружение из коротких, тонких бревен, скрепленных лыком, рваной веревкой и ржавой проволокой. Крепления разорвались, бревна разошлись в разные стороны. В таком виде плот был непригоден к употреблению.

- Сенькин плот, - сказал Жердяй.

- Точно?

- Точно. Вот эта проволока моя. А кол Акимка притащил, из ограды вынул. Сенькин плот.

Мальчики вышли на берег. Справа тянулся лес, слева виднелась деревня. За полями, на расстоянии километра, высилась насыпь железной дороги. По ней тащился товарный состав. За ним волочился длинный хвост дыма.

Мальчики обсудили положение.

- Здесь Игорь и Сева оставили плот. Куда же они ушли?

- Они ушли на станцию,- сказал Генка.

- А может быть, в деревню? - предположил Славка.

- Зачем?

- За веревками. Хотят починить плот и плыть дальше.

- На такой развалине!..

- Вот что,- сказал Миша,- Генка со Славкой отправятся на станцию, а мы с Жердяем поплывем в деревню. Как она называется, Жердяй?

- Грачьи Выселки.

- В Грачьи Выселки мы и пойдем. Может быть, ребята туда заходили. А вы со станции вернетесь в деревню. Мы будем вас ждать, только не задерживайтесь.

Генка и Славка зашагали к станции. Миша и Жердяй вернулись к лодке и поплыли к деревне Грачьи Выселки. Подыматься в деревню им не пришлось. Возле берега купались деревенские ребяташки. И они сказали, что действительно вчера вечером здесь были два пионера. Приплыли они на лодке, спросили, какая деревня, и поплыли вниз.

- На лодке? - удивился Мишка.- А какие они из себя, эти пионеры?

По описанию ребяташек, это были именно Игорь и Сева. Один худощавый, черный, горбоносый, другой беленький, толстенный.

Откуда же у них лодка? Вот еще новости!

- А какая у них лодка? - спросил Миша.

Обыкновенная,- ответили ребята.

Дальше Фролкиного брода не уплывут,- сказал Жердяй,- там мостки реку перегораживают. А за мостками - мельница с плотиной.

- А далеко до этого Фролкиного брода? - спросил Миша.

- Верст десять,- неуверенно ответил Жердяй.- К ночи доберемся.

- Так ведь надо еще Генку и Славку подождать, - уныло проговорил Миша.- Пока вернутся Генка и Славка, день уже пройдет.

Полуденный зной сменился вечерней прохладой. Рои комаров закружились над рекой. Даль ее заволакивала туманом. Длинные тени лежали на воде. И только за дальними горами сверкали последние отблески заката.

Наконец явились со станции Генка и Славка, усталые, злые, запыленные. Станция оказалась совсем не близко. К тому же в деревне на них напали собаки, черт бы их побрал! И это вовсе не станция, а какой-то несчастный полустанок. Здесь останавливается только один поезд, в десять часов утра. И никаких ребят никто не видел.

В двух словах Миша объяснил положение. Мальчики сели в лодку и двинулись дальше.

Сразу за деревней путь им преградили коровы. Они стояли в воде по всей ширине реки. Сидевший на носу Славка яростно махал руками, но коровы только косились на него настороженными глазами и не двигались с места.

- Н-но, проходи, чего стала! - кричал Славка.

- Кому ты говоришь «но»? Ведь это не лошади,- сказал Генка.- Надо кричать «аллэ».

- Аллэ! - закричал доверчивый Славка.

Но и этот окрик не подействовал на коров.

Генка покатывался с хохоту.

Размахивая веслами и подняв отчаянный крик, мальчики заставили коров посторониться и проложили себе дорогу.

Некоторое время они плыли без особых приключений.

Погасли последние огни заката. Река сразу стала безмолвной, пустынной и тоскливой.

- Где же Фролкин брод? - спросил Миша.

- Скоро должен быть,- ответил Жердяй.

Быстро темнело. Берега теряли свои очертания. Ничего не поделаешь, придется остановиться на ночевку, иначе в темноте они могут проглядеть Игоря и Севу.

Глава 22

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Они устроились на ночлег в большом стогу сена ка берегу. На ужин им достались

кусочки хлеба, смоченные речной водой.

Утих птичий гомон. Пропали куда-то шмели и мухи. В кустах и на траве заискрились светлячки. Новые звуки оживили лес: визгливо хохотал филин, отвратительно кричала сова; она то плакала жалобно, как маленький ребенок, то стонала, как тяжелобольной, свистела, пищала, то просто ухала: «Уху! Уху!..» И этот крик сразу напомнил мальчишкам лодочника.

Им стало жутко. В сене что-то шуршало. Генка предположил, что это змеи. Но Жердяй уверил его, что змей здесь нет.

Опять прокричала сова.

- Вот раскричалась! - поежился Генка.- Не надоело ей.

- Еще, бывает, леший так кричит,- сказал Жердяй.

Генка заворочался в сене и засмеялся.

- Ты еще сегодня про леших не рассказывал.

- В лесу лешие водятся,- убежденно сказал Жердяй, - а в болоте - болотные, моховики, боровики. В воде - водяные и еще русалки. А в избе - домовые.

- Сам-то ты их видел? - громко зевнул Генка.

- Разве их увидишь! - тихо засмеялся Жердяй.- Их только колдун или ведьма могут увидеть. А чтобы человек увидел - этого не бывает. А пойдешь в лес, леший тебя и начнет кружить... Кружит, кружит.., Пять верст пройдешь и опять на старое место выйдешь. Почему так получается? А потому, что леший кружит.

- Не поэтому,- сказал Миша.

- А почему?

- Когда человек идет, то он левой ногой делает шаг чуть больше, чем правой, и постепенно забирает вправо. И в результате получается круг. Понял?

- Как же так? - Генка приподнялся на локте.- Значит, если я иду по левой стороне улицы, то постепенно приду на правую?

- Нет,- возразил Миша,- на улице есть ориентир - сама улица. Человек идет и незаметно для себя исправляет шаг. А в лесу прямого ориентира нет, и человек своего шага не исправляет. Правильно, Славка, так я объяснил?

Но в ответ он услышал только тихое посапывание. Славка спал.

- Последуем его примеру,- сказал Миша,- а то завтра рано вставать...

С первыми лучами солнца Миша проснулся и разбудил ребят.

Жердяй поднялся сразу. Славке очень не хотелось вставать, но он пересилил себя и, зевая, поплелся к реке умываться. Генка же зарылся в сено и так скрючился, что за него невозможно было уцепиться.

Спал он даже тогда, когда ребята потащили его к реке. И проснулся, только когда его раскачали, чтобы бросить в воду.

Завтрак не из чего было готовить. Подтянув потуже пояса, мальчики двинулись в путь.

Они проплыли версты три. Вдруг Генка потянул носом раз, другой и сказал:

- Ребята, каша!

Действительно, пахло кашей. Пахло так густо, смачно, аппетитно, что у мальчишек даже слезы навернулись на глаза.

- Пахнет с правого берега,- деловито сказал Миша. - Жердяй, правь туда, а вы ребята, нажмите!

Вдохновленные все усиливающимся запахом каши, ребята нажали на весла.

Вскоре они увидели на пригорке белые палатки красноармейского лагеря. Возле

коновязи били копытами кони, блестел на солнце длинный ряд умывальников, подвешенных к перекладине меж деревьев, трепетали на ветру красные полотнища с лозунгами, виднелись щиты на стрельбищах, рвы и насыпи, Лагерь был пуст, красноармейцы, вероятно, были на учении. Только у самого берега дымилась походная железная кухня. Оттуда и пахло кашей. Красноармеец с красным от жара лицом орудовал у котла громадной ложкой. Второй красноармеец, стоя на коленях, колот чурки и подбрасывал их в печь.

Мальчики подошли к кухне. Повар покосился на них и отвернулся.

Мальчики понимали, что стоять глупо. Но ужасно хотелось есть, и они не знали, как приступить к делу.

Наконец Миша спросил:

- Скажите, пожалуйста, товарищи, здесь вчера не появлялись два пионера, два мальчика в лодке? Мы их разыскиваем.

Повар не обернулся. А его помощник сказал:

- Не видали. Может, и были. Не видали.

Опять наступило молчание.

Генка льстиво посмотрел в спину кашевару:

- Вам не надо чем-нибудь помочь?

Повар скосил на него сердитые глаза и сказал:

- Игнатюк, миски!

Второй красноармеец достал из-под навеса глубокие алюминиевые тарелки. Повар большой черпалкой наложил в них кашу, затем другим черпаком, поменьше, полил кашу маслом. Генка сбегал к лодке за ложками. Обжигаясь, мальчики принялись за еду. Некоторое время слышалось только громкое чавканье и хлюпанье каши.

Когда тарелки были пусты, повар опять обернул к ним свое красное, сердитое лицо, посмотрел каждому в глаза и ударил черпаком по котлу:

- Игнатюк, добавки!

Игнатюк собрал тарелки. Повар наполнил их новой порцией каши, меньше первой, но именно как раз такой, какая требовалась, чтобы окончательно насытиться. Повар хотя и не любил разговаривать, но хорошо знал свое дело.

- Игнатюк,- сказал он, не оборачиваясь,- сухим пайкой по порции хлеба!

Игнатюк вынес из-под навеса по большому ломтю хлеба и вручил ребятам.

- Кругом марш! - скомандовал повар.

- Спасибо! - весело прокричали мальчики и побежали к лодке.

В лодке Миша отобрал у всех хлеб, спрятал в мешок и, подняв кверху палец, глубокомысленно изрек:

- Свет не без добрых людей!

Сытые и веселые, мальчики энергично гребли. Теперь-то уж близко Фролкин брод. А дальше, по словам Жердяя, Игорь и Сева уплыть не могли.

- А вот и Фролкин брод, - сказал Жердяй.

Речку перегораживали два бревна, опирающиеся на вбитые у берега сваи. Вдали слышался глухой шум.

- На мельнице вода шумит,- сказал Жердяй, - Тут она, плотина, близко.

На берегу лежала опрокинутая вверх дном лодка. Поднатужась, мальчики перевернули ее.

Заикаясь от волнения, Жердяй сказал:

- Кузьмина лодка, убитого.

- Не может быть! - закричал Генка.

Но Жердяй хорошо знал все лодки в деревне.

Ошеломляющее известие! Мальчики испуганно переглянулись. Опять Кузьмин, опять загадочное убийство. И в эту историю замешаны Игорь и Сева. Как им досталась лодка Кузьмина? Где они ее взяли?

- Безобразие! - сказал наконец Генка. - Удрали из лагеря, захватили чужую лодку...

- Подожди, не ругайся,- остановил его Миша.- Найдем ребят и все разузнаем. Видите, лодка еще мокрая, ее недавно вытащили из воды. Может быть, даже сегодня утром. Тут какая деревня близко?

- Стуколово, - ответил Жердяй. - Версты три будет.

Мальчики оставили Жердяя стеречь обе лодки, а сами отправились в деревню.

Глава 23

БЕГЛЕЦЫ

Дорога шла сначала берегом, потом опушкой леса, затем круто поворачивала в поле.

По опушке за стадом коров шел пастух, парень с перекинутым за плечо кнутовищем. Две собачонки отчаянно залаяли на ребят, но, подбежав к ним, подхалимски завиляли хвостами.

- Пройдем мы тут в деревню? - опросил Миша пастуха.

- Пройдете,- ответил пастух. И долго смотрел вслед мальчикам.

Деревня, казалось, еще спала. На улице ни души, все ворота заперты, собаки и те не лаяли. Мальчики миновали сельпо и увидели большую избу с вывеской «Стуколовский сельсовет». Двери в сельсовет были открыты.

Мальчики вошли.

Под ногами заскрипели половицы. Краска на них сохранилась только у стен, а в середине была вытерта. Одиноко стоял обшарпанный стол. На стене висел деревянный ящик телефона. Хлопала открытая оконная рама.

Никого не обнаружив, мальчики вышли из сельсовета и увидели старичка-сторожа в тулупе, с колотушкой в руке.

Он подозрительно уставился на них:

- Вам чего?

Мальчики объяснили, что они из лагеря, разыскивают двух ребят, приплывших сюда вчера на лодке.

Сторож молча слушал их, не то жуя что-то, не то просто шевеля губами:

Потом строго сказал:

- Пошли!

- Куда?

- Там разберут! Пошли!

В полном недоумении мальчики последовали за ним. Сторож, смешно ковыляя в огромных рваных валенках, с комичной подозрительностью поглядывал на ребят.

Так они дошли до большой пятистенной избы.

- Входите!

Мальчики вошли в избу, и их глазам представилась такая картина.

За большим столом без скатерти сидели Игорь, Сева и милиционер.

Обыкновенный милиционер в форме. Его фуражка и ремень с пристегнутым пистолетом лежали на лавке. У печи возилась хозяйка. Задняя половина комнаты была отгорожена ситцевой занавеской, за ней слышались визг и возня ребятишек. Игорь, Сева и милиционер мирно ели картошку с огурцами. Но Миша сразу сообразил, что ребята арестованы. И ему стали понятны и удивление пастуха, и суетливая строгость сторожа.

- Вот, товарищ,- сказал сторож милиционеру,- еще троих привел. Этих двух разыскивали.

Из-за занавески высунулась белобрысая голова, за ней другая. Через минуту шесть ребятишек, белобрысых, нестриженных, в длинных рубахах, выстроились перед занавеской и молча уставились на вошедших мальчиков.

При виде своих товарищей Сева и Игорь перестали жевать и приподнялись. Но предупреждающий жест милиционера удержал их на месте.

- Кто такие? - спросил милиционер.

Миша объяснил, кто они такие и зачем сюда явились.

- Так,- сказал милиционер, перебрасывая картошку с ладони на ладонь и дуя на нее. - Документы есть?

При ребятах были комсомольские билеты, у Генки, кроме того, членские билеты МОПРа и Авиахима. Милиционер покосился на документы и снова принялся за картошку. Ел он ее долго, и все молча смотрели, как он это делает. Даже старик сторож, которому давно бы следовало отправиться на свой пост, не двигался с места. Игорь, беспокойный паренек с ежиком жестких черных волос на голове, поглядывал то на мальчиков, то на милиционера. Сева, толстый, флегматичный, сидел опустив голову, затем, не поднимая головы, протянул руку, взял огурец и захрустел на всю избу.

Наконец милиционер вытер губы и начал рассматривать документы. Делал он это так долго, что Миша усомнился в его грамотности. Но милиционер назвал его фамилию, потом Генкину, Славкину и даже заметил, что у Генки не уплачены членские взносы в МОПР.

Однако документы произвели на него кое-какое впечатление, и он, вынув из сумки лист бумаги и карандаш, начал составлять протокол.

На вопрос, знает ли он «предъявленных» ему мальчиков, Миша ответил, что знает, назвал фамилию Севы и Игоря и их московский адрес. Милиционер сверился с показаниями Игоря и Севы и убедился, что сведения совпадают. На вопрос, когда и зачем Игорь и Сева уехали из лагеря, Миша ответил, что уехали они третьего дня утром по глупости, что видно из оставленной ими записки. С бесстрастным видом милиционер приколот записку к протоколу. В заключение Миша подписал протокол. Все в нем было записано правильно, хотя и с грамматическими ошибками.

- Почему вы их задержали? - спросил Миша.

- По подозрению, - ответил милиционер, затягивая на себе пояс и оправляя кобуру.

- Какому подозрению?

В соучастии.

- Каком соучастии?

- Соучастии в убийстве гражданина Кузьмина.

Что вы говорите! - закричал Миша. - Этого не может быть.

- Есть улики,- сказал милиционер, надевая фуражку. Он повернулся к сторожу: - Аким Семенович, я в уезд позвоню. А ты посмотри.- Он многозначительно кивнул на мальчиков.

Сторож закрыл за милиционером дверь, придвинул табурет и уселся с видом, доказывающим его твердую решимость никого отсюда не выпускать.

Теперь мальчики могли поговорить.

- Добегались? - спросил Генка.

Игорь и Сева опустили головы.

- Расскажите, что произошло, - сказал Миша.

- Ни в чем мы не виноваты! - ответил Игорь дрожащим голосом.

Сева засопел, но ничего к этому не добавил.

- Почему вас задержали?

- Мы ни в чем не виноваты! - захныкал Игорь.- У нас развалился плот. Видим - на реке лодка, беспризорная. Мы ее взяли только доплыть сюда. А нам не верят...

- Лодку нашли на Песчаной косе? - спросил Миша.

- Да. Откуда ты знаешь?

- Знаю,- ответил Миша с таким видом, по которому Игорь и Сева могли судить, что ему известно не только это, но и многое другое.

- Будете теперь знать, как из лагеря бегать! - добавил Генка.

- Когда вы приплыли к иностранцам и когда уехали от них? - спросил Миша.

Пораженные такой осведомленностью, Игорь и Сева рассказали, что к иностранцам они приплыли в первый же день, то есть во вторник, а уплыли от них на другой день, то есть в среду. И как только уплыли, то почти тут же нашли лодку, пересели в нее и поплыли дальше. И вот здесь их задержали.

- Вас, конечно, не стоит выручать,- сказал Миша,- выкручивайтесь как хотите... Но мы вас выручим только ради чести и репутации отряда. Хотя вам, видно, наплевать и на то и на другое.

Игорь мотнул головой в знак протеста. Сева подумал и снова потянулся за огурцом.

- Да, да,- продолжал Миша,- если бы вы дорожили авторитетом отряда, то не сбежали бы. Что для вас отряд, что для вас коллектив? Но мы дорожим честью отряда и выручим вас. Выручим вас, вернем в лагерь, и пусть все обсуждают ваш поступок. Посмотрим, как вы будете оправдываться, посмотрим.

Миша еще, наверное, долго выговаривал бы Игорю и Севе, но вернулся милиционер и объявил, что Игоря и Севу приказано доставить в город, к следователю.

- Мы тоже поедem,- заявил Миша.

- Проезд для всех свободный,- ответил милиционер.

Глава 24

В ГОРОДЕ, У СЛЕДОВАТЕЛЯ

Следователь оказался вовсе не таким, каким представлял себе Миша. Мише всегда думалось, что следователь должен быть высоким, мрачным, сосредоточенным, с настороженным и пронизательным взглядом, подтянутый, молчаливый, недоверчивый.

Перед ними же сидел небольшой человек с самым обыкновенным лицом, серенькими глазами, рассеянный и, как казалось Мише, невнимательный. Заваленный папками стол был покрыт рваным куском зеленого картона, усеянного чернильными кляксами и испещренного неразборчивыми надписями и ничего не значащими рисунками.

Следователь несколько раз выходил из комнаты, оставляя на столе бумаги, и Миша удивлялся этому: ведь бумаги, несомненно, секретные. И вообще все здесь открыто, сотрудники громко разговаривают, люди входят и выходят. Это сильно поколебало Мишино уважение к учреждению, где, по его представлению, велась тайная, опасная и самоотверженная борьба с преступниками.

Игоря и Севу следователь, казалось, совсем не слушал. Он писал что-то постороннее; бумагу он передал другому сотруднику со словами: «Это к делу Кочеткова» - и тут же принялся писать следующую. Когда Миша рассказывал про то, что на них напал лодочник Дмитрий Петрович, и про парней в лесу, то следователь был так невнимателен, что Миша обиженно замолчал.

Продолжая писать, следователь, наконец, спросил:

- Вы сумеете показать место, где нашли лодку?

- Конечно, - ответил Игорь. - У Песчаной косы.

- Сколько до нее от Халзина луга?

На этот вопрос ответил Миша:

- Верст семь или восемь.

Постукивая по столу карандашом, следователь сказал:

- Семь верст... Как же там очутилась лодка? Отнести ее течением не могло: расстояние большое, река узка и извилиста, лодку бы обязательно прибило к берегу. Значит, лодку отогнали. Кто? Рыбалин? Но какой ему смысл отгонять лодку на такое расстояние и затем возвращаться обратно? Допустим, что убийца не Рыбалин, а кто-то другой. И этот другой отогнал лодку. Зачем? Ведь таким образом он только наводит на свой след, доказывает свое присутствие, в то время как его задача - скрыть свое присутствие и свалить все на Рыбалина.

Он на минуту задумался, потом продолжал:

- Будь лодка на Песчаной косе, нам было бы легче найти человека, пригнавшего ее туда. Но вы забрали лодку и этим запутали следы. Теперь все сложнее.

Игорь и Сева сидели не поднимая глаз, подавленные сознанием своей вины.

- Все, что вы рассказали, - правда? - спросил следователь и в первый раз посмотрел на мальчиков так, как, по мнению Миши, и полагалось смотреть следователю: пытливо и строго.

- Честное слово! - в один голос сказали Игорь и Сева.

Миша заявил, что ручается за мальчиков.

- Ну что же, - сказал следователь, - отправляйтесь домой, дня через два я буду у вас в лагере.

Часть третья

ГОЛЫГИНСКАЯ ГАТЬ

Глава 25

СЕНЬКА ЕРОФЕЕВ

Жизнь лагеря вошла в свою обычную колею. Но ощущение того, что отряд

окружает тайна, не покидало Мишу.

Вина Николая Рыбалина не доказана, но он пока и не оправдан. Зато лодочник ходит как ни в чем не бывало. Встречая Мишу, ухмыляется так, будто тогда, на реке, ничего не произошло. Даже подмигнул один раз.

С лодочником связана графиня. Что-то отправляла в лес. И Ерофеев с ними заодно. Да. Во всем этом надо разобраться: ведь страдает невинный человек!

Но как действовать? Пойти в лес, узнать, что это за парни? Но где их там искать? Да и опасно. Сам бы он, конечно, пошел. А ребята? Мало ли что может случиться, а он за них отвечает.

Значит, остается только одно: узнать, что отвез лодочник в лес. Узнать через Сеньку Ерофеева. Ведь он тоже перетаскивал мешки в лодку. Конечно, так просто он не скажет. А попытаться надо. Вдруг проболтает...

Генка поддержал этот план:

- Мне Сенька все выложит, будь уверен.

- Что-нибудь сделаешь не то, - усомнился Миша, - так напортишь, что потом и не исправишь.

Но Генка заверил его, что будет осторожен. Разве он не выполнял серьезных поручений!..

Сенька и Акимка сидели на куче бревен, грызли семечки и перекидывались картами. Генка остановился возле них и, изобразив на лице любопытство, стал смотреть на их игру.

- Садись с нами,- предложил Сенька, тасуя колоду.

Генка присел на бревна:

- В карты не играю, а посмотреть - посмотрю.

- Не бойся, - усмехнулся Сенька, - не на деньги. На щелчки.

Генка важно ответил:

- Со мной играть нельзя. Я кого угодно обыграю.

- Так уж обыграешь?

- Точно тебе говорю. Дай колоду.

Генка взял колоду, перетасовал ее и показал карточный фокус. Фокус был несложный. Но Сенька и Акимка были потрясены. Так, во всяком случае, показалось Генке. Уж очень удивленно они смотрели на него.

Довольный своим успехом, Генка деланно равнодушным голосом проговорил:

- Я и не такие вещи могу отгадать. Вот посмотрю на человека и сразу скажу, что он делал сегодня, вчера и позавчера,

- Ну, чего я вчерась делал?

- Ишь ты! Так я тебе и сказал.

- Конечно, не скажешь: откуда тебе знать?

- Так вот,- внушительно сказал Генка,- если я тебе скажу, что ты делал вчера, то ты мне скажешь, что ты делал позавчера.

- Ладно.

- Вчера ты на мельницу ездил,- сказал Генка.

- Верно! - пробормотал Сенька.- Это ты мог и видеть.

- Где я мог видеть? На мельнице я не бываю. Просто посмотрел на тебя и отгадал.

А теперь ты скажи, что ты делал позавчера.

Сенька исподлобья посмотрел на Генку:

- Какой ловкий! Думаешь, ты один мастак отгадывать? И другие есть.

- Я что хошь отгадаю, - хрипло проговорил Акимка, большим загнутым пальцем ноги чертя на песке фигуры.

- Верно, верно,- подтвердил Сенька,- Акимка все отгадывает.

- Что же он может отгадать?

- А что хошь.- Сенька повернулся к Акимке: - Вот, Акимка, мы тут одну вещь спрячем, а ты найди. Найдешь?

- А чего ж...

- Ладно. Давай...

Акимка поплелся к сараю.

- Не оглядывайся! - крикнул ему вдогонку Сенька.

Акимка уткнулся лицом в сарай.

- Так,- прошептал Сенька и вытащил из-за пазухи куриное яйцо.- Видал? Пусть ищет. Век не найдет.

- Давай его под бревно спрячем,- предложил Генка.

Сенька замотал головой:

- Не годится! Враз найдет! Вот что мы сделаем. Наденем шапки, а под шапку и положим. Пусть ищет. Век не найдет.

И не успел Генка ответить, как Сенька приподнял его кепку, осторожно подсунул под нее яйцо и снова надвинул Генке козырек на лоб.

- Здорово будет! - зашептал Сенька.- Ни за что не найдет. А мы ему пять горячих за это влепим.

- Только условие,- предупредил Генка,- повернемся к нему спиной.

- Зачем?

- Чтобы ты ему не подмигнул.

- Ладно,- согласился Сенька.

Они сели спиной к Акимке.

- Давай, Акимка, можно! - крикнул Генка.

Мальчики сидели не оборачиваясь. Сзади них слышались шаги и сопение Акимки.

- Чего отвернулись? - спросил он.

- Ищи, ищи,- ответил Генка, торжествуя в душе.

Ловко он их провел! Эта шутка, видимо, у них давно разыграна. Сенька должен каким-нибудь условным знаком показать Акимке, где спрятано яйцо. А на то, что придется отвернуться, они, конечно, не рассчитывали. Пусть поищет!

И Генка искоса поглядывал на Сеньку, опасаясь, что тот подаст Акимке тайный знак. Но Сенька сидел спокойно, сложив руки на коленях. Спиной он, конечно, ничего не сумеет изобразить! Попался. Теперь-то уж придется рассказать, что делал позавчера.

Мальчики, с надвинутыми на лоб кепками, сидели на бревне не оборачиваясь. Акимка ходил и сопел сзади них.

- Отгадывай скорей,- сказал Генка.

- Сейчас, сейчас,- ответил Акимка.

Он засопел где-то совсем у Генкиного уха, и не успел Генка опомниться, как Акимка из всех сил ударил его ладонью по голове, прямо по кепке. В ту лее секунду липкая, вонючая жижа потекла Генке на лоб и глаза.

Разъяренный Генка вскочил и сорвал с себя кепку. Жижа потекла сильнее, залепляя глаза. Яйцо было тухлым. Генке казалось, что весь он с головы до ног издает нестерпимое зловоние.

- А ты говорил, не отгадает! - покатывался с хохоту Сенька.

Акимка со своим обычным понурым видом что-то чертил на песке кривым пальцем ноги.

Краем рубахи и пучком травы Генка вытер лицо и голову (носовой платок он, как всегда, забыл в палатке).

- Ладно, ваша взяла. В другой раз не разыграете!

- Там посмотрим,- отрезал Сенька.- Больно вы много из себя воображаете! - И злобно добавил: - Подумаешь, комсомольцы!

Глава 26

ГВОЗДЬ

В мрачном настроении вернулся Генка в клуб.

- Ну как? - спросил Миша.

- Пока ничего.

~ Не проболтался?

- Нет!

- А почему желтые пятна на лице?

- Они меня, черти, с яйцом разыграли.

- И ты попался?

Я не знал.

- Не знал, как с яйцом разыгрывают... Эх ты!

- Чего же ты меня не предупредил?

- Откуда я знал, что ты попадешься на такой дешевый розыгрыш?

Генка обиделся:

- И ты еще смеешься!

- Ладно! - примирительно сказал Миша.- Все, что нам надо, мы знаем. А пока бери этот плакат, влезай на лестницу и прибей.

Расстроенный Генка взял плакат, подтащил к стене лестницу, зажал в зубах четыре гвоздя и с молотком в руке полез наверх.

Он прибивал плакат, но мысль о постигшей его неудаче не выходила из головы. Теперь Сенька будет над ним смеяться... Очень приятно!

Растравляя себя таким образом, он вбил один гвоздь, **потом** другой. И когда он вынимал изо рта третий гвоздь, обнаружил, что четвертого гвоздя нет. Куда он делся? Ведь он не выронил ни одного гвоздя. Генка пересчитал прибитые гвозди - ровно три! Затем осторожно пошарил языком за одной щекой, потом за другой - нет!

Генка похолодел: неужели он проглотил гвоздь?

Гвозди маленькие, обойные: проглотишь - и не заметишь. Генка спустился с лестницы и тщательно осмотрел пол. Может быть, он уронил гвоздь? Нет, нигде нет! Генка выпрямился, и в эту минуту у него закололо и перестало. Так и есть - проглотил гвоздь! Что же будет?

Генка хватал себя то за грудь, то за живот. Он уже чувствовал, как гвоздь медленно движется у него по пищеводу. **То** тут заколет, то там... На каком-нибудь повороте гвоздь застрянет **и** проколет ему кишки.

- Что с тобой? - спросил Славка.

Едва дыша Генка произнес:

- Проглотил...
- Что проглотил?
- Гвоздь.

Это потрясающее известие было сообщено подошедшему Мише, затем подбежавшей Зине Кругловой, Киту, Бяшке. Через несколько минут все окружили Генку.

- Как же ты его проглотил? - спросил Миша.

Но Генка только разевал рот и делал рукой движения, показывающие, как гвоздь совершает свой путь в животе.

- Может быть, ты его не проглотил? - с надеждой спросил Миша.

Генка растопырил четыре пальца и прошептал:

- Было четыре, осталось три.
- Надо его по спине ударить,- предложила Зина Круглова.

- Что ты, что ты! - закричал Бяшка.- Вобьем гвоздь в кишки. Рвотное - вот единственное средство.

- Рвотное? - ужаснулся Кит. - Ты с ума сошел! Разве можно так просто выдирать гвоздь обратно? Он обязательно застрянет. Помню, я однажды кость проглотил...

- Подожди ты со своей костью! - перебил его Миша.- Нашел время!

- Нужно Генку опустить вниз головой,- предложил Сашка-губан,- потрясти за ноги, гвоздь и выскочит.

Слушая эти приятные советы, Генка поворачивал голову **то** в одну, **то** в другую сторону.

- Вы его в земскую отведите,- посоветовал Жердяй.

_ Что за земская?

- Больница земская. В соседней деревне.

Он не дойдет.

- А вы попросите у председателя подводу.

Миша с Жердям побегали к председателю сельсовета.

Через некоторое время они вернулись на подводе. Генка сидел на стуле и стонал, поминутно хватаясь **то** за грудь, **то** за живот. Ему казалось, что проглоченный гвоздь путешествует **по** его телу, - то вверх, то вниз, то вправо, то влево.

Генку погрузили на телегу. На ней, держа в руках вожжи, сидел художник-анархист Кондратий Степанович. Председатель сельсовета поручил ему отвезти Генку в больницу. Вместе с Генкой поехал Миша.

Глава 27

В БОЛЬНИЦЕ

Всю дорогу Генка стонал, корчился, хватался за живот и мотал головой.

Подрагивание телеги на ухабах и неровностях разбитой мостовой причиняло ему мучительную боль. Он так жалобно смотрел на Мишу, что у того разрывалось сердце от сострадания. Он боялся, что Генка сейчас умрет, и ему казалось, что Кондратий Степанович едет слишком медленно и больше занят своими рассуждениями.

- Ничего страшного в этом гвозде нет,- рассуждал Кондратий Степанович.- Переварится в желудке, и дело с концом. Обычный гвоздь - это что? Ерунда! Вот я когда в Москве жил, оборудовали мы с приятелем Большой театр.

Вы оборудовали Большой театр? - усомнился Миша.

- А то кто же, - невозмутимо ответил Кондратий Степанович. - Оборудовали мы Большой театр. Артисты там, дирижеры - вся, в общем, дирекция. А приятель мой возьми да и проглоти костыль. Большой такой железный костыль. Дюйма, может, два в нем. Не шутка.

- Ну и что?

- А ничего, переварился. Две бутылки водки выпил для лучшего сгорания, вот и переварился костыль. А гвоздочек что?

Ерунда. И ни к какому доктору не надо ехать. Только зря людей беспокоили.

- Жалко отвезти больного человека? - обиделся Миша.

- Больного не жалко. А тут что, ерунда!

- Зачем же вы поехали?

- Власть.

- Вы же не признаете власти.

- Принуждение.

Миша вспомнил про лодку.

- Когда мы плыли на вашей лодке, то лодочник Дмитрий Петрович набросился на нас, хотел ее отнять.

- Дурак! - коротко ответил художник.

- Кто дурак?

- Дмитрий Петрович. И авантюрист.

- Чем же он авантюрист?

- Клады ищет. А этих кладов здесь давным-давно нет.

При таком сообщении Миша с изумлением воззрился на художника.

- Уж об этих кладах все позабыли,- продолжал Кондратий Степанович,- а он все ищет. Сумасшедший. И Софья Павловна сумасшедшая.

- Кто это Софья Павловна?

- А та, что в помещичьем доме живет. Экономка граф-скал.

- Вот, оказывается, кто она,- протянул Миша.- А я думал, графиня...

- Какая там графиня!..- Художник хлестнул лошадь кнутом.

Больница стояла на краю села. Большой деревянный дом с несколькими верандами и несколькими входами был окружен множеством подвод. На ступеньках крыльца и на траве сидели крестьяне. Дети всех возрастов бегали, дрались, плакали и шумели невообразимо.

Охая и корчась от боли, Генка слез с подводы и, поддерживаемый Мишей, поплелся к больнице.

Врач, седоватый тучный человек с взлохмаченной бородой, в пенсне с перекинутым за ухо черным шнурком, склонившись, ощупывал лежащего на деревянном топчане человека. Самого человека не было видно, только торчали ноги в огромных сапогах. Врач повернул к мальчикам голову:

- Что такое?

Миша показал на Генку:

- Гвоздь проглотил.

Генка едва втащил ноги в кабинет. Ему казалось, что все здесь - и врач и больница - только мерещится ему, а самого его уже давным-давно нет на свете.

Врач велел мужчине в сапогах встать и, выписав рецепт, отпустил. Потом посмотрел на Генку.

- Когда это случилось?

- Эбе-бе, бе-кур-дае-е, - только и сумел проговорить Генка.

- Час назад, - ответил за него Миша.- Прибивал плакат, держал гвозди во рту и один проглотил.

- Большой гвоздь?

- Обойный.

Доктор снова посмотрел на Генку. В этом взгляде Генка прочел свой смертный приговор.

- Раздевайся.

Генка привычным движением потянул конец галстука, другой рукой придержал узел. И в ту же секунду ощутил в своей ладони маленький холодный металлический предмет...

Неужели гвоздь?! Генка остолбенел.

- Раздевайся быстрее,- сказал врач.

- Сейчас,- пробормотал Генка.

Он чувствовал на своей ладони металлический предмет, но не решался ощупать его. Боялся, что это именно гвоздь, а не что-нибудь другое.

Но ничего не поделаешь, надо раздеваться. Генка нерешительно сжал ладонь. Так и есть! Гвоздь. Он его вовсе не проглотил. Он его уронил. Гвоздь застрял в галстук. Черт возьми! У него уже ничего не болит... Но как признаться?

Сжимая в кулаке гвоздь, Генка медленно раздевался. Когда он остался в одних трусах, доктор сказал:

- Ложись!

По-прежнему сжимая в кулаке гвоздь, Генка лег на холодную простыню. Доктор присел на кушетку и положил пальцы на Генкин живот. От этого холодного прикосновения у Генки по телу пошли мурашки. Он увидел над собой лицо доктора, пытливо смотревшего на него сквозь стекла пенсне. Неужели доктор понимает, что никакого гвоздя он, Генка, не проглотил? Генка закрыл глаза и лежал, сжимая в кулаке гвоздь и пытаясь засунуть кулак себе под бок.

Доктор легонько нажал на живот:

- Больно?

- Нет.

Доктор нажал еще в нескольких местах. Ничего, кроме холода его пальцев, Генка не ощутил.

- Медленно поднимай руки,- приказал доктор,- и, если почувствуешь резь в животе, скажи.

Генка начал медленно поднимать руки. Чтобы его сжатый кулак не вызывал подозрений, он сжал и второй кулак. Его руки были уже в вертикальном положении. Генка начал медленно опускать их за голову. Никакой рези он не чувствовал. Все, что приказывал ему доктор, он делал автоматически, понимая, что рано или поздно обман обнаружится. Лучше бы он на самом деле проглотил гвоздь!

- Разожми кулаки,- услышал он откуда-то издали голос врача.

Генка разжал один кулак, тщетно пытаясь во втором кулаке засунуть гвоздь как-нибудь между пальцев. Это ему не удавалось, и он не разжимал кулака.

- Разожми кулаки,- повторил доктор, - оба!

Генка вдруг поднялся и объявил:

- Гвоздь нашелся.

Доктор и Миша с удивлением смотрели на него. Тогда он разжал кулак.

- Вот он!

- Гм! Где же он был? - спросил доктор.

- В галстук. Когда я развязывал галстук, то и нащупал его там. Я его, оказывается, выронил изо рта прямо на галстук.

- И нигде у тебя ничего не болит?

- Нет, - ответил Генка уже совсем весело, впрочем стараясь не смотреть на Мишу, который с мрачным видом стоял у двери.

- Хорошо,- сказал доктор,- присядь-ка несколько раз.

Генка несколько раз присел. Потом, по приказу доктора, сделал еще несколько движений, перегибался, поворачивался в разные стороны, не понимая, для чего он это делает: ведь гвоздя в нем нет.

Доктор вымыл руки, приказал Генке одеваться и снова сел за стол. Он записал Генкину фамилию и сказал:

- Поедешь в город.

- Зачем? - оторопел Генка.

- На рентгеновское исследование.

- У меня ничего нет, никакого гвоздя! - закричал несчастный Генка.

- Все же надо проверить.

- У меня ничего не болит.

- Предмет мог залечь в таком месте, где не дает болевых ощущений. Временно, конечно. А потом будут неприятности.

Доктор повернулся к Мише:

- Где ваш лагерь?

- В Карагаеве.

- В деревне?

- Нет, в усадьбе.

- Клады ищете?

- Какие клады? - удивился Миша,- Никаких кладов мы не ищем.

- Ладно, идите. А в город его свезите сегодня же.

Они молча вышли из больницы и остановились на крыльце. Генка беззаботно поглядывал по сторонам, делая вид, что ничего особенного не произошло.

~ Ты что наделал? - мрачно спросил Миша.

- А что такого я наделал?

- Еще спрашивает!

- Что я наделал? Думал, гвоздь проглотил. Что же мне надо было - молчать? Молчать и ждать, пока он меня проколется насквозь?

- Но почему именно с тобой случаются все эти истории? - закричал Миша. - То одно, то другое. Всех разволновал, заставил лошадь просить у председателя. Всё! Поедешь в город, и пусть там тебя просвечивают.

Глава 28

СЕЛЬСКАЯ ЖИВОПИСЬ

Генка ездил на рентген. Но ничего у него в животе не оказалось. Так, вернувшись из города, он объявил Мише.

В тот же день, к вечеру, вернулись в лагерь Сева и Игорь. Вместе со следователем они выезжали на Песчаную косу.

Мальчики чувствовали себя героями. Ходили по лагерю с таким видом, будто совершили нечто необыкновенное. Они не сумели осуществить свой главный замысел - убежать в Италию бить фашистов, но зато своим участием в следствии по делу Рыбалина поставили себя в исключительное положение.

На Песчаной косе они показали следователю место, где взяли лодку.

Следователь обмерил это место рулеткой, прошел до деревни, потом до железнодорожной станции. Зачем он это делал, Игорь и Сева не поняли.

Миша усмехнулся. Ну и следователь! Ищет на Песчаной косе!.. Надо искать в лесу, там, где прячутся парни. Именно они вместе с лодочником и убили Кузьмина! Миша ни секунды не сомневался в этом.

- Поменьше фасоньте,- сказал Миша Игорю и Севе,- вы такого натворили!.. Вот будут самохарактеристики, тогда вы узнаете... Получите свое...

Самохарактеристики будут через два дня, после того как они закончат клуб. Его осталось только покрасить. В этом деле они получили могучую поддержку в лице художника-анархиста Кондратия Степановича.

Он пришел в клуб, долго смотрел, как ребята работают, потом спросил у Миши:

- Приступать?

- Приступайте. А что вы будете делать?

Кондратий Степанович обвел вокруг себя рукой:

Красить надо. Вкруговую.

Миша вспомнил нелепо раскрашенную избу художника. Опасение, что он испортит клуб, на мгновение закралось в Мишино сердце. Но выражать недоверие человеку, который сам, добровольно предлагает свои услуги, было неудобно.

Все же он спросил:

А Хорошо будет?

- В отличном виде,- пробормотал художник, обводя стены сарая мутным взглядом,- по самому последнему слову... Большой театр делали...

- Денег у нас нет, придется бесплатно,- предупредил Миша.

- Бесплатно так бесплатно,- вздохнул художник.

- Красок тоже мало.

Кондратий Степанович опять вздохнул:

- Пожертвуем свои. Немного осталось. Одолжил леснику, да теперь с него не получишь.

- Какому леснику?

- Кузьмину, убитому.

- Разве он был лесником?

- Был. До революции. У графа служил. Доверенное лицо...

Вот что!.. Кузьмин служил у графа лесником. Значит, он хорошо знал лес... Опять лес! Тот самый лес, куда парни утащили привезенные лодочником мешки. Таинственный лес! Эта легенда о Голыгинской гати, о мертвецах без головы - не выдумана ли она для того, чтобы отпугнуть всех от леса? Ясно: надо идти в лес и посмотреть Голыгинскую гать. Там ли по-прежнему эти подозрительные парни и что они делают?

Мишины размышления прервал Кондратий Степанович, объявивший, что красить он будет сегодня ночью. Никто не помешает, не будет пыли, и вообще он привык

творить ночью. Но ему в помощь нужны два мальчика.

Миша выделил для этой цели Бяшку и Севу.

Подходя на следующий день к клубу, ребята еще издали увидели около него большую толпу народа.

Что такое?

Ребята ускорили шаг. По улыбающимся лицам крестьян, по их смеху и шуткам Миша понял, что в клубе что-то произошло.

И когда он сам вошел в клуб, то не знал, плакать ему или смеяться.

Клуб был размалеван самым диким и невообразимым образом: изогнутые линии, круги, полосы, треугольники, просто кляксы, то бесформенные, то напоминающие морды диких зверей. Скамейки - полосатые, как зебры. Занавес - похожий на фартук маляра. Балки, поддерживающие крышу, - одна черная, другая красная, третья желтая. Под каждой балкой - по лозунгу: «Анархия - мать порядка», «Да здравствует чистое искусство!», «Долой десять министров-капиталистов?».

Кондратий Степанович с гордым и независимым видом расхаживал по клубу. Так же гордо и назависимо держались Бяшка с Севой. Они объявили Мише, что это последнее слово в живописи. Так теперь рисуют во всех странах. Так рисовал и Маяковский, пока был художником. Бяшка попробовал объяснить Мише значение какой-то кляксы, но запутался и ничего объяснить не смог.

В кучке крестьян стояли Ерофеев и председатель сельсовета - молодой парень, демобилизованный красноармеец. Председатель посмеивался над художеством Кондратия Степановича, но Ерофеев сказал:

- Смешно-то смешно, да ведь денежки общественные. Приедут товарищи из губернии или из уезда, как мы им такое покажем? Значит, все надо переделывать. Опять расход. Не годится на ветер деньги бросать.

- Большие ли тут деньги? - возразил председатель.

- Хоть и небольшие, а народные, - сказал Ерофеев.

- Деньги пропали, не о чем теперь говорить, - нахмурился председатель.

- Разве я о деньгах? - возразил Ерофеев. - Я о том, что нельзя ребятишкам такие вещи поручать. Кондратий Степанович что? Любит он малевать, все мы знаем. А комсомол в ответе. Надо бы прийти в сельсовет, посоветоваться: можно такое дело Кондратию Степановичу поручать? А молодые люди на себя понадеялись. Вот и нехорошо.

Глава 29

САМОХАРАКТЕРИСТИКИ

Самохарактеристики - это самообсуждение. Каждого комсомольца обсуждают на общем собрании ячейки. Любой может выступить и сказать о нем все, что хочет. Какие у него достоинства и недостатки (в основном, конечно, какой он комсомолец, какой товарищ, как выполняет задания и поручения, каковы его моральные качества: честен ли он, правдив, смел, бескорыстен... А тот, о ком говорят, должен молчать. Возражать тут нечего. Слушай, что тебе говорят, мотай на ус и исправляйся. Иначе на следующих самохарактеристиках тебя еще больше раскритикуют.

Процедура не слишком приятная. Сиди и слушай, как тебя честят. Особенно плохо тем, кто стоит в начале списка. На них направляется первый пыл. Впрочем, и последним

неважно: те, о ком уже отговорили, наваливаются на тех, кто стоит в конце списка. Но личные счета никогда не сводились. Достаточно было ребятам почувствовать даже оттенок этого, как все начинали кричать: «Личные счета!», «Личные счета!» Они были чутки и непримиримы к неправде, неискренности, несправедливости. Да и у кого бы повернулся язык сказать неправду здесь, в коллективе, перед лицом своих товарищей.

Все побаивались самохарактеристик. Даже самые лучшие, самые безупречные. Каждый знал за собой тот или иной недостаток и понимал, что товарищи знают не только об этом недостатке, но и о многих других, которых он сам за собой не замечает. Перед самохарактеристиками все вели себя по-разному.

Одни оставались такими, какими были раньше, другие менялись до неузнаваемости.

Например, Генка. Просто удивительно было смотреть, в какого невинного барашка превратился он в тот день и час, когда узнал, что предстоят самохарактеристики. Такой стал добрый, хороший, внимательный, услужливый! Особенно он старался сдружиться с теми, от кого ожидал критики. Но критиковали его обычно все. И он пытался расположить к себе всех.

Всем он теперь ласково улыбался. Ни на кого не повышал голоса. Если кто в чем провинится, говорил:

«Мало ли что с кем случается? Надо быть терпимым к недостаткам других людей». И при этом заискивающе заглядывал в глаза провинившемуся: мол, запомни, как я тебя защищал. Даже как-то отдал свою порцию обжоре Киту.

Повелительные наклонения исчезли из его речи, ничего не приказывал, кротко говорил: «Я бы на твоём месте сделал так», или: «Это дело, конечно, твое, но я бы поступил таким образом...»

Особенно заискивал он перед «борцом за справедливость» Бяшкой. Ходил с ним в обнимку, старался достать ему медикаменты (Бяшка ведал санитарной частью), убеждал нерях выполнять Бяшкины распоряжения.

Но именно от Бяшки ему и досталось больше всех на самохарактеристиках.

После обеда все уселись на лужайке в тени деревьев.

Миша произнес вступительное слово. Он указал на сложное международное положение Республики, на гнусные происки капиталистов и империалистов и о необходимости в связи с этим повышения ответственности каждого комсомольца перед коллективом и перед самим собой. Самохарактеристики, сказал Миша, должны помочь каждому комсомольцу и пионеру увидеть свои недостатки и побыстрее изжить их.

Первым по списку шел Генка.

Слово взял Бяшка. Он встал, сделал серьезное лицо и сказал:

- За последнее время мы подружились с Генкой. Но именно потому, что я его друг, я обязан прямо сказать о его недостатках... Самое главное в Генке - это неустойчивость характера. Не может он сдержаться. Чувствует, что не надо этого делать, не надо этого говорить, а делает и говорит. Комсомолец должен обдумывать и взвешивать свои поступки. А Генка не умеет ни обдумывать, ни взвешивать. Поэтому он и попадает в разные истории.

И хоть бы кто-нибудь защитил бедного Генку! Даже Зина Круглова, девочка, с которой он дружил, вскочила и быстро затараторила:

- Генка недисциплинирован. Как может такой человек быть помощником вожатого отряда? Вместо того чтобы подавать пример, он сам нарушает дисциплину.

История с тем, как он дразнил Игоря и Севу, говорит сама за себя. А случай в

Москве с бабушкой Игоря, а гвозди эти несчастные? Генке пора подумать о своем авторитете.

- Генка груб, - сказала Некрасова Надя.

- Генка легкомыслен, - добавила Некрасова Вера.

Генка любит дразнить! - в один голос прокричали Игорь и Сева.

- Генка болтлив и не дает никому слова сказать, - объявил Кит.

Генка с сожалением подумал о зря отданных Киту порциях каши.

А Наташа Бойцова сказала:

- Генка хвастлив и любит все приписывать себе одному.

Последним о Генке говорил Славка:

- Я думаю, что главная беда Генки в том, что он слишком импульсивный человек. Все его действия подчинены мгновенному чувству, то есть импульсу. А наши поступки должны быть подчинены не импульсу, а трезвому учету обстоятельств.

Здесь Славка пустился в длинные рассуждения о воле, характере, импульсах и даже добрался до «категорического императива» Канта, о котором прочитал в какой-то философской книге. Книгу он не понял, но слова «категорический императив» ему очень понравились.

Наконец Славка выбрался из чащи философских рассуждений и закончил Генкино обсуждение словами:

- Перед Генкой стоит серьезная задача: переделать самого себя. Он, безусловно, честный комсомолец, предан делу революции, но его недостатки мешают ему приносить обществу ту пользу, которую он мог бы приносить.

Про Кита сказали, что его обжорство - это уже не физический, а моральный недостаток.

- Чего можно ожидать от человека, который думает только о еде? - сказал Игорь про Кита. - Он весь во власти своего желудка. Со временем из него вырастет мещанин-чревоугодник, он будет заботиться только о своем материальном благополучии. Вспомним комсомольцев гражданской войны! - с пафосом воскликнул Игорь. - Подумаем о комсомольцах капиталистических стран, особенно фашистской Италии. Разве они думают о еде? Представим, что среди них есть вот такой Кит. И вот он попадает, скажем, в сигуранцу или дефензиву. Его там допрашивают и пытаются голодом. Разве Кит выдержит пытку голодом? Скажи, Кит, выдержишь?

Кит поник головой.

Славка заметил Игорю, что вопросов задавать нельзя. Критиковать - критикуй, а если задавать вопросы, то получится перебранка и ненужная полемика.

- Нет, Кит не выдержит пытки голодом, - с горечью произнес Игорь. - А такой человек не может быть комсомольцем.

Перешли к обсуждению Игоря и Севы.

Их побег возмутил всех ребят. Разве они дети? Разве не понимают, что ни в какую Италию они бы не попали, никаких бы фашистов не побили? Вся их затея не только смешна. Она вызвана желанием порисоваться, показать себя героями, а разве это большевистское качество?

- Это пахнет таким мелкобуржуазным индивидуализмом, - сказал Миша. - Что хочу, то и делаю, а на остальных мне наплевать! Что мне до товарищей, до родных! Пусть волнуются, пусть беспокоятся, а я вот исполню свою прихоть! Значит прихоть дороже окружающих. Значит, личные интересы **постав** лены выше общественных. Это

называется эгоизмом. А эгоизм - самая отвратительная отрыжка буржуазной идеологии.

Глава 30

САМОХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

На следующий день обсуждение начали с утра.

О Славке Генка сказал так:

- Славка, конечно, хороший комсомолец. Честный, справедливый и добросовестный- Но,- Генка поморщился,- не решительный он какой-то. Не способен к быстрому действию. Во всем сомневается... «А почему?», «А зачем?..» Так не годится! - Генка взмахнул кулаком.- Во всем нужны решительность, смелость, быстрота! Где у Славки волевые качества? Главный недостаток Славки - это замедленная реакция.- Генка обвел всех победоносным взглядом: когда надо, и он умеет щегольнуть ученым словом.- Вот. Надо тренировать свою волю. А с чего начать? Начать надо с физкультуры. Славка не занимается спортом, не развивается физически, даже уваливает от утренней зарядки. А что сказано? Сказано: «В здоровом теле - здоровый дух». Вот как сказано. И это надо помнить.

Но остальные хвалили Славку. Его любили в отряде. Хвалил его и Миша, но заметил, что. Славка немного мягкотелый. Правда, он вырос в интеллигентной семье, отец его «спец». Но надо перевоспитываться и приобретать пролетарские, рабочие качества.

- А я не понимаю,- сказала Зина Круглова,- какие это особые рабочие, пролетарские качества? Человек остается человеком, будь он рабочий, служащий или интеллигент. Социальное происхождение здесь ни при чем.

- Нет, при чем! - воскликнул Генка.- Интеллигенция - это промежуточная прослойка, и она колеблется.

Славка обиделся:

- Выходит, я промежуточная прослойка?

...Сидели до самого вечера. Всех разобрали по справедливости, даже самого борца за справедливость - Бяшку Баранова, уж очень он кичится своей борьбой за правду. Эта борьба превращается у него в самоцель. Его уже не столько возмущает неправда сама по себе, сколько привлекает поза борца за справедливость.

Миша, как и все, участвовал в-обсуждении. Но его все время занимал вопрос: будут обсуждать его или не будут?

Вожатого отряда, например Колю Севостьянова, никогда не обсуждали. Теперь вожатый Миша. Значит, и его не должны обсуждать. С другой стороны, он такой же комсомолец, как и другие ребята. Но сам факт его обсуждения покажет, что он хоть и вожатый, но еще не настоящий, не такой, как, допустим, Коля Севостьянов. Однако запретить обсуждать себя Миша не мог. Ребята расценят это как зазнайство. Ладно, пусть решают сами

Обсуждения кончились. Славка сказал:

- Список исчерпан. Остался один Миша. Он вожатый, и вожатого мы, как правило, не обсуждаем. Но Миша наш товарищ, одноклассник и член нашей комсомольской ячейки. Как мы поступим? Миша, твое мнение?

- Пусть ребята сами решают,- ответил Миша не без тайной надежды, что все устали

и будут рады на этом закончить.

Но большинство высказалось за обсуждение. Против был только Кит: ему хотелось ужинать. Сказать об этом прямо, после того как его только что раскритиковали за обжорство, он не мог, а потому он предложил не обсуждать Мишу. Но остальные с ним не согласились. Киту осталось только бросить грустный взгляд на котелки.

Первой взяла слово Зина Круглова.

- Я не собиралась выступать о Мише,- сказала она, - но меня поразила его нескромность.

Миша с удивлением воззрился на Зину.

- Да, да,- продолжала Зина, - у Миши спросили, надо ли его обсуждать. Я думала, он скажет: «Конечно, надо. Чем я отличаюсь от остальных?» Но вместо этого он сказал: «Пусть ребята решают». Таким ответом Миша поставил себя в исключительное положение, он выделил свою персону из коллектива. Это нескромно.

Миша усмехнулся, но в душе признал справедливость этого обвинения. Надо было прямо сказать, чтобы обсуждали, и все. А он хотел увильнуть от обсуждения.

Потом слово взял Бяшка.

- Мы давно знаем Мишу,- сказал он,- знаем и его достоинства и недостатки. Но вот мы увидели Мишу в новой роли - вожатым. В общем он справляется со своими обязанностями. Но у него есть один крупный недостаток: он любит секретничать с Генкой и Славкой. Это секретничанье отдаляет Мишу от коллектива.

Кит проворчал:

- Как актив, так обязательно секретничают! И потом, Миша делает поблажки некоторым лицам.

- Кому, например?

- Генке, вот кому.

- А...

Миша встал и сказал:

- Вот что, ребята. Насчет Генки, я думаю, Кит не прав. Я никому не делаю исключения, а Генке тем более. Насчет же секретов - в этом есть доля истины. Но вспомните историю с кортиком. Если бы я не держал ее в секрете, то мы бы ничего не нашли.

- Тогда мы еще не были комсомольцами,- возразила Наташа Бойцова.

- Это правильно,- согласился Миша,- и я вам все расскажу. Но секрет! - Миша оглянулся и понизил голос: - Дело идет о том, чтобы спасти брата Жердя, его неправильно обвиняют в убийстве.- Мишин голос перешел на шепот: - У нас есть некоторые данные, лодочник не зря тогда на нас напал. Но надо проверить. И поэтому никому ни слова! Вот и весь наш секрет...

Миша выпрямился, опять повысил голос:

- Итак, самохарактеристики закончены. Каждый учтет, что о нем говорили, и постарается исправиться. Ученые говорят, что человеческий характер складывается к восемнадцати годам. Так что времени для перевоспитания осталось не так уж много, и надо торопиться. Предлагаю закончить наш сбор «Молодой гвардией».

Все встали и запели:

Вперед заре навстречу,
Товарищи в борьбе,
Штыками и картечью

Глава 31

СЛЕДОВАТЕЛЬ В ЛАГЕРЕ

Миша рассказал на сборе не все. Он только поделился своими подозрениями насчет лодочника, но умолчал о старухе, о Ерофееве и парнях в лесу. Но и того, что он рассказал, было достаточно. Все горели желанием разоблачить злодея лодочника. Ребятам теперь был известен каждый его шаг. И каждый его шаг толковался очень многозначительно, о чем немедленно сообщалось Мише. В конце концов Мише так это надоело, что он запретил ребятам даже подходить к лодочной станции. Но разве ребят остановишь? Тем более что вскоре вся деревня была взбудоражена приездом следователя.

Следователь приехал в сельсовет и вызывал туда лодочника, Ерофеева, нескольких крестьян, даже художника Кондратия Степановича. Потом следователь явился в лагерь якобы затем, чтобы поговорить с Игорем и Севой. Игорю он задал только один вопрос: «Ну, как живешь?» На что Игорь ответил, что живет хорошо. Севе нездоровилось, и он лежал в палатке. Следователь посмотрел на него и отошел от палатки со словами: «Раз болен, пусть спит», хотя Сева вовсе не спал.

Следователь долго ходил по лагерю, интересовался распорядком: когда встают, когда ложатся, куда уходят на прогулки или на игры, кто в это время остается в лагере. И есть ли ночью дежурные, и каков маршрут их обхода.

Вообще этот маленький человек вел себя очень странно: тщательно осмотрел все тропинки, обследовал кусты, даже, как показалось Мише, обнюхал деревья. И что он здесь высматривает, непонятно! Лодочник - у своих лодок, парни - в лесу, а он ходит здесь и чего-то вынюхивает.

- Может быть, вы и лес осмотрите? - насмешливо спросил Миша,

Следователь спокойно ответил:

- Лес большой, как его осмотришь...

- Именно потому, что он большой, там и спрятаться легче.

Продолжая осматривать дорожку, следователь сказал:

- Но ведь это только твои подозрения.

- Что?

- Лодочник и парни в лесу.

- Николая Рыбалина вы тоже только подозреваете, а арестовали.

- Против него улики, а против этих нет улик.

- А все же Николай не виноват,- объявил Миша.

- Никто и не говорит, что виноват. Есть улики, вот и держим. А парни копают и пусть их копают.

- А что они ищут? - спросил Миша, удивленный тем, что следователь знает об этих парнях.

Следователь засмеялся:

- То, что обычно ищут в лесу: клад. Я родился в этих краях, и, сколько помню себя, здесь всегда искали клады, так землю перекопали, что и пахать не надо. Граф был богат и чудака. Добывал на Урале драгоценные камни, вот и говорят люди, что зарыты здесь

драгоценности. Никто никогда ничего не находил. А вот верят.

- Может быть, Кузьмин знал, где зарыт клад, но не хотел рассказать, они и убили его,- предположил Миша.

Зачем же убивать? - возразил следователь.- Наоборот, если он знал, то они всячески оберегали бы его, в надежде, что рано или поздно он им расскажет. Только никакого клада нет.

- А почему лодочник напал на нас?

Следователь пожал плечами:

- Трудно сказать. Он утверждает, что из-за лодки: думал, что лодка Кузьмина. Врет, конечно. Но к делу это не имеет отношения. Лодочника мы знаем: старый рецидивист. Специальность - валюта и драгоценные камни. Но не убийца. Нет, убивать он не будет. Тем более, что недавно из отсидки.

Как же так! Известно, что лодочник вор, рецидивист, а он расхаживает на свободе как ни в чем не бывало.

И, точно угадав Мишины недоумения, следователь сказал:

- Закон есть закон. Сажать его пока не за что. А скажи-ка,- он повернулся к Мише,- не попадался, ли тебе здесь, в усадьбе, совсем незнакомый человек, мужчина средних лет, не местный житель?

- Как будто нет, не видал.

- Подумай, - настаивал следователь. - Может быть, видел, совсем случайно, мельком. Здесь, на реке, в деревне... Возможно, твои ребята видели?

Миша напряг память, но никого не мог вспомнить.

- Нет, я никого не видел.

- Не видел - значит, не видел,- оборвал разговор следователь.- Я просто так спросил.

Глава 32

НАДО ИДТИ В ЛЕС

Следователь уехал.

Такому следователю заниматься делами о похищении кур, а не искать убийцу. Надо самим все выяснить и доказать невиновность Николая и, наоборот, виновность лодочника. Короче - надо, во-первых, выяснить, кто такие Карагаевы, и, во-вторых, идти в лес.

В Москву, в библиотеку, выяснить, кто такие Карагаевы, Миша послал Славку, а сам отправился к Жердю.

Жердю топором обтесывал колья и подпирал ими обвалившийся плетень.

- Хозяйствуешь?

- Приходится.

- От брата есть что?

- А что от него может быть? В тюрьма сидит.

- Слушай, Жердю,- сказал Миша, - у меня есть новый план. Если мы его выполним, то сумеем доказать, что твой брат ни при чем..

- Какой такой план? - вздохнул Жердю.

- Ведь- Кузьмин раньше служил у графа лесником.

- Ну и что?

- Раз он служил лесником - значит, имеет отношение к лесу. Так ведь?
- Выходит, что так.
- А кто прячется в лесу? Парни, которым лодочник возил мешки. Так?
- Выходит, что так,- повторил Жердяй, напрягая всю свою сообразительность, чтобы понять, к чему клонит Миша.
- Значит, - заключил Миша,- есть связь между убитым лесником и этими парнями в лесу.

Как ни далеко было следствие от посылки, но Жердяю оно показалось убедительным. Может быть, потому, что он никогда не изучал логики.

- И верно, - сказал Жердяй, разинув в удивлении рот.
- Вот видишь, - продолжал Миша, торопясь укрепить в Жердяе это убеждение,- значит, надо узнать, что делают в лесу эти парни.

- Как же мы узнаем?
- Пойдем ночью в лес.
- Это на Голыгинскую-то гать? - ужаснулся Жердяй.- Ни за что не пойду! Убей - не пойду. И не говори больше, не упрашивай.

Миша был готов к этому отказу. Но без Жердяя в лесу делать нечего.

- Эх ты, родного брата не хочешь выручить!
- Кабы я знал, что это брату поможет...
- Наверняка поможет,- настаивал Миша. - Ты только подумай. Я посторонний человек и то хочу помочь - иду ночью в лес. А ты родной брат и не хочешь, боишься. И не стыдно тебе?

Жердяй молчал.

- Ты о матери подумай. Ведь убивается она? А, убивается?

- Убивается, - мрачно ответил Жердяй.

Вот видишь! А если его, невинного, засудят? Ведь она сойдет с ума с горя. И тебе ее не жаль. Эх, ты!

- Я идти не отказываюсь,- сказал Жердяй, - только на самую гать не пойду. Дойдем до гати, и все.

- Ладно! Ты нас только туда, остальное мы сами сделаем.

- И еще кто пойдет?

- Генка. Только смотри, Жердяй, никому не говори!

- Зачем я буду говорить?

- Матери своей не говори. Никому, понял?

- Понял.

- Пойдем сегодня ночью.

Уж сегодня?

А зачем откладывать? Приходи вечером в лагерь. Как все заснут, мы втроем и пойдем.

- Ладно, приду,- ответил Жердяй и снова взялся за топор.

Глава 33

СЛАВКИНЫ РОЗЫСКИ

К вечеру Славка вернулся из Москвы и рассказал следующее:

- Графы Карагаевы - родственники знаменитых Демидовых. Был такой тульский

кузнец Демид Антуфьев. Его сын Никита поставлял оружие Петру Великому. За это Петр подарил ему уральские заводы, дал дворянство и фамилию Демидов. Дочка одного из Демидовых вышла замуж за графа Карагаева.

- Кому это интересно? - презрительно скривился Генка.

- Слушай. Демидовы были самые богатые люди в России. Даже королевы за них выходили. Был такой Анатолий Демидов, так он женился на родной племяннице императора Наполеона.

- Уж это ты врешь!

- Честное слово! И Анатолий Демидов, чтобы тоже быть именитым, купил в Италии княжество Сан-Донато и стал именоваться князем Сан-Донато.

Такому сообщению не мог поверить даже Миша, хотя и знал, что Славка никогда ничего не выдумывает. Но, может быть, он прочитал какой-то вымысел и уверовал в него? Как можно купить целое княжество, можно сказать, целое государство?

Но Славка настаивал на своем. Он даже обиделся:

- Если вы мне не верите, то поезжайте на Урал. Там увидите железнодорожную станцию, которая называется Сан-Донато.

- Зачем же обижаться? Рассказывай.

- Я не обижаюсь. Но если бы ты при такой жаре целый день просидел в Румянцевской библиотеке, то тоже бы обиделся.

- Ладно, рассказывай,- примирительно сказал Миша.

- Так вот. Демидовы были очень богатые люди. Владели на Урале заводами и рудниками. И были большими чудаками. Например, один Демидов, Прокофий, устроил в Петербурге такое пьянство, что пятьсот человек умерли от перепоя...

- Вот врет! - взвизгнул Генка и хлопнул себя по коленкам.

- Честное слово! Этот Прокофий был в Англии и за что-то обиделся на англичан. Тогда он вернулся в Россию и скупил всю пеньку, чтобы не досталась англичанам. Ведь они импортировали из России главным образом пеньку, вот он их и проучил.

- Проучил... за свои денежки.

- А что для него деньги? Вот, например, другой Демидов - Павел. В тысяча восемьсот тридцать пятом году подарил царю Николаю Первому алмаз, который стоил ровно полмиллиона рублей...

- Видно, был большой подхалим, - заметил Миша.

Генка опять не поверил:

- Один камешек стоит полмиллиона рублей золотом? Больно дорого!

- Представь себе - полмиллиона,- продолжал Славка.- Это был знаменитый алмаз Санси... Вот интересная история. Этот алмаз был вывезен из Индии лет пятьсот назад и принадлежал Карлу Смелому Бургундскому. Карла убили на войне, и алмаз подобрал один швейцарский солдат. Но он не знал цену алмаза, думал, что просто красивый камень, и продал какому-то священнику за один гульден, то есть за один рубль. Священник, не будь дурак, загнал алмаз португальскому королю Антону. Король Антон, тоже хороший спекулянт, продал его за сто тысяч франков французскому маркизу Ле-Санси. С тех пор алмаз называется Санси. Теперь слушайте, что произошло дальше. Слуга Санси вез к нему этот алмаз. На слугу напали разбойники и убили его. Но слуга успел проглотить алмаз. Санси велел вскрыть труп своего слуги и нашел алмаз в его желудке.

- Веселенькая история! - заметил Генка, протягивая руку к животу в том месте, где, по его предположениям, был желудок.

- Затем,- продолжал Славка, - короли опять начали спекулировать алмазом. Санси продал его английскому королю Якову Второму, Яков Второй - французскому королю Людовику Четырнадцатому, потом он попал к Людовику Пятнадцатому. В общем, его долго перепродавали, пока, наконец, в тысяча восемьсот тридцать пятом году Павел Демидов не купил его для Николая Первого... Вот такая история...

Мальчики помолчали. Потом Миша сказал:

- Ты, конечно, провел серьезное исследование. Но какое это имеет отношение к усадьбе?

- А то, что одна из дочерей Демидова вышла замуж за Карагаева.

- Ну и что?

- Может быть, алмаз Санси вместе с приданным перешел к графу Карагаеву.

- Но ведь Демидов отдал алмаз Николаю Первому?

- Он мог ему отдать поддельный. Ведь все там было построено на жульничестве.

Генка свистнул.

- Наверно... Попробуй надуй Николая Первого с его Бенкендорфом.

- Видишь ли, Славка,- сказал Миша,- конечно, трудно предполагать, что алмаз попал к графу. Но допустим даже, что это так. Что же из этого?

- Как что? - возмутился Славка.- Возможно, как раз его и ищут. Ведь все говорят, что здесь всегда искали клады. Может быть, и сейчас ищут.

- Может быть,- согласился Миша.- Но это только подтверждает, что мы должны идти в лес. Этот ли алмаз или что-нибудь другое, но факт, что ищут. А когда ищут драгоценности, то и убивают друг друга. А нам важно узнать, кто убил Кузьмина, и тем самым оправдать Николая.

- Разве я возражаю? Я только указываю на то, что именно ищут.

- Вот и хорошо, - заключил Миша. - Значит, сегодня ночью мы пойдем в лес.

Глава 34

КОСТЕР

Сегодня ночью они пойдут в лес, на Гольгинскую гать. Все понимали: если лодочник проведаст, что мальчики отправились на гать, то он может их проследить, а потом в лесу и убить. Он и его парни на это способны. Убили же они Кузьмина.

У всех на лицах было серьезное, таинственное и даже несколько торжественное выражение, какое бывает перед важным и опасным предприятием. Все вели себя как нельзя лучше и всячески старались угодить Мише и Генке - кто знает, в каком виде они вернутся и вернутся ли вообще. Мише надоели эти жалостливые взгляды, и он ушел на реку, на то место, где любил сидеть вечерами и смотреть на пламенеющий за дальними горами закат.

К тому же у Миши была тайна: он сочинял стихотворение.

Раньше Миша не сочинял стихов. Это занятие казалось ему несерьезным. Другое дело, когда стихи пишут настоящие поэты: Пушкин, Лермонтов, Некрасов... Или современные поэты: Маяковский, Безыменский... Это поэзия. А то, что сочиняют ребята, не более как плохо рифмованные слова. К школьным поэтам Миша относился иронически. Конечно, без стихов нет и стенгазеты. Частушки для «Синей блузы» тоже нужны - критика недостатков получается острее. Но вот стихи из-за «настроений» Миша терпеть не мог, не мог терпеть и самые эти «настроения».

«Настроения» бывали обычно у мальчиков, далеких от общественной жизни. Впрочем, случались «настроения» и у комсомольцев, хотя и реже. «Настроения» заключались в том, что парень ходит грустный, скучный, как в воду опущенный, все ему кажется мелким, ничтожным, неинтересным. Да и сама жизнь представляется ему совершенно ненужной. Говорит он философскими изречениями: «Жизнь коротка и неинтересна», «Все пройдет», «Все повторяется», «От жизни надо брать все». В общем, несет вздор. Как правило, такой «упадочник» говорит об одиночестве, о том, что никто его не понимает и никогда не поймет, и читает при этом упадочные стихи. Да и сам сочиняет стихи - о загадочном мире, о бренности жизни и прочее в таком же упадочном духе. Как только кто начинает сочинять стихи - значит, у него начались «настроения».

И вдруг, совершенно неожиданно для себя, Миша начал сочинять стихи. Вернее, сочинил одно стихотворение. И то не до конца, никак не мог подобрать рифмы к двум последним строчкам. Конечно, не упадочное стихотворение, а настоящее, революционное.

Оно зародилось в те часы, когда он сидел на берегу реки вечером, смотрел на пламенеющий за дальними горами закат и вспоминал маленькую железнодорожную станцию, удаляющиеся огоньки, поезда, эшелон красноармейцев, Полевого и большой плакат, на котором был нарисован рабочий, разбивающий тяжелым молотом цепи, опутывающие земной шар.

Неожиданно возникла рифма «шар земной - рабочий молодой», потом другая: «мосты - бойцы»... И в итоге двухнедельного труда появилось стихотворение, несовершенство которого Миша создавал, но которое все же ему нравилось. И он надеялся со временем подобрать последние две строчки.

Вот это стихотворение:

Пока живы, не забудем
Все, что видели тогда:
Эшелон на бой уходит
За Республику Труда.
Широко раскрыты двери,
И толпой стоят в дверях
Бойцы в разорванных шинелях
И в стоптанных сапогах,
И, опутанный цепями,
Пламенеет шар земной,
И молотом тяжелым цепи рубит
Рабочий молодой.
Хоть крут подъем, и взорваны дороги,
И падают убитые бойцы,
Мы рельсы выложим, нарежем шпалы,
Туннели вырубим и наведем мосты.
Борьба лишь начата, и нам передан молот,
Цепями все еще опутан шар земной...

Последние две строчки Миша никак не мог сочинить. Не подбирались рифмы. К слову «земной» можно бы подобрать - в крайнем случае опять повторить «молодой», - но к слову «молот» Миша никак не мог найти рифму. А менять это слово Миша не

хотел. Уж очень красиво звучало:

Борьба лишь начата, и нам передан молот...

Молот, молот... Какую рифму к нему подобрать?

Миша мусолил карандаш, напрягал воображение, но ничего подходящего найти не мог... Все слова, которые приходили ему на ум, не годились. Молот, долот, сколот, проколот...

Искал Миша рифму и вечером, на костре.

Костер в этот вечер был не похож на другие костры. Обычный разговор не вязался. Никто не шутил, не рассказывал веселых историй. Зина Круглова попробовала было пересказать смешной ответ одной крестьянки на уроке ликбеза, но ее рассказ не показался ни смешным, ни интересным. Все сознавали ответственность момента.

Торжественное, романтическое состояние охватило и Мишу Его так и подмывало прочитать свое стихотворение. И в то же время было стыдно: вожатый, а сочиняет стишки. Но они так вертелись у него на языке, что он не удержался и сказал:

- Мне сейчас припомнилась история с кортиком: Полевой, Никитский и все другие. И как-то само собой сочинились стихи. Если хотите, я их прочту.

Миша встал и, немного волнуясь и боясь, что он забудет какую-нибудь строчку, прочитал стихи.

Ребята молча слушали. Молчание царило еще некоторое время после того, как Миша кончил читать. Потом Генка спросил:

- А где же конец?

- Конца я еще не сочинил,- ответил Миша.

Ему вдруг стало стыдно. Стихи казались теперь плохими, скверными. Все пышно, выпренно, не доходит до сердца. Зря он их читал! Кой черт его дернул? Зачем? Ведь он не собирается быть поэтом. Вот и ребята молчат. Понимают, что стихи плохие, но не говорят, не хотят его обидеть. Миша опустил руку в карман, незаметно измял и разорвал листок со стихами на мелкие кусочки.

- Что ж,- сказал Славка,- стихи неплохие. Только конца нет и размер не всюду правильный. Потом, нет рифмы между первой и третьей строчками.

- Зато по идее хорошо,- возразил Генка. - Я как услышал эти стихи, так сразу вспомнил и станцию, и эшелон, и комиссара Полевого.

Миша сказал:

- Я знаю, что стихи плохие, но мне хотелось вас немного позабавить и оживить наш скучный костер. Вот я взял и на ходу сочинил стихи.

- Прямо сейчас вот и сочинил? - усомнился Генка.

- А то когда же? Прямо в уме и сочинил.- Миша встал.- Всё! А теперь спать, по палаткам. И имейте в виду: ничего с нами не случится. А если к утру не вернемся, тогда ищите нас в лесу. У Голыгинской гати.

Глава 35

ОПАСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Лагерь затих. Миша, Генка и Жердяй выбрались из палаток и пошли к лесу.

Полная луна освещала спящий лагерь. Миша отчетливо видел верхушки деревьев.

И синее небо над ними. И звезды.

- Как к лесу пойдем: берегом или лугами? - шепотом спросил Жердяй, дрожа не то от холода, не то от страха.

- Берегом, мимо лодочника, - тоже шепотом ответил Миша.

Три маленькие фигурки двигались по полевой тропинке, ведущей к реке. Впереди Жердяй, за ним Миша и последним Генка. Жердяй шел легко, неслышно. Миша решительно шагал за ним. Генка же, успевший в палатке заснуть, теперь плелся сзади, зевая и чувствуя себя очень несчастным оттого, что не выспался. Он был храбрый мальчик, но любил поспать.

Не доходя до реки, Миша велел ребятам подождать, а сам ползком подобрался к лодочной станции. Луна заливала ее своим светом. Лодки на воде казались черными спящими рыбами. Но никого на станции не было. Тихо. Ни голоса, ни плеска.

Так же ползком Миша вернулся к друзьям, и они отправились дальше.

До леса было верст пять. Дорога сначала вилась вдоль берега, потом углубилась в поля. В свете луны все казалось причудливым и таинственным. Что-то шелестело в пшенице. Таинственные зверьки перебежали дорогу.

Два быстрых зеленых глаза показались впереди и исчезли.

- Заяц,- прошептал Генка, стряхивая с себя сонливость.

- Кошка,- сказал Жердяй.

Лес возник перед мальчиками черной, мрачной громадой.

- Как пойдем? - спросил Жердяй дрожащим голосом.

Он еще надеялся, что Миша побойтся идти в лес и они вернуться в лагерь.

Но Миша и не думал возвращаться.

- Веди нас к болоту.

Вслед за Жердьяем мальчики обогнули опушку и углубились в лес.

Сразу стало темно. Бугристые корневища деревьев на тропинке казались клубками черных уснувших змей.

Лес жил ночной, потаенной жизнью. Невидимые, проносились меж деревьев птицы. Это козодой или летучая мышь. Часто раздавался сухой, отрывистый хруст ветки, как будто кто-то подкрадывался. Но Жердяй шел вперед, и мальчики двигались за ним. Если Жердяй не останавливается - значит, опасности нет.

Шли они долго. Миша совсем потерял направление. Без Жердяя, конечно, не выбраться отсюда. И как Жердяй здесь ориентируется?

Между тем лес становился все реже, деревья ниже и мельче. Мальчики вышли еще на одну опушку.

Жердяй остановился и обернулся к Мише. Лицо его казалось мертвенно-бледным.

- Сейчас будет болото, а там Голыгинская гать,- пролепетал Жердяй.

- Пойдешь? - тихо спросил Миша.

Жердяй отрицательно качнул головой.

- Хорошо. Останешься здесь. Будешь нас ждать. Не побоишься?

Жердяй кивнул головой в знак того, что он согласен остаться здесь и ждать ребят.

- Покажи, как идти.

Жердяй протянул руку вправо и зашептал:

- Поидете краем леса. Как дойдете до четырех дубов, так возьмете влево, там просека... Просеку пройдете, увидите болото... Тут и начинается гать... А я здесь посижу,- добавил Жердяй и присел под березой, привалившись к ней спиной.

Миша и Генка осторожно двигались по опушке, прижимаясь к лесу, чтобы их не

было видно. Луна светила со стороны поляны, и тени мальчиков сливались с тенями деревьев.

Вдруг Генка схватил Мишу за руку:

- Тише! Слышишь?

Прижавшись к дереву, мальчики оглянулись. Мише тоже показалось, будто кто-то крадется за ними. Они прислушались. Все стихло.

Мальчики двинулись вперед и опять услышали, что за ними кто-то крадется.

Они опять остановились. Раздался едва слышный хруст ветки. Мальчикам казалось, что лес полон таинственных людей, которые крадутся за ними. Они почувствовали себя беззащитными, окруженными врагами. Генка прижался к Мише. Миша слышал, как у Генки бьется сердце. Сам он тоже порядком перепугался, и, не будь рядом с ним Генки, перед которым он не мог оказаться трусом, Миша бросился бы бежать со всех ног.

Они стояли, затаив дыхание, им чудились таинственные звуки, шорохи, осторожные шаги, хруст ветвей, шепот людей, и казалось, что какие-то тени двигаются в поле, на опушке, меж деревьев.

- Вернемся,- едва слышно, одними губами прошептал Генка.

- Боишься? - так же шепотом спросил Миша.

Генка кивнул головой:

- Боюсь...

Тогда, с радостью в душе, но с таким видом, будто он уступает Генкиной трусости, Миша пожал плечами и тихонько стал пробираться назад.

Но не успел он сделать и шага, как увидел за деревом фигуру человека. Миша замер. Человек вышел из-за дерева. Это был Жердяй. Так вот кто крался за ними! Чудак! Только зря напугал их.

- Боязно одному сидеть,- пожаловался Жердяй.

- Так какого же ты черта... - с негодованием начал Генка, обрадованный тем, что есть на кого свалить свой испуг.

Но Миша сделал ему знак молчать. Он сам злился на Жердяя, но сейчас не время разговаривать и не место: их могут услышать.

Втроем мальчики почувствовали себя увереннее. И уже перед Жердяем ни Миша, ни Генка не хотели обнаружить своего страха. Миша снова повернул к Голыгинской гати. Генка и Жердяй осторожно двинулись за ним.

Они шли по-прежнему молча, прячась в тени деревьев. Наконец вышли к просеке. Если бы не Жердяй, Миша никогда бы не догадался, что это просека, настолько густо заросла она молодым ельником.

Движением руки Миша приказал Жердяю идти впереди и показывать дорогу. Тот жалобно посмотрел на него, но подчинился. Только поминутно оглядывался, чтобы убедиться, что Миша здесь, рядом с ним.

Они прошли еще с версту. Лес перешел в мелколесье. Чувствовались гнилые запахи болота.

Вдруг Жердяй остановился и стал внимательно всматриваться в землю. Миша и Генка тоже наклонились и увидели рядом с собой глубокую яму, длиной аршина в три и шириной в аршин. Рядом высился холмик свежевыкопанной земли.

Мальчики вгляделись. На некотором отдалении виднелась другая яма, потом третья. Жердяй развел руками, показывая, что этих ям раньше не было.

Мальчики прошли еще немного. Просека кончилась.

Жердяй остановился, протянул вперед дрожащую руку:

- Гать...

Луна освещала темное, бугристое болото. Местами из него торчали не то бревна, не то поваленные деревья. Белесые испарения поднимались над болотом, образуя таинственные движущиеся фигурки. Изредка перебежали огоньки - зеленые, синие, желтые... И хотя Миша знал, что это болотные огни, и больше ничего, а белесые движущиеся фигуры, похожие на мертвецов в саванах, не более как испарения, поднимающиеся с болот, но и ему было жутко.

Мальчики стояли безмолвные, окаменевшие перед жуткой картиной ночного болота. Им казалось, что вот сейчас один из этих белесых движущихся призраков приблизится к ним и они увидят мертвого графа и страшную бородастую голову у него в руках.

Совсем рядом мальчики слышали глухие равномерные удары. Как будто кто-то стучал под землей. Жердяй от страха присел и уткнул голову в колени.

Миша и Генка тоже присели. Но, как они потом говорили, не от страха, а для того, чтобы их не заметили люди, производившие эти звуки.

Удары повторялись через короткие, но равномерные промежутки времени.

Миша прислушался. Когда первый страх прошел, он сообразил, что удары доносятся не из-под земли, а откуда-то справа, из леса, и совсем близко.

Он сделал Генке и Жердяю знак оставаться на месте, а сам, пригибаясь к земле, ползком стал двигаться в сторону, откуда слышались странные звуки. Но за ним пополз Генка, а за Генкой - Жердяй.

Они проползли шагов двести. Удары слышались все ближе и ближе. Теперь было ясно, что где-то копают и отбрасывают землю. Между деревьями мелькнула полоска лунного света. Внезапно все смолкло. Миша осторожно раздвинул ветки...

Перед ним была крошечная полянка, а в середине полянки - яма. Два бугра земли высились по ее краям. Возле ямы сидели два человека и курили.

Это было совсем близко. Удивительно, что эти люди не слышали приближения мальчиков.

Как ни меняется лицо человека при лунном свете, Миша узнал парней, которым лодочник передал мешки.

Один парень плюнул на окурочек, бросил его, поднялся, взял лопату и прыгнул в яму. То же сделал и второй парень. И все это без единого слова.

Снова раздались равномерные удары лопат.

Миша сделал Генке и Жердяю предупреждающий жест и начал тихо отползать назад. Генка и Жердяй поползли за ним.

Через несколько минут три маленькие юркие тени промелькнули по краю просеки, направляясь в обратный путь, к лагерю.

Часть четвертая

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Глава 36

ЕРОФЕЕВ

Итак, парни - в лесу. Ребята торжествовали. Ведь они оказались правы. Здесь действует банда. И возглавляет банду лодочник. И они убили Кузьмина.

Правда, они что-то ищут, весь лес перерыли. Может быть, клад, о котором с такой насмешкой говорили и следователь, и доктор, и художник. Но тогда тем более вероятно, что именно они убили Кузьмина, который был лесником. Остается только это доказать.

Но как доказать? Ведь следователь не обращает на их рассказы никакого внимания.

Когда следователь приезжал в деревню, он долго разговаривал с Ерофеевым. А на другой день Миша увидел Ерофеева в избе у Жердяя. Ерофеев сидел на скамейке, часто вынимал из заднего кармана большой цветастый носовой платок, похожий на салфетку, и вытирал им красную морщинистую шею, лоб и, наконец, очки.

Он надел очки и сказал:

- Так-то вот, Мария Ивановна. Тебе общество поможет, и ты обществу помоги.

- Что же я сделать-то могу? - грустно спросила Мария Ивановна; она сидела у стола, подперев голову рукой.

- В город съезди, с сыном поговори. Зачем он невинных подводит?

- Разве он винит кого?

Винить не винит, а от своей вины отказывается,- строго и внушительно сказал Ерофеев.- Потому и ищут других. Глядишь, и невинного привлекут. Вот приезжал следователь, допрашивал: «Кто лодку угнал?» А кто ее угнал? Может, мальчонка какой. А тут на всю деревню, на все общество подозрение падает. Разве в лодке дело? Тут человек убитый, вот что.

- Может, Микола и не виноват вовсе, - уныло проговорила Мария Ивановна.

- Кто же тогда виноват? Были-то они двое.- Ерофеев вздохнул.- Согрешил, так уж покайся. Нехорошо. Всей деревне, всему обществу неприятности. Разве можно? Ну, поспорили, в бессознательности был. Разве много ему дадут? Тем более бедняк. Советская власть к беднякам снисходительна. Через год и под амнистию попадет.

- Как же можно такой грех на себя принять, ежели не убил? - сказала Мария Ивановна.

- Грех будет, если не покается,- сказал Ерофеев.- Невинных из-за него таскают. Следователи ездят, шарют... Конечно, никому от них не боязно, совесть у всех чистая, а все же неприятность. Нельзя так. Общество - сила. Разве можно против общества идти? Общество и в нужде выручит, общество и в беде поможет. Николая твоего все равно засудят, потому виноват. А тебе тут с людьми оставаться. Вот и подумай: как на тебя люди-то будут смотреть, ежели сын твой общество подводит?

Мария Ивановна тупо смотрела на угол стола.

Мишу удивляло, что Ерофеев при нем так откровенно и цинично требует, чтобы Николай признался в том, в чем он не виноват.

И, точно угадав Мишино недоумение, Ерофеев ханжески добавил:

- Конечно, если бы Николай не был виноват, тогда другой разговор. А раз виноват - признавайся. И органы судебные не надо обманывать. И следователя не надо зря водить. Люди государственные, занятые. Правду им надо говорить. Не должны мы государство наше советское обманывать.

Мишу передернуло от такого лицемерия.

- Советская власть нас и землей наделила,- продолжал Ерофеев.- Правда, слухи ходят, собираются эту землю отобрать в колонию беспризорническую. Ну, да власть не

позволит. Не оставит она крестьян без земли.

Здесь уже Миша не мог смолчать.

- Никто у крестьян землю не отбирает,- сказал он.- Ее должны будут вернуть только те, кто незаконно владеет сотнями десятин и эксплуатирует крестьян-бедняков.

- Таких у нас нет, молодой человек,- возразил Ерофеев.- Живем мы всем обществом, мирно, справедливо. Нет у нас ни кулаков, ни бедняков - все едины.- Ерофеев встал, надел на голову фуражку.- Вот так, Ивановна, подумай... - Потом добавил: - Вечером мальчонку подошли. Мучицы наскребу. А насчет Николая подумай. Очень тебя общество просит.

Ерофеев вышел. Мимо низеньких окошек, на мгновение затемнив избу, проплыли его сапоги и длиннополый сюртук.

- И не вздумайте его слушаться! - сказал Миша.

Мария Ивановна молчала.

- Неужели вы его не раскусили? - воскликнул Миша.- Ведь он хочет, чтобы Николай взял вину на себя. Он боится, что найдут того, кто действительно убил Кузьмина. И не вздумайте даже говорить об этом с Николаем. И никакой муки у него не берите.

- Жить-то надо,- проговорила Мария Ивановна.

- Разве вы без него не проживете? Да мы вам отдадим все, что у нас есть!

- Я не про то, я не про муку,- печально ответила Мария Ивановна. - Как против общества-то пойдешь? Жить-то с ними. Вот,- она показала на Жердяя,- Ваську надо подымать.

- Ерофеев - общество? - воскликнул Миша в негодовании.- Никакое он не общество! Я вас предупреждаю, Мария Ивановна: если только вы будете уговаривать Николая взять вину на себя, то я всем расскажу, что вас подговорил Ерофеев. Так и знайте! А ты, Жердяй, не смей ходить к Ерофееву. Какой благодетель нашелся! Хочет, чтобы вы за кулечек муки сына продали.

Глава 37

КЛУБ

Опасаясь, что Мария Ивановна все же пошлет Жердяя к Ерофееву за мукой, Миша увел его с собой в клуб.

Зина Круглова объясняла деревенским ребятам законы и обычаи юных пионеров.

- «Пионер смел, честен и правдив»,- говорила Зина.- Что это значит? Это значит, что пионер ничего и никого не боится, никогда не врет, всегда говорит только правду. Понятно?

Ребята молчали.

- Я спрашиваю: понятно или нет?

- А как же отца-мать, тоже не бояться? - спросил Муха.

- Конечно.

- Выпорют! - сказал Муха.

- Если вы перед родителями ни в чем не провинились, то чего вам их бояться?

- Разбираться не станут,- сказал Муха,- выпорют, и все. Поди потом доказывай!

- Родителей надо не бояться, а уважать,- объяснил Славка.

- А как же, например, грозу,- спросил Жердяй;- или молнию? Ее тоже не бояться?

А если убьет?

- Трусость и осторожность - разные вещи,- объяснила Зина.- Человек должен опасаться молнии, должен ее беречься, для этого и делаются громоотводы. А бояться не надо. Оттого что будешь бояться, все равно от молнии не спасешься.

- Разве громоотвод поможет от молнии? - улыбнулся Жердяй.- Гроза - это что? Это пророк Илья ездит по небу в колеснице и гоняет бесов. А бесы прячутся. И в деревья, и в зверей разных, и в людей даже прячутся. Вот Илья-пророк и бьет по ним молнией. Спрятался бес в дерево - молния по дереву лупит. Спрятался в человека - молния в человека бьет. А чтобы бес в тебя не вселился, молиться надо. Будешь в грозу молиться, бес в тебя не вселится и ты жив останешься. Больше ничем не спасешься.

Так каждый раз! О чем бы ни говорили, они всегда переходили на бога.

- Сейчас беседа не о боге, а о законах и обычаях юных пионеров,- сказал Миша.- О боге поговорим в другой раз. А пока вам надо понять законы и обычаи. Иначе как же вы сможете вступить в пионеры?

В клуб вошли Сенька Ерофеев и Акимка. Услышав последние Мишины слова, Сенька сказал:

- Кто в пионеры поступает? - Он повернулся к ребятишкам и грозно повторил: - Кто? Покажись!

Никто не показался. Все боялись Сеньки. Только Жердяй не боялся ни Сеньки, ни Акимки и сказал:

- А хотя бы я собираюсь. Тебе какое дело!

- Попробуй! - угрожающе проговорил Сенька.

- И попробуем. У тебя не спросили! - сказал осмелевший Муха.

Миша молчал. Он хотел, чтобы ребята сами дали отпор Сеньке. Пусть почувствуют свою силу, пусть поймут, что им нечего бояться ни Сеньки, ни Акимки.

Сенька погрозил Жердяю и Мухе кулаком:

- Поговорите!

Но уж такой угрозы ребята допустить не могли. Генка подошел к Сеньке:

- Ты чего кулаками размахался? А ну катись отсюда!

- Но, но, поосторожней! - нагло и трусливо ответил Сенька.- «Катись»!.. Подумаешь, какой хозяин нашелся! Ваш, что ли, это клуб, собственный? Вот как наверну! - и поднял кулак.

- Наверни, наверни! - сказал Генка, наступая на Сеньку - Наверни, попробуй! - Он вошел в азарт и лез в драку. Наконец-то он рассчитается за яйцо, разбитое на голове!

Миша встал между ними:

- Уходи, Ерофеев! И имей в виду: никто тебя не боится. Нас много, а ты один. И со всеми ты не справишься.

Сенька обвел всех злобным взглядом, повернулся и пошел к выходу, сопровождаемый смехом и улюлюканьем ребят. Поражение всесильного Ерофеева было для них неожиданным и приятным событием.

В дверях Сенька оглянулся и опять погрозил всем кулаком. Раздался новый взрыв хохота. Тогда, в бессильной ярости, Сенька опустил кулак прямо на шею Акимке.

- А меня за что? - жалобно спросил Акимка.

Глава 38

БОРЬБА РАЗГОРАЕТСЯ

На следующий день кто-то сломал четыре яблони в бывшем помещичьем саду. Явился председатель сельсовета с двумя крестьянами, пригласил Мишу в сад, показал ему сломанные яблони, мрачно спросил:

- Твоих ребят работа?

- Нет,- твердо ответил Миша, - никто из ребят не мог этого сделать.

- Кто же их сломал?

- Не знаю.

- Кроме ваших ребят, никому,- сказал председатель.- Разве вы видали кого постороннего?

Никого постороннего Миша не видел.

- То-то и оно, - сказал председатель.- Не было здесь посторонних, и не могло быть. Значит, ваши ребята и сломали.

- Нет! - закричал Миша.- Не станут они ломать деревья.

Председатель покачал головой:

- Ведь вот сломали...

А через несколько дней председатель вызвал Мишу в сельсовет и вручил ему бумагу из губоно. Отряду предлагалось немедленно покинуть усадьбу «ввиду систематической порчи таковой». Бумага была подписана Серовым.

Серов... Кто это такой? Знакомая фамилия... Ах да, это им подписана охранная грамота на усадьбу.

Итак, их выгоняют. Какой позор!

Разве они могут уйти отсюда? Уйти - значит признать свою вину. Какая память останется о них в деревне? И как все бросить: отряд, который вот-вот уже организуется, ликбез, клуб - они уже успели привести его в порядок, закрасив мазню Кондратия Степановича. Нет, они не сдадутся! Они ни в чем не виноваты и докажут свою правоту.

Было решено, что Миша и Славка поедут в город и будут там добиваться отмены распоряжения Серова.

Глава 39

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Товарно-пассажирский поезд тащился медленно, останавливаясь на каждом полустанке. За окном вагона знакомая картина: железнодорожные будки, телеграфные столбы, стаи воробьев на проводах, закрытые шлагбаумы и вереница подвод за ними, баба-стрелочница со свернутым желтым флажком в руке, деревня на косогоре, пруд за насыпью и утки на пруду, на платформе - бородатый мужчина с маленьким блестящим бидончиком в руках, рабочие с ломом и лопатами, старуха, бредущая по тропинке с цветастым узелком, дачники на велосипедах.

Впрочем, наслаждаться пейзажем Миша и Славка особенно не могли: они увидели графиню.

Притиснутая в угол скамьи, она клевала носом у открытого окна, и черная паровозная пыль садилась ей на лицо.

Мальчики не придали бы особого значения встрече с ней, но в другом вагоне они заметили лодочника.

Зачем же они едут оба? И в разных вагонах?

Поезд прибыл в город. Пассажиры заполнили мокрую платформу. Видно, только что прошел дождь. Капли его блестели на урнах, на переплетах вокзальных ферм.

- Я буду следить за лодочником, а ты за графией, - прошептал Миша.- Только смотри не прозевай.

Не спуская глаз с графини и лодочника, мальчики медленно двигались в толпе. Графиня и лодочник шли отдельно: она впереди, он на некотором расстоянии сзади.

Вот и привокзальная площадь... Извозчики на высоких, неуклюжих пролетках, зазывающие седоков; когда пролетка трогается по булыжной мостовой, ее черный откидной, похожий на гармошку верх прыгает и трясется... Разносчики «фруктовой» с большими бутылками, в которых плещется водопроводная вода, подкрашенная дешевым сиропом. Лоточники с лотками на груди. Беспризорники, сидящие в тени вокзала в ленивых позах и зорко поглядывающие на вещи пассажиров.

Графиня исчезла, но лодочника мальчики не упустили. Он пошел по улице, мальчики - на некотором расстоянии за ним. И когда они шли за ним, то снова увидели шедшую впереди графиню.

Самое странное заключалось в том, что лодочник следил за графией. Он ловко скрывался за прохожими. Когда графиня задержалась на углу, пропуская длинный обоз, лодочник тоже остановился, даже спрятался за крыльцом дома и сделал вид, будто скручивает папиросу. Мальчики едва успели укрыться за газетным киоском.

Так шли они некоторое время - лодочник за графией, мальчики за лодочником,- пока все не пришли на улицу, где помещался краеведческий музей.

Это была тихая, пустынная улица. Спрятавшись за углом, мальчики видели, как графиня вошла в музей, как, притаившись за выступом стены, следил за ней лодочник. Потом лодочник перешел улицу и улегся на траве на небольшой лужайке в тени дерева.

Мальчики некоторое время постояли за своим укрытием. Затем решили, что Миша пойдет к Серову, а Славка останется здесь и постарается узнать, зачем графиня пошла в музей и почему лодочник за ней следит.

Глава 40

У СЕРОВА

Серов был одет в обычный костюм губернского сотрудника: галифе, сапоги, защитный френч с накладными карманами. Сидел он за большим письменным столом с круглыми резными ножками.

При взгляде на Серова Мише сразу вспомнился урок геометрии, на котором они рисовали куб и шар. Только там куб и шар стояли рядом, а здесь шар был водружен на куб; к короткому квадратному телу была привинчена большая, круглая, лысая голова. Шеи не было вовсе - ее заменяли несколько толстых складок между головой и туловищем.

Жирные губы, маленькие живые карие глазки и сытая улыбка придавала лицу Серова такое выражение, будто он только что встал из-за обильного стола, но тем не менее не прочь снова вернуться к нему. Его квадратное тело, утолщенное оттопыренными на жирной груди накладными карманами, покоилось в кресле

неподвижно, а голова вертелась во все стороны.

Выслушав Мишу, он сокрушенно покачал головой:

- Знаю, знаю... Про все ваши несчастья знаю... Кое-как дело потушил... Могло быть хуже.

Миша остолбенел:

- Какое дело?

- Тут против вас такое поднялось,- Серов крутнул головой, махнул рукой, - такое... Хотели в Москву писать. А я говорю: «Бывает! Бывает! Ребята молодые, неопытные, вот и не ладили с местным населением. Что же, казнить их? Перейдут на другое место, и дело с концом».

- Почему мы должны перейти на другое место?

Придав своему голосу мягкие, дружеские и убедительные интонации, Серов заговорил об усадьбе, об ее исторической ценности. Это гордость губернии, ее инвентарь хранится в местном музее, в разделе «Быт помещика»; это достояние народа, и его надо оберегать. .

- Долго ли перенести палатки? - убеждал Серов.- И какая разница, где они будут стоять?

- Палатки перенести нетрудно, - ответил Миша,- но почему мы должны уйти? Это несправедливо. Посмотрим, что еще скажет губком комсомола.

Серов на мгновение закрыл глаза. Опущенные веки, сильно припухшие, неестественно большие для таких маленьких глазок, на мгновение превратили его лицо в толстую, неподвижную маску.

И когда он открыл глаза, они уже не перебежали с предмета на предмет, а пристально и отчужденно смотрели на Мишу.

- Знаете, чем это для вас кончится?

Чем?

- Вас исключат из комсомола.

- За что меня исключат из комсомола? - поразился Миша.

- За все, что вы там натворили,- грубо сказал Серов.- Что за вожатый, у которого пионеры разбегаются и попадают в дела об убийстве. Вот какой клубок! Самое выгодное - вовремя уйти. Договорились?

В его голосе Миша услышал желание получить утвердительный ответ.

- Я комсомолец и от комсомола никуда не прячусь,- ответил Миша.

Глава 41

ПОБЕДА

Секретаря губкома комсомола Миша поймал на лестнице. Это был русский паренек в кожаной куртке, брюках клеш и серой кепке.

- Тебе чего? - спросил он на ходу у Миши.

Миша пошел с ним рядом и начал рассказывать о своем деле. Но секретаря все время останавливали, иногда он останавливался сам, окликал кого-нибудь и в конце концов объявил, что ничего не понял.

- Ничего я, брат, не понял. Сядем-ка здесь, и расскажи все по порядку.

Они уселись на подоконнике. Миша снова рассказал все по порядку.

На этот раз секретарь понял и сказал:

- С убийством этого крестьянина разберутся и без вас. Что касается усадьбы, то бывшие хозяева не хотят ее отдавать под детдом, а Серов воображает себя ценителем древностей и объективно помогает бывшим помещикам. У меня был директор московского детдома. Усадьбу они получают, что касается вашего отряда, то Серов слишком много берет на себя. Если ваши ребята в чем-нибудь виноваты, то будут отвечать не перед Серовым, а перед комсомолом. Оставайтесь на месте и никуда не переезжайте.

- А если Серов опять прикажет убираться? - спросил Миша.

- Пусть приказывает сколько угодно, - беззаботно ответил секретарь, - вы ему не подчиняетесь. Хватит ему голову тупить. В случае чего сошлись на меня. Понял? Ну и катись! Без тебя дел вагон.

«Боевой парень!» - подумал Миша, выйдя из губкома.

Точно гора свалилась с Мишиных плеч.

Все ясно, все понятно, все честно.

Отряд остается на месте и доведет до конца начатые дела.

Здорово он все провернул!

Глава 42

В МУЗЕЕ

Славка дожидался Мишу у музея.

- Все в порядке,- объявил Миша,- мы остаемся в усадьбе. Что у тебя? Видел графиню?

- Пойдем в музей, я тебе кое-что покажу,- ответил Славка.

Маленький вестибюль музея украшали бивни мамонта, свидетельствуя, что в отношении мамонтов эта губерния не отстала от других. Затем тянулась длинная анфилада комнат: животный мир, полезные ископаемые, растительное царство, кустарные промыслы, история края, быт помещика... В отделе «Быт помещика» и стояла обстановка из усадьбы Карагаево: мебель красного дерева, обитая темно-красным атласом, каминный экран, арфа с порванными струнами, два высоких зеркала, манекены в парадных одеждах с орденами, звездами и голубыми лентами, длинные курительные трубки, игральные карты, бильярдные шары и громадные старинные пистолеты...

В середине комнаты стояла на мраморной подставке, огороженной канатом, бронзовая птица. Такая же, как в усадьбе, только поменьше.

- Я как раз стоял в этой комнате,- начал свой рассказ Славка,- смотрю, идет графиня. Я спрятался вот за портьеру... Пыль страшная, того и гляди, чихнешь... Так вот, стою за портьерой и в щелочку все вижу. Старуха сначала сделала вид, будто рассматривает экспонаты, потом подошла к бронзовой птице, что она там делала, я не разглядел, она стояла ко мне спиной. И пробыла возле нее буквально минуту. Потом вышла обратно, повесила канат на место и удалилась.

- Ясно. В бронзовой птице - тайник,- сказал Миша.

Дожидаясь, пока уйдет сторож, мальчишки рассматривали экспонаты. Сторож дремал на своем табурете.

Наконец сторож встряхнулся окончательно, сонными глазами посмотрел по сторонам, поднялся и побрел по комнатам.

Славка стоял в коридоре, готовый предупредить Мишу о малейшей опасности. Миша прошел в глубь отделения, решительно снял канат... и вдруг Славка подал ему знак. Миша быстро повесил канат обратно и отвернулся к стене, делая вид, что рассматривает картинки, изображающие быт помещика XVIII столетия.

Подошли две студентки в очках, коротко подстриженные. Вскидывая глаза на развешанные на стенах экспонаты, они что-то записывали в записные книжки, не обращая на мальчиков никакого внимания. Пришлось ждать, пока они пройдут коридор и завернут за угол.

Наконец они исчезли. Миша снова взялся за канат, но появился сторож. Он шел, шаркая огромными рваными валенками, и меланхолически смахивал тряпкой пыль со всего, что попадалось ему на пути. А так как шел он по коридору, никуда не сворачивая, то на его пути мало что попадалось.

Мальчики опять сделали вид, что внимательно рассматривают экспонаты. Для конспирации Миша рассказывал Славке о крестьянской реформе 1861 года: весной он писал о ней домашнюю работу.

Наконец сторож прошаркал за угол.

Миша поднял канат, подошел к бронзовой птице и ощупал ее, отыскивая тайник. Никаких признаков тайника не было. Тогда он стал потихоньку трогать то голову птицы, то ее крылья, шею, лапы, пытаясь установить, что в ней отворачивается я или открывается. Но ничего не открывалось и не отворачивалось. Миша крутил, дергал, нажимал - ничего не получалось. Тогда он попробовал приподнять ее - может быть, тайник в подставке. Но птица оказалась наглухо приделанной к подставке.

Раздался звонок. Музей закрывался. Миша лихорадочно дергал птицу, но безрезультатно. Славка опять сделал предупреждающий знак. Миша едва успел выскочить за канат.

- Закрывается,- сказал сторож.

Мальчикам ничего не оставалось, как направиться к выходу

Охая и вздыхая, сторож закрыл за ними дверь.

Глава 43

СНОВА ЛОДОЧНИК

На улице уже темнело. Тяжелый выпал денек! Но зато сколько удач!

Правда, они опоздали на поезд. Вечерний уже ушел, придется дожидаться утреннего. Но это мелочь. Ведь лето. Миша предложил пойти в городской парк и переночевать там на скамейках.

- Мы не бродяги,- возразил Славка, - лучше переночевать на вокзале.

- Ладно, - согласился Миша.

Мальчики повернулись и... застыли на месте.

Перед ними стоял лодочник.

- Ба! - сказал лодочник, улыбаясь своей противной улыбкой.- Старые знакомые!

- Здравствуйте, - ответил Славка, вежливый даже по отношению к человеку, которого сам выбросил из лодки.

Миша исподлобья поглядывал на лодочника.

Гуляли? - продолжая улыбаться, спросил лодочник.

- А вам какое дело! - огрызнулся Миша.

Лодочник неодобрительно качнул головой:

- Зачем так грубо! Вижу - земляки. Как не подойти. Или вы обижаетесь на меня?

- Ни на что мы не обижаемся, - проворчал Миша.

- А я думал, обижаетесь. И напрасно. Не вам надо обижаться, а мне. В реке искупали, а вот видите, не обижаюсь.- И он засмеялся одним ртом, в то время как глаза его продолжали настороженно смотреть на мальчиков. - В лагерь?

- Да.

- Прекрасно! - сказал лодочник.

И вместе с Мишей и Славкой зашагал к вокзалу.

Мальчики не знали, как от него избавиться. Но, кроме вокзала, им некуда было идти.

Тускло освещенный вокзал был пуст, только несколько пассажиров дремали на деревянных скамейках с высокими спинками, придерживая руками узлы, мешки, чемоданы, сумки.

- Поезда, оказывается, нет,- сказал лодочник.

- Значит, нет,- невозмутимо ответил Миша, усаживаясь на скамейку.

Рядом с ним сел Славка.

- Что-то надо придумать,- с деланной озабоченностью проговорил лодочник. - Здесь поблизости живут мои знакомые. Пойдемте. Они пустят нас переночевать.

- Нам и здесь хорошо, - решительно ответил Миша.

Лодочник убеждал их пойти с ним, то суля сытный ужин и мягкую постель, то угрожая тем, что все равно в двенадцать часов вокзал закроют и им придется ночевать на улице. Но мальчики отказались наотрез. Лодочник без них тоже не уходил.

Часы пробили девять, потом десять, одиннадцать. Привалившись к жестким деревянным спинкам сидений, мальчики дремали.

Изредка грохотали на путях скорые поезда и товарные составы. За большими окнами на платформе мелькали красные и зеленые огоньки, качались белые огни ручных фонарей. Слышались резкие свистки кондукторов, им отвечали протяжные гудки паровозов.

В двенадцать часов служитель в черном неуклюжем пальто обошел зал, встряхивая за плечо каждого дремлющего пассажира и предлагая очистить зал. Но никто не поднялся с места. А милиционер отвернулся, делая вид, что это его не касается.

Так прошло несколько томительных часов. Сквозь дремоту мальчики чувствовали на себе неусыпный взгляд лодочника. Он то сидел, то прохаживался по залу, выходил на площадь, на платформу, возвращался, но мальчики понимали, что он ни на минуту не выпускает их из виду.

Часы еще не показывали четырех, а уже за окном начало быстро светлеть. Сразу стали видны люди на платформе, смазчики, весовщики...

Вокзал заполнялся пассажирами.

Рабочий поезд, которым мальчики могли доехать до своей станции, отходил в шесть часов. Впрочем, они не собирались уезжать: охота им ехать вместе с лодочником! Через час будет еще поезд, они и уедут.

Часовая стрелка приближалась к шести. Лодочник становился все беспокойнее. Скрытый высокой спинкой сидений, он следил за входной дверью, иногда вставал и через окно смотрел на привокзальную площадь.

- Графиню дожидается, - тихо сказал Славка.

- Точно,- подтвердил Миша.

Появилась графиня. Она пересекла зал и вышла на платформу. Лодочник незаметно последовал за ней. Наверное, чтобы увидеть, в какой вагон она сядет. Вскоре лодочник вернулся:

- Поехали, ребята! Есть у вас обратные билеты?

- Мы не едем. У нас дела,- сказал Славка.

Лодочник нахмурился, исподлобья посмотрел на ребят.

- Как это не едете?.. Почему?

- Не едем, и все,- сказал Миша.- Вам нужно - и поезжайте!

Раздался второй звонок.

- Дело ваше!

Лодочник повернулся и пошел на перрон.

Глава 44

ПОЛЕЗНЫЙ БОЛЬНОЙ

У Севы болела голова, ему было трудно глотать и даже дышать. Термометр показывал тридцать девять и девять десятых градуса.

Бяшка, известный знаток медицины (его бабушка служила в амбулатории няней), велел Севе открыть рот, посмотрел и объявил, что у Севы ангина.

- Краснота, и все распухло,- сказал Бяшка. - У тебя гланды вырезали?

Сева отрицательно качал головой.

- В медицине существуют два направления,- сказал Бяшка,- одно - за удаление миндалин, другое - за прижигание. Я сторонник первого.

Севу укрыли несколькими одеялами, дали горячего чая с добавочной конфетой и послали доктору записку с просьбой приехать в лагерь.

Доктор приехал на маленьких открытых дрожках. В них была запряжена огромная лошадь, настоящий ломовой битюг Доктор, высокий, толстый, с взлохмаченной бородой и в пенсне с перекинутой за ухо черной ниткой, выглядел на дрожках очень смешно. Казалось, что он двигается вслед за битюгом, только держась за вожжи и зажав между ног крохотные дрожки.

Доктор сказал, что у Севы ангина (Бяшка обвел всех гордым взглядом). Он должен принимать лекарства, и его необходимо перевести из палатки в дом.

- В какой же дом его положить? - недоумевал Миша.- Его дом в Москве.

- Неужели никто из крестьян не согласится подержать его у себя несколько дней? - сказал доктор.- Впрочем... Почему бы не положить его в барском доме? До сих пор он, кажется, пустует.

- Разве она позволит? - возразил Миша.

- Кто «она»?

- Ну, хозяйка, экономка...

- Гм! - Доктор нахмурился.- Идем со мной...

Когда они шли по аллее, Миша взглянул на окно мезонина. Ставни за бронзовой птицей были открыты. Значит, графиня дома. Но сам дом, как всегда, казался необитаемым.

По тому, как доктор уверенно шел по аллее и решительно поднялся по ступенькам веранды, было видно, что он хорошо знает и дом и усадьбу. Миша был убежден, что из этой затеи ничего не выйдет. Старуха предъявит охранную грамоту, и дело с концом!

Но встреча с графиней заинтересовала Мишу. Ему казалось невероятным, что сейчас они откроют дверь таинственного дома и войдут в него.

Но дверь открылась сама, и на веранде появилась старуха.

Она поджидала их в своей обычной позе, закрыв глаза, высоко подняв голову, отчего ее длинный крючковатый нос казался еще длиннее.

Потом она открыла глаза. Миша знал, что она сейчас с про сит: «Что вам угодно?»

Графиня действительно открыла рот и проговорила: «Что...» Но в это мгновение она посмотрела на доктора и сразу, смешавшись, замолчала.

- Софья Павловна,- сказал доктор,- заболел мальчик. Лежать ему в палатке нельзя. Прошу приютить его дня на три- четыре.

- Кто за ним будет ухаживать? - спросила старуха.

Миша удивился тому, что она произносит самые обыкновенные слова и что ее зовут просто Софья Павловна.

- Кто-нибудь из них.- Доктор кивнул на Мишу. - Я тоже буду навещать.

Старуха помолчала, потом опять закрыла глаза.

- Вы считаете возможным являться в этот дом?

- Я исполняю свой долг,- спокойно ответил доктор.

- Хорошо,- после некоторого молчания проговорила старуха.- Когда привезут мальчика?

- Сейчас привезут.

- В людской ему будет приготовлено место. Но **прошу** никуда, кроме людской, не ходить.

- Ваше право,- ответил доктор.

Старуха повернулась и исчезла в доме.

Глава 45

ЛЮДСКАЯ

Сеу на носилках принесли к помещицкому дому. Дверь в людскую была открыта. Это означало разрешение войти.

Ребята вошли.

Людская представляла собой большое низкое помещение. Если подтянуться на носках, то рукой можно достать до потолка/ срубленного из старых, почерневших от времени бревен, ровно стесанных, со множеством продольных трещин. Из таких же бревен, проложенных в пазах паклей, были выложены стены.

Все здесь старое, черное, прокопченное. Стол, длинный, узкий, опирающийся на расшатанные козлы, тянулся вдоль всей стены. Его крышка, сбита из узких толстых досок, рассохлась. За столом виднелась прикрепленная к стене узкая лавка. Больше ничего в людской не было, если не считать подвешенной к потолку длинной, от стены к стене, палки.

Низкая, широкая дверь с облупившейся краской соединяла людскую с домом. Когда Миша тронул ее, то оказалось, что она забита гвоздями, которые едва держались в своих гнездах. Если нажать посильнее, то они вылетят.

Ребята деятельно принялись за устройство «госпиталя», как перекрестил людскую Бяшка: выгребли мусор, помыли окна, набросили на лавку еловых веток и уложили там Сеу.

Чтобы не было столкновений со старухой, Миша запретил ребятам ходить по усадьбе и вообще запретил приходить к Севе кому бы то ни было, кроме дежурных. Но сам он заглядывал сюда часто. Должен же он знать состояние Севы... И его интересовал дом. Он подходил к двери и прислушивался. Мертвая тишина стояла за ней.

Иногда Мише казалось, что за дверью тоже кто-то стоит и прислушивается, что делается в людской. Почему ему так казалось, он и сам не знал. Уж слишком напряженной была тишина, слишком таинствен был дом. Когда Миша тронул дверь, пробуя, крепко ли держится она, ему почудилось, что за дверью кто-то следит за ним. Он оставил дверь в покое.

На следующий день старуха уехала в город. Опять будет жаловаться Серову, И конечно, Серов снова попытается их отсюда выжить. А Мише очень не хотелось выселяться: находясь в доме, можно кое-что узнать. Конечно, хорошо, если Сева выздоровеет, но если он выздоровеет, то ребят отсюда выгонят. И когда Миша спрашивал у Севы, как тот себя чувствует, то хотел услышать в ответ что-нибудь успокаивающее по части здоровья и в то же время обнадеживающее в том смысле, что Сева здесь еще полежит.

Но утром Сева сказал, что чувствует себя лучше, а к вечеру объявил, что ему надоело лежать и завтра он встанет.

- Только попробуй! - пригрозил ему Миша. - Ты встанешь, когда разрешит врач. После ангины надо вылежать, иначе может быть осложнение.

С тревогой смотрел Миша на градусник. Как быстро падает температура! Вчера было 39,9, а сегодня утром 36,7. Хорошо, хоть к вечеру опять поднялась до 37,2.

- Видишь,- сказал он Севе,- Это самое опасно^, когда нестойкая температура. Правда, Бяшка?

Бяшка подтвердил, что нестойкая температура самая опасная, главное - вылежать. Лежать и лежать.

Но рано или поздно Сева выздоровеет. И тогда придется убраться из людской. Что же делать?

Но пока Миша думал, что ему предпринять, вернулась из города старуха. Вернулась она в отсутствие Миши, прошла в людскую, стала в дверях и спросила:

- Скоро выздоровеет ваш больной?

У Севы дежурили сестры Некрасовы. Они испугались и поторопились задобрить старуху:

- Ему уже лучше. Он завтра встанет.

Графиня повернулась и ушла.

- Как вы могли это сказать? - негодовал Миша.- Откуда вы знаете, что Сева завтра встанет? А вдруг он не выздоровеет?

- Мы растерялись,- оправдывались сестры Некрасовы,- мы боялись, что она скажет: убирайтесь отсюда вон...

- Я завтра уезжаю в город, - сказал Миша,- и, пока я не вернусь, Сева должен лежать в доме. Даже если врач скажет, что он здоров.

Глава 46

НОЧЬ В МУЗЕЕ

Миша уезжал в город, чтобы вновь попытаться открыть бронзовую птицу. Днем

это невозможно - то сторож ходит, то студентки,- а ночью никто не помешает. Они с Генкой спрячутся за портьеру, дождутся, когда закроется музей, и тогда спокойно займутся своим делом.

Все шло как нельзя лучше. Музей был пуст.

Мальчики дождались, когда сторож ушел на другую сторону музея, и спрятались за портьеру. И только теперь Миша понял, как трудно было здесь Славке: пыли столько, что невозможно дышать. Миша боялся, что Генка чихнет. Но Генка не чихал.

Послышались шаркающие шаги сторожа.

Мальчики затаили дыхание. Перед портьерой шаги сторожа вдруг стихли. Мальчики стояли ни живы ни мертвы...

Старик закашлялся. Что он делал в комнате, мальчики не видели. Потом снова раздались его шаркающие шаги. Все глуше и глуше... Послышалось звяканье у входной двери - сторож наложил большой металлический крюк. Потом раздался глухой удар - это деревянный засов, и, наконец, скрежет замка - дверь закрыта!

Мальчики сняли ботинки, босиком подошли к двери и тихонько потрогали ее - дверь была заперта.

Ребята обошли музей. Редкий предвечерний свет едва пробивался сквозь складки занавесок. Таинственно темнели картины на стенах, блестели на столах стеклянные ящики футляров. Причудливо застыли чучела зверей и птиц.

Мальчики вернулись в отдел быта помещика. Генка остался в коридоре, готовый в случае опасности предупредить Мишу.

Миша снял канат. Спокойно, не торопясь он исследовал бронзовую птицу, тщательно, сантиметр за сантиметром, ощупал ее, ища какую-нибудь скважину или дырочку: может быть, она открывается ключом? Но ни одного отверстия не нашел. Тогда он попробовал вращать голову, хохолок на голове, одно крыло, за ним другое крыло, лапу, потом другую лапу. Он пытался повернуть каждый коготь на ее лапах, каждое перо на крыльях.

Ничего не вращалось, не открывалось, не двигалось.

Волнение охватило Мишу. Неужели они ничего не узнают? Неужели напрасно остались здесь на всю ночь, прятались, рисковали? Главное - не волноваться. Спокойно. Надо взять себя в руки. Снова начать все сначала. Ведь открывается же она как-нибудь!

- Ну что? - тихо спросил Генка, подходя к Мише.

- Стой на своем месте и не разговаривай!

Генка вернулся на свой пост. Миша снова принялся за исследование. А может быть, никакого тайника в птице нет? Нет, не мог Славка ошибаться. Славка зря не скажет.

Размышляя таким образом, Миша продолжал исследовать птицу. Он старался собрать все свое хладнокровие. Главное, не волноваться, не суетиться, исследовать ее сантиметр за сантиметром.

Миша возился долго. Генка уже несколько раз подходил и просил дать попробовать ему.

- Вот увидишь, Миша,- шептал он, - я враз найду.

В конце концов Миша уступил, только предупредил.

- Смотри, осторожно: ломаешь, тогда все пропало.

- Не беспокойся,- проворчал в ответ Генка.

Хотя Генка сопел изо всех сил, тяжело дышал и поминутно бормотал: «Ага, вот, вот, есть, нащупал» - он тоже ничего не нашел.

Опять взялся Миша - и опять безрезультатно. Первая полоска рассвета легла на пол. Миша посмотрел на свои огромные часы - пять часов утра. А музей открывается в девять.

Они снова начали лихорадочно искать. Теперь они взялись за подставку, небольшую круглую колонну из цветного камня. К ее вершине наглухо была прикреплена птица. Но колонна была совершенно гладкой. Они осторожно наклонили ее. И под колонной ничего не было.

Возможно, Славка ошибся и дело вовсе не в птице? Мальчики осмотрели стол, кресла, все предметы, которые были в комнате. Только шкафы они не могли исследовать - шкафы были заперты.

Поиски не дали никаких результатов.

Половина девятого. В девять откроют музей. Сторож может прийти каждую минуту. Даже странно, почему он не приходит. Ведь надо убрать помещение.

Мальчики проверили, не осталось ли каких-нибудь следов их поисков, и снова спрятались за портьеру, ожидая прихода сторожа.

Глава 47

ВТОРАЯ НОЧЬ В МУЗЕЕ

Они стояли в своем укрытии. Все тихо. Миша снова посмотрел на часы. Ровно девять. Что это значит?

Миша поминутно смотрел на часы. Стрелка хотя и медленно, но неуклонно двигалась вперед. Вот уже четверть десятого. Вот уже половина десятого. В чем же дело? Ведь на табличке у входа в музей ясно написано:

«Музей открыт с 9-ти до 7-ми. Перерыв на обед с 2-х до 3-х. Ежедневно, кроме...»

И вдруг Миша оторопело посмотрел на Генку:

- Генка, какой сегодня день?

- Как какой? Понедельник.

- Это вчера, когда мы приехали сюда, был понедельник.

- Правда. Значит, сегодня вторник.

- Вторник,- повторил Миша.- Но ведь во вторник музей закрыт.

- Почему?

- На табличке написано: «Закрыт по вторникам».

- Вот так штука! - протянул Генка.- Вляпались!

- Черт возьми, как же я этого не учел! - сокрушался Миша. -Ведь я знал, что во вторник музей закрыт. Но мы поехали в понедельник, и у меня вылетело из головы, что мы здесь останемся до вторника. Как я не сообразил? Вот дурак!

Они вышли из своего укрытия и направились к двери. Она была заперта. Мальчики прислушались. С улицы доносились оживленные крики, смех. Видно, там играли ребяташки.

Мальчики вернулись в комнаты. Оставалась единственная возможность - окна. Но окна выходили на улицу, и между рамами была укреплена металлическая сетка.

Потянулись томительные часы. Тревожная, бессонная ночь и голод измучили ребят. Миша еще кое-как держался, а Генка, присев на пол, дремал, уткнув голову в

колени.

Тогда Миша решил, что они будут спать по очереди. Сначала Генка, потом он. Генка тут же завалился на диван и уснул.

Миша ходил по музею. Гнетущая тишина, спертый воздух одурманивали его. Но он мужественно боролся со сном. Он ходил не переставая, боясь присесть хотя бы на секунду. Немного его развлек отдел фауны. Чучела зверей, птиц, под которыми рядом с русскими названиями стояли мудреные латинские. Насекомые и букашки за стеклом. Мышь полевая, мышь домашняя. И зачем? Мышь полевая еще туда-сюда, но мышь домашняя... Кто ее не видел?

Прошло два часа. Мише хотелось спать. Но он не будил Генку. Если Генка не выспится, то обязательно заснет на дежурстве.

И еще добрых два часа Миша ходил как в тумане.

Наконец он разбудил Генку. Тот долго потягивался, никак не мог сообразить, где он и что с ним.

- Через два часа разбуди меня, - сказал ему Миша, - а главное, не засыпай. Если уж очень захочешь спать, то лучше разбуди меня. Понял?

- Ни о чем не беспокойся, - зевая и потягиваясь, ответил Генка.

Миша лег на диван и тут же заснул.

...Он проснулся сам. Было уже темно. Миша посмотрел на свой «будильник»... Что такое?! Он проспал восемь часов! Миша прошел по коридору, затем по другому, обошел все комнаты. Генки не было.

Куда он делся? Может быть, он завалился куда-нибудь и спит?

Миша обшарил все углы - Генки нигде не было.

Вдруг он услышал храп.

Миша прислушался.

Храп доносился из комнаты, где помещался отдел «Религия - опиум для народа».

Миша похолодел: храп доносился из гроба, который стоял посреди комнаты. На нем было написано, что это рака. В ней якобы хранились чьи-то нетленные мощи, но каждый может убедиться, что никаких мощей в раке нет.

Дрожа от страха, Миша подошел к раке и приподнял крышку.

Так и есть! В раке, подложив ладонь под голову, спал Генка. Миша так его толкнул, что чуть не свалил всю раку.

- Что такого? - оправдывался Генка, вылезая из раки.- Все равно никто сюда сегодня не придет. Зато мы оба отлично выспались.

Выспавшись, они почувствовали себя немного лучше. Если бы не мучительный голод, было бы совсем хорошо.

И снова потянулись часы...

Опять захотелось спать. Ребята то ходили, то дремали, то ходил один Миша, а дремал Генка... В конце концов заснули оба...

Глава 48

НЕЗНАКОМЕЦ

Проснувшись утром, Миша первым делом посмотрел на часы. Восемь часов. Он тут же разбудил Генку, и хорошо сделал: не прошло и нескольких минут, как звякнул замок задней двери.

В музей вошел сторож.

Мальчики спрятались за портьеру. Они слышали шуршание веника и звяканье совка - сторож подметал пол. Задняя дверь была открыта, оттуда тянуло утренним свежим холодком, явственно слышались голоса детей. Несколько раз сторож выходил, вынося мусор.

Мальчики едва держались на ногах. Сказались эти две ужасные ночи. Дышать было нечем. Сторож, лентяй, даже форточек не открыл! И время двигалось поразительно медленно.

Когда сторож подметал возле них, мальчики не дышали. Они боялись, что сторож откинет портьеру, ведь здесь столько мусора. Но сторож, видно, решил, что если за портьерой не подметалось год, то какой смысл делать это сейчас? Он даже прошелся веником по Мишиным ногам. Сейчас-то он обязательно откинет портьеру... Но нет! Шаркающие шаги старика удалились. Удалились звуки метлы и совка.

Девять часов! Сейчас сторож откроет музей. Миша лихорадочно отсчитывал минуты: как только старик откроет дверь и пройдет обратно, сразу же надо выйти на улицу.

Звякнул упавший крюк, стукнул откинутый деревянный засов, заскрипел ключ в замке, яркая полоса солнечного света упала на пол в конце коридора. Итак, дверь открыта. Приготовились! Сейчас старик пойдет обратно.

Вот слышались его шаги. Но что это? Он не один, он с кем-то разговаривает.

Миша взглянул в щелку. Впереди шел сторож, за ним высокий человек в зеленом костюме. Он чуть прихрамывал, будто волочил ногу. Шли они по направлению к отделу быта помещика. Туда, где за портьерой прятались Миша и Генка.

Сторож и человек в зеленом остановились против портьеры.

- Рисовать будете? - спросил сторож.

- Немного,- ответил человек в зеленом костюме, вынимая из кармана блокнот и карандаш.

- Прикажете стульчик?

- Спасибо. Не беспокойся. Иди по своим делам.

Сторож прошаркал дальше.

Незнакомец быстро водил карандашом по раскрытому блокноту. Мужчина лет тридцати пяти - сорока, гладко выбритый, с туго приглаженными рыжеватыми блестящими волосами, подтянутый, в зеленом костюме и белом крахмальном воротнике.

Шаги старика стихли.

И тут случилось неожиданное...

Незнакомец положил блокнот в карман, снял канат, подошел к птице, поднял ее голову, вложил туда маленькую записку, закрыл, повесил канат, вернулся на прежнее место и снова начал рисовать. Он проделал это очень быстро, но Миша заметил, что незнакомец поднял голову птицы левой рукой, двумя же пальцами правой нажимал в это время ей на глаза. Вот почему она открылась!

Потом незнакомец положил блокнот в карман и пошел за стариком.

Послышались их приближающиеся голоса. Мимо мальчиков они прошли к выходу.

- Всего хорошего, - сказал незнакомец, пожимая сторожу руку и, видимо, что-то кладя в нее.

Старик изогнулся в подобострастном поклоне и, продолжая низко кланяться,

проговорил:

- Благодарю, благодарю... И вам счастливого...

Старик опять прошаркал по коридору. Как только он зашел за угол, мальчики вышли из своего убежища, тихо прошли к входной двери, потом, делая вид, что только вошли, стукнули ею и, громко разговаривая, направились обратно к комнате.

Появился сторож, подозрительно посмотрел на мальчиков:

- Опять пришли?

- В субботу не успели всё закончить,- ответил Миша.

- В этот зал только и ходят, только и ходят,- покачал головой старик.

- Теперь все изучают помещичий быт, - объяснил Миша,- вот и ходят сюда.

- И помещиков-то давно нет, а всё интересуются. Видно, жизнь-то ихняя повантажнее была,- сказал старик и поплелся дальше.

- Старорежимный старикашка,- прошептал ему вслед Генка.

Сторож скрылся за поворотом.

Миша приподнял канат, подошел к птице и, подражая незнакомцу, левой рукой взялся за голову птицы, а двумя пальцами правой руки нажал ей на глаза... Голова птицы открылась.

В углублении лежала записка. Миша схватил ее и прочитал:

«Будущая среда дневным».

Миша положил записку обратно, опустил голову птицы, повесил канат.

Мальчики вышли из музея и быстро зашагали к вокзалу.

Часть пятая

ТАЙНА БРОНЗОВОЙ ПТИЦЫ

Глава 49

КИТ ОБЪЕЛСЯ

«Среда дневным»... Понять нетрудно, кто-то приедет в среду дневным поездом. И предназначается записка графине. Тайник в музее служит для переписки между ней и человеком в зеленом костюме.

Среда... И Кузьмина убили в среду.

Но если есть тайник в маленькой птице, то почему не быть ему и в большой, той что стоит в усадьбе? Надо проверить. Но как? Конечно, теперь, когда ребята проникли в людскую, их шансы подобраться к бронзовой птице увеличились. Но... Но Сева катастрофически быстро выздоравливал.

Миша заставлял его держать термометр по полчаса. Но столбик ртути никак не поднимался выше 36,6. Потом приехал врач и объявил, что Сева здоров и завтра может встать и выйти на улицу. Значит, надо покидать людскую. Что же делать?

Эх, если бы кто-нибудь заболел! Миша ходил по лагерю, с надеждой заглядывал каждому в лицо и спрашивал, как кто себя чувствует. Но все чувствовали себя прекрасно. Никто ни на что не жаловался. Тогда Миша сказал Бяшке:

- Мы спохватываемся, когда кто-нибудь заболевает. А по правилам медицины надо

предупреждать заболевание.

Бяшка обиделся:

- Я все время говорю о профилактике, а меня никто не слушает! И ты первый.

- Хорошо, хорошо,- не стал с ним спорить Миша.- Осмотри всех ребят и если найдешь кого-нибудь подозрительным, то сразу клади в госпиталь. А завтра мы вызовем врача. Осматривай как следует. Если ошибешься и уложишь в постель здорового, не беда. Лучше ошибиться в эту сторону, чем в другую.

Бяшка ревностно принялся за дело. Всем была измерена температура.

Эта процедура длилась долго, в лагере был всего один градусник. Пока первый пациент его держал, Бяшка другому осматривал горло. Он считал себя специалистом по горлу. Его бабушка служила няней именно в той больнице, где лечили ухо, горло и нос.

- Раздвинь-ка пошире пасть,- говорил Бяшка, заглядывая каждому в рот, а так как был мал ростом, то вставал на цыпочки.

Потом глубокомысленно объявлял:

- Мда... Краснота... Плохо дело...

В каждого он готов был вцепиться и тащить в госпиталь.

Но кому охота ложиться в госпиталь в такую жару! И настоящий больной не сознался бы в своей болезни.

В конце концов всем надоело. Надоел Бяшка, который своими бровями залезал в рот, надоел дурацкий термометр... И Миша видел, что эта затея ни к чему не приведет. Разве здорового человека уговоришь, что он больной? Миша махнул на все рукой. Ничего не поделаешь, придется завтра освободить людскую. Придется расстаться с такой прекрасной возможностью проникнуть в дом и осмотреть бронзовую птицу.

И все же спаситель явился. В образе Кита, осунувшегося и страждущего, стонущего и держащегося за живот. Кит объелся!

Радости Миши не было границ. Кит, конечно, выздоровеет, не в первый раз объедается. Полежит денек-другой и встанет как ни в чем не бывало. Миша не стал допытываться, чем объелся Кит. Важно, что он объелся. Завтра придет доктор, даст ему касторки или английской соли, а сейчас надо уложить его на место Севы, которого держали уже буквально силой.

Кита водворили в людскую. Сева со всех ног бросился бежать подальше от нее.

...Когда графиня узнала, что взамен одного больного в доме помещен другой, она ничего не сказала. Повернулась и ушла. Но вскоре приехал доктор. А ведь Миша его не вызывал.

- Что опять приключилось? - спросил доктор, слез с дрожек и привязал лошадь к дереву, хотя при одном взгляде на тяжелого, ленивого коня было ясно, что он и сам не сдвинется с места.

- Еще один парень у нас заболел,- сообщил Миша.

- Посмотрим,- хмуро проговорил доктор, направляясь к дому.

Осмотр Кита подтвердил, что он действительно болен. Доктор даже предположил, что у него дизентерия. Но Миша объяснил, что подобные расстройства желудка у Кита случаются приблизительно в две недели раз.

Доктор выписал лекарство и предупредил, что больному есть почти ничего нельзя, чем поверг Кита в крайнее уныние. Потом, еще больше нахмурившись, доктор вышел к графине, ожидавшей его возле веранды.

О чем они там говорили Миша не слышал. Через некоторое время доктор вернулся совсем мрачный и, уезжая, сказал:

- Мальчик пусть лежит, пока я не разрешу ему встать. Держите его на строгой диете. Он должен вылежать. А на всякие побочные обстоятельства не обращайтесь внимания.

Из этого Миша заключил, что графиня сама вызывала доктора и требовала, чтобы он удалил ребят из дома. Но ничего у нее не получилось.

На следующее утро графиня выехала в город. Ясно, чтобы пожаловаться на ребят и добиться изгнания их из усадьбы...

Ну что ж, пусть едет! Она думает, что Серов сильнее всех, но ошибается. А в ее отсутствие можно будет проникнуть в дом и осмотреть бронзовую птицу. Ничего предосудительного в этом нет. Ведь дом не ее собственность, а государственная. Она всего-навсего хранительница. Значит, это не жилье, а народное имущество.

Глава 50

В ТАИНСТВЕННОМ ДОМЕ

Дежурными возле Кита назначили Славку и Бяшку. Бяшка будет сидеть в людской, а Славка - на улице. Обоим было приказано при малейшей опасности подать сигнал двумя короткими и одним длинным свистком.

Низкая массивная дверь с облупившейся темно-коричневой краской едва держалась на ржавых гвоздях и ржавых петлях. Мальчики открыли ее и увидели коридор, заваленный всякой рухлядью.

Кит тоже захотел посмотреть, что за дверью, но ему дали рисового отвара, и он отстал.

Итак, коридор был завален всякой рухлядью: ящиками, корзинами, бочонками, сломанными креслами, покосившейся этажеркой, умывальником с треснутой мраморной доской и пустым черным овалом на том месте, где полагалось быть зеркалу.

Но Миша заметил, что середина коридора была очищена от старья и представляла собой узкую дорожку. Ее, конечно, проделала графиня, чтобы бесшумно подходить к двери и подслушивать, что делается в людской. Другой конец дорожки упирался в железные ступеньки винтовой лестницы.

Миша закрыл дверь. Коридор погрузился во мрак. Только чуть-чуть света проникало сверху сквозь узорные прорезы чугунных ступеней винтовой лестницы. И оттого что здесь, внизу, было темно, а наверху светло, казалось, что там есть люди, и страшно было туда подниматься.

Мертвая тишина стояла кругом. Не было слышно даже громкого чавканья Кита - видно, доел рисовый отвар.

Стараясь ничего не задеть в темноте, мальчики подошли к лестнице.

Первым начал подниматься Миша, за ним Генка. Как только они встали на чугунные ступеньки, лестница заходила и завизжала под их ногами. Если в доме есть кто-нибудь, то наверняка услышит.

Казалось, что лестница сейчас развалится: непонятно, на чем она держится - узкая, крутая, ступеньки маленькие, металлические, треугольные. Мальчики проклинали помещичий строй, обрекавший дворовых людей подыматься по таким вот спиральям. Приходилось вертеться волчком, плечо упиралось в стену, другое - в железный столб, а голова стучалась непонятно обо что.

Они поднялись на второй этаж и попали на галерею с широким, во всю наружную

стену, окном из разноцветных стекол, в большинстве поломанных.

На галерее были две высокие двери, когда-то белые, одна - в середине, другая - в конце.

Мальчики тихонько открыли первую. Их взору представился пустой зал, беспорядочно обставленный ветхой старинной мебелью.

Под потолком висела огромная люстра со множеством стекляшек. Высокие стрельчатые окна были местами забиты досками, местами завешены каким-то подобием гардин. Оттуда был виден парк, сад, река, а вот и флажок на мачте лагеря.

Этот маленький остроугольный красный флажок, изредка и лениво вздрагивающий под слабым ветерком, успокоил и даже развеселил ребят. Они уже не думали об опасности, -казалось, они играют в веселую, захватывающую игру.

Мальчики вернулись в галерею и открыли вторую дверь.

Две небольшие смежные комнаты. Первая была пуста, вторая заперта.

Мальчики посмотрели в замочную скважину - там стояли неубранная кровать, столик, шкаф, бюро с полукруглой крышкой и два больших мягких кресла. По-видимому, спальня графини.

Из той комнаты, где сейчас стояли ребята, шла вверх широкая лестница. Защитая со всех сторон досками, она имела вид огромной деревянной коробки. Мальчики оторвали две доски и через образовавшееся отверстие вскарабкались на лестницу: она привела их в мезонин - низкое квадратное помещение, тоже заваленное всякой рухлядью. И так же как внизу, среди этой рухляди была проложена узенькая дорожка к окнам. Их было три: два крайних - застекленные, а среднее - закрытое ставнями. Ставни запирались ржавым крючком. Мальчики откинули его, распахнули ставни.

В нише стояла бронзовая птица. Высота ее была приблизительно около метра, размах крыльев - метра полтора.

Как и в музее, Миша двумя пальцами правой руки сначала осторожно, а потом сильнее нажал ей на глаза. Есть! Голова птицы откинулась назад.

Миша засунул руку в тайник, нащупал там бумажку и вытащил.

Это был свернутый трубкой чертеж, нанесенный на кальку.

Мальчики развязали ленточку и развернули чертеж. На нем были какие-то линии и цифры...

Но разбираться сейчас в чертеже не было времени. Надо взять его с собой, перерисовать и до возвращения графини положить обратно.

Мальчики накиннули крючок на ставни, спустились во второй этаж, вставили на прежнее место доски и по винтовой лестнице добрались до людской.

Здесь они плотно закрыли дверь, стараясь загнать гвозди на их прежние места. Иначе графиня догадается, что дверь открывали.

Глава 51

ЧЕРТЕЖ

Кит давно съел свой рисовый отвар и лежал, сладко жмуря глаза и томно потягиваясь. Сквозь низкие оконца на пол падали узкие короткие солнечные лучи, в них роились тысячи пылинок.

- Пошли, Славка,- сказал Миша,- а ты, Бяшка, оставайся здесь. Сейчас мы придем тебе замену.

- Пришлите чего-нибудь пожрать,- простонал Кит.

- Хочешь ты выздороветь или нет? - рассердился Бяшка.- Неужели ты не можешь один день пробыть на диете!

- Не могу,- со вздохом признался Кит.

Оставив их препираться по этому поводу, Миша, Генка и Славка вышли из людской, обогнули лагерь, выбрались в поле и, укрывшись в маленькой рощице, уселись и стали рассматривать чертеж.

Это была калька размером в обыкновенный лист писчей канцелярской бумаги. По ее сторонам были обозначены стороны света: С, Ю, З, В - север, юг, запад, восток.

Над буквой «Ю» был нарисован фасад помещичьего дома. От него вверх, строго на север, подымалась прямая линия, она сворачивала сначала на северо-запад, потом на запад и затем снова подымалась на север. Там, где линия кончалась, были нарисованы четыре дерева.

Над каждым отрезком пути стояла цифра «1», а под каждым поворотом был обозначен его угол: 135 градусов, еще раз 135 градусов, и наконец, 90 градусов. Ничего больше на чертеже не было, если не считать рисунка бронзовой птицы в правом верхнем углу. Но птица обозначала всего лишь графский герб.

Мальчики молча разглядывали чертеж, потом переглянулись. Они не знали, верить или нет. Неужели тайна клада в их руках? Ведь по чертежу они, несомненно, его найдут!

Первым нарушил молчание Генка. Спокойно, как само собой разумеющееся, он сказал:

- Можем хоть сейчас отправляться за кладом.

- Только непонятно, в каких единицах обозначена длина отрезков. «Один», а что означает «один»? - заметил Славка.

Генка снисходительно улыбнулся:

- В верстах, раньше все обозначали в верстах.

- И в аршинах и в сажнях... - возразил Славка.

Миша предложил не спорить, а рассуждать логично.

- Будем рассуждать логично,- сказал он. - Значит, так: отсчет надо начинать от дома, по-видимому прямо с того места, где стоит бронзовая птица. Согласны?

Мальчики были согласны.

- Итак,- продолжал Миша,- от дома нужно идти строго на север одну версту.

- Или аршин, сажень, а может быть, метр или километр,- не уступал Славка.

- Возможно, хотя я на стороне Генки: обозначено, конечно, в верстах.

- Проходим строго на север одну версту и поворачиваем на северо-запад, под углом в сто тридцать пять градусов.

- Повернули... - подсказал Генка.

- Повернули и прошли еще одну версту...

- Здесь опять повернули,- подсказал Генка.

- Да, здесь повернули строго на запад под углом опять в сто тридцать пять градусов и прошли еще одну версту. И уже здесь...

- ...повернули в последний раз, - нетерпеливо проговорил Генка.

- Да, повернули в последний раз под углом в девяносто градусов и прошли строго на север еще одну версту и...

- ...подошли к четырем деревьям, - воскликнул Генка, вскакивая со своего места, - воткнули лопаточки в землю, подрыли и нашли все, что нужно!

Мальчики пришли в веселое и даже несколько буйное настроение.

- Подумать только, - хохотал Генка, - эти дурачки ищут, ищут, ро*рт, роют... Вспотели, бедняги, исхудали, а где надо рыть, не знают. А мы знаем.

Миша не прыгал и не бесновался, как Генка. Он лежал на спине и, самодовольно улыбаясь, говорил:

- Теперь все в наших руках. Конечно, неизвестно, что там такое. Но если так упорно все ищут, то, бесспорно, что-то очень ценное.

А Генка продолжал хохотать:

- Нет! А графиня-то, графиня! Бережет чертеж, хранит его, лелеет, все ждет, когда свергнут Советскую власть и вернется ее граф. А чертежик уже у нас.

При упоминании о графине некоторое смущение овладело Мишей. Если по чертежу так просто найти клад, то почему графиня этого не сделала? Ведь парни в лесу роют с ее ведома, ведь она посылала им какие-то мешки.

То же самое подумал и Славка.

- Странно, почему этот клад до сих пор не нашли? - сказал он. - Чертеж лежит самое меньшее шесть лет после революции, графиня о нем знает. Значит, знают и лодочник и парни. А ведь они копают в лесу.

- Она их водит за нос! - закричал Генка.- Неужели не понятно? Ведь мы сами видели, как лодочник следил за графией. Значит, он ей не доверяет. А почему? Потому, что она ему все время показывает не те места и даже не говорит, что у нее есть чертеж.

- А почему сама не выкопает?

- Разве такая старуха справится? Разве она сумеет выкопать? А если бы и смогла, то не хочет. Зачем ей? Куда она денется с ценностями? Графиня их обязана сберечь до приезда графа.

Славка согласился, что Генка, пожалуй, прав. Миша тоже согласился. В душе у него оставались кое-какие сомнения, но так хотелось верить, что клад теперь от них не уйдет и их усилия увенчаются успехом! Ему не терпелось убедиться в этом. Он встал.

- Не будем терять времени и пойдем сейчас по этому маршруту.

Ребята охотно согласились. Им тоже не терпелось увидеть место, где зарыт клад.

- У меня шаг ровно один аршин, - сказал Миша, - так и будем отмеривать. Только вы меня не сбивайте со счета.

- А лопаты? - воскликнул Генка.- Надо лопаты с собой взять, иначе чем же мы будем копать?

Но Миша решил не брать лопат. Если их с лопатами заметит лодочник, то все пропало. Копать они будут ночью. А сейчас они хорошенько запомнят место и дорогу.

- Ну и зря! - проворчал Генка.

Ему очень хотелось немедленно копать.

Глава 52

КЛАДОИСКАТЕЛИ

Мальчики зашагали. Миша отсчитывал шаги, стараясь идти именно тем шагом, который, как ему казалось, равнялся одному аршину.

В руках он держал компас. Впрочем, сама аллея вела мальчиков точно на север.

Вскоре аллея перешла в полевую дорогу. Но и она, как показывал компас, вела строго на север.

За точность отсчитываемых шагов Миша мог не беспокоиться. Генка и Славка шагали за ним и сосредоточенно бормотали цифры. Это монотонное бормотание мешало Мише, но он молчал, боясь сбиться со счета. В конце концов, когда Миша объявил, что отсчитал полторы тысячи, то у Генки оказалось двенадцать шагов лишних, а у Славки восьми не доставало.

Но дорога сама поворачивала на северо-восток. Да, не силен был на выдумки старый граф. Сказалось аристократическое вырождение.

Мальчики пошли дальше. Опять за Мишиной спиной послышалось монотонное бормотание.

Дорога шла точно на северо-восток. Казалось, она специально проложена к тому месту, где зарыт клад. Это была именно та дорога, по которой они с Жердям шли на Гольгинскую гать.

Прошли еще версту. Дорога свернула на запад.

Генка стер со лба пот:

- Все идет как по маслу. Граф точно все расписал.

- Маршрут довольно примитивный, - заметил Славка, - прямо по дороге.

- Не хотел бить свои графские ножки по ямам и рытвинам.

Мальчики прошли еще версту на запад. Дорога круто, под прямым углом, повернула на север.

Наконец они прошли последнюю версту. Дорога кончалась у самой опушки. Дальше стеной стоял лес. Тот самый лес, по которому они шли на Гольгинскую гать.

- Ясно, - сказал Генка, показывая на деревья, - клад зарыт под этими четырьмя березами.

Миша и Славка тоже смотрели на березы. Да, по-видимому, здесь. Во всяком случае, на этой поляне. Она была неровной, в буграх и холмах. У Миши на минуту закралось подозрение, что здесь уже копали, но нигде не было видно свежих следов земли, все бугорки и холмики поросли травой. Может быть, здесь когда-то корчевали пни. Во всяком случае, в чертеже указано именно это место. Значит, под одним из холмиков. Всем отрядом они здесь всё перероют. А граф-то, оказывается, не так прост! Все ищут в лесу, а он закопал на самой опушке, на самом видном месте, где никто и не догадается искать.

Мальчики присели. В лесу шумели верхушки деревьев, свистели и верещали птицы. Где-то далеко слышался лай собаки.

Генка хмыкнул и прошептал:

- Эти дурачки на болоте ищут. Эй, кладоискатели!

- Когда мы будем копать? - спросил Славка.

- Я думаю, откладывать не следует, - вставил Генка, - ведь в среду должен приехать этот тип в зеленом костюме. А сегодня уже пятница.

- Откладывать нельзя, - согласился Миша, - но делать надо с умом. Прежде всего надо перерисовать чертеж и положить его на место. Иначе графиня заметит и примет меры предосторожности.

- Согласен, - сказал Генка. - Но рыть-то когда?

- Рыть надо со свидетелями и с представителями власти, ~ объявил Миша. - Вызовем представителей из уезда или из губернии. Ведь клад - это государственное

имущество. Все должно быть сделано законно.

Генка огорчился:

Всегда так! Мы подвергаем свою жизнь опасности, а потом приходит чужой дядя и пожинает лавры.

Глава 53

РАССКАЗ ВРАЧА

Мальчики вернулись домой усталые, но веселые. Не всем удастся раскрывать такие вот секреты, а они уже раскрывают второй раз: тогда - с кортиком, теперь - с бронзовой птицей.

Они дошли до помещичьего дома. Миша велел Генке и Славке идти в лагерь, а сам зашел в людскую узнать, как чувствует себя Кит, и вообще проверить, что там делается.

У Кита сидел доктор. Увидев Мишу, он сказал:

- Хорошо, что ты пришел. Ему,- он кивнул на Кита,- можно встать. Но он должен соблюдать диету.

Вот так штука! Выпускать отсюда Кита вовсе не входило в Мишины планы. Это значило бы лишиться людской и, следовательно, возможности еще раз проникнуть в дом. А ведь надо положить обратно чертеж. Миша сразу сообразил ответ:

- Он встанет и тут же обожрется.

- Неужели ты не можешь удержаться? - спросил доктор Кита.

- Не могу,- признался Кит.

- Все же надо выпустить его на улицу, на чистый воздух,- сказал доктор.

Миша с отчаянием проговорил:

- Опять заболит, а положить будет некуда. Сюда в людскую, нас больше не пустят. Придется его держать в палатке.

- Всегда найдем, куда положить больного,- ответил доктор,- а ему хватит лежать.

Не говоря ни слова, Кит поднялся и вышел из людской. Через минуту его громкий голос уже слышался возле костра, где варился обед.

Миша и доктор тоже пошли к лагерю; врач оставил там свою лошадь. Пройдя несколько шагов по аллее, врач обернулся. Миша перехватил его взгляд: он смотрел на бронзовую птицу.

- Что означает эта бронзовая птица? - спросил Миша.- Торчит и торчит здесь.

Доктор снял пенсне, протер его, снова надел, забросив за ухо крученный черный шнурок.

- Знаменитая птица, - засмеялся доктор.- Из-за нее много людей посходило с ума.

- Неужели? - спросил Миша и затрепетал от радости: доктор что-то знает.

- Давняя и длинная история,- сказал доктор.

- Расскажите, пожалуйста,- попросил Миша.- У нас ребята интересуются стариной.

- История, в общем, довольно глупая. Смесь барского самодурства с уездным романтизмом. Надо тебе сказать, что графы Карагаевы - старинный, но захудалый род, обеднели, оскудели, особенно после того, как Елизавета казнила одного графа с сыном и велела бросить их в болото.

- Значит, про Голыгинскую гать это правда? - изумился Миша.

- Да,- подтвердил доктор,- исторический факт. Казнены и затоптаны в гать. Поместья их были отобраны в казну, вообще род подрублен под основание. Но

благодаря удачной женитьбе одного из графов род Карагаевых снова поднялся, графы стали владеть поместьями и рудниками на Урале.

- Про это я что-то слышал,- сказал Миша.

- Так вот,- продолжал доктор,- в роду у них была страсть к драгоценным камням. Особенно у последнего графа. Большой был охотник. И камни хорошо знал. Но фантазер и мистификатор. Он широко вел уральские разработки, но находил мелочь. А на мелочь и цена небольшая. Стоимость алмаза возрастает с его величиной чуть ли не в геометрической прогрессии. Находил он мелочь, а слухи распускал, будто нашел нечто выдающееся. На поверку это оказывалось блефом. До того изолгался, что ему не только перестали верить, но чуть было не притянули к суду за подделку. Вот тогда и начался процесс. Сын попытался объявить старика сумасшедшим, нашлись люди, которые помогли ему оттяпать наследство раньше, чем отец умер. Старый граф уехал за границу. Но не остался в долгу и изрядно посмеялся над своим неблагодарным наследником.

Доктор и Миша дошли до дрожек. Доктор сел на них, закурил и продолжал:

- Наследничек его, надо тебе сказать, был хотя и балбес, но порядочный негодяй. Довольно неприглядную роль в деле сыграла и эта особа...- Доктор кивнул на дом.

- Графиня?

- Какая она графиня! Впрочем, в свое время - красавица.- Доктор на минуту замолчал, какая-то тень пробежала по его лицу. - Только от красоты уже ничего не осталось... Да, так вот, молодой граф... Его тут крестьяне называли «Рупь Двадцать»... Он немного хромал от рождения, хотя мужчина видный. И вот как отец его наказал....

Доктор опять помолчал, как бы вспоминая всю эту историю, потом продолжал:

- Самое удивительное то, что старый граф рассказывал не только басни. Перед процессом он объявил, что нашел два алмаза размером чуть ли не по пятьдесят каратов каждый. И даже показывал эти алмазы. Никто ему, конечно, не верил. А алмазы-то оказались настоящими. Это подтвердили голландские ювелиры. И вот граф прислал сыну письмо приблизительно следующего содержания:

«Один алмаз я увез с собой, второй спрятал. Если у тебя хватило ума выгнать меня из дому, то посмотрим, хватит ли у тебя ума на то, чтобы найти этот бриллиант. На место, где он спрятан, указывает наш родовой герб». Вот приблизительно что написал старый граф. Это была жестокая месть. Поиски алмаза стали бичом и несчастьем этой семьи. Искали его до самой революции, все тут перерыли, перессорились, походили с ума, поотравлялись и пострелялись.

- И не нашли? - волнуясь, спросил Миша. Он едва удержался от того, чтобы не крикнуть: «Я знаю, где этот тайник! Я знаю, где спрятан алмаз!»

Доктор отрицательно качнул головой:

- Нет, ничего не нашли.

Стараясь не выказывать волнения, Миша спросил:

- Но ведь граф написал, что это связано с родовым гербом. Что же он имел в виду? Он спросил это, не поднимая глаз: боялся выдать себя.

Доктор перекинул ноги через дрожки, взял в руки вожжи, вытащил из кожаного кармашка кнут.

- Что он имел в виду! Герб. Вот этого самого орла.- Кнутом доктор показал на фасад барского дома, где в лучах заката золотилась бронзовая птица.- Этот орел и должен был дать ответ.

Деланно смеясь, Миша спросил:

- Как орел может указать? Он же безгласная птица.

- Да, конечно, но внутри этой бронзовой птицы есть тайник.

- Что вы сказали? - пролепетал Миша.

Доктор посмотрел на него:

- Что с тобой?

- Нет, я просто так,- неестественно улыбнулся Миша.- Я никак не мог предположить, что внутри птицы может быть тайник.

- Да, тайник,- подтвердил доктор,- и очень простой. Нужно нажать птице на глаза, и голова ее откидывается. Обычная пружина.

Миша ошеломленно смотрел на доктора, а тот, не замечая его состояния, продолжал:

- В этом тайнике лежал план, чертеж. По нему получалось, что алмаз зарыт в лесу, тут недалеко, верстах в четырех... Вот и перерыли весь лес, и до сих пор есть чудачки - роют. Сейчас, правда, немного поуспокоились, но есть еще, роют.

- И все знают про этот план? - пролепетал несчастный Миша.

- Да, конечно. Одно время держали в секрете, но все видели, что они копают в лесу. Потом это перестало быть тайной. Копии чертежа были чуть ли не в каждой избе.

- Но, может быть, это не настоящий план? - убитым голосом проговорил Миша.

- План один. Его тут все наизусть знают. Версту на север, еще версту на северо-запад, потом версту, кажется, строго на запад, не помню уже, давно было...-Доктор тронул вожжи. -Вот и вся история. Ну ладно... Значит, вы своего больного попридержите, не давайте ему много есть. Пусть диету соблюдает.

- Диету... да... конечно...- ничего не соображая, повторил Миша, тупо глядя вслед доктору, на его широкую спину в черном сюртуке, вздрагивающую на ухабах и рытвинах дороги, на громадную лошадь.

Она тяжело шагала и лениво отмахивалась хвостом от мух и слепней.

Глава 54

НЕУЖЕЛИ ВСЕ ПОТЕРЯНО?

В лагере царила обычная вечерняя суэта. Ребята готовились к ужину, умывались перед сном, складывали гербарии и альбомы, готовили постели в палатках. Девочки правили тетрадки ликбезовцев. Было то вечернее время, когда все устали за день, но не хотят, чтобы день кончился, когда особенно оживленно, весь отряд в сборе, день догорает и надо успеть воспользоваться его последним светом.

Свои обязанности Миша выполнял механически. Мысль о постыдной неудаче не выходила у него из головы. Так опозориться! Всё они делали зря. Томительные ночи в музее, ночной поход на Голыгинскую гать, поиски бронзовой птицы в помещицьем доме, открытие тайника, похищение чертежа - все это было ни к чему, бесполезная трата времени. Только бы никто не узнал! Генка и Славка, конечно, никому не разболтают - сами опростоволосились.

А Генка и Славка, ни о чем не догадываясь, были в самом прекрасном расположении духа. Они ходили в обнимку, таинственно перешептывались, с добродушной снисходительностью поглядывая на остальных ребят: наивные ребяташки, играют себе и не знают, какая громадная, удивительная, потрясающая тайна скоро будет открыта!

Потом они подошли к Мише. Генка таинственно прошептал, что в одной книге они нашли листок папиросной бумаги, каким закладывают рисунки, и если этот листок наложить на чертеж, то все очень точно перерисовывается. Миша молча кивнул головой в знак того, что он разрешает изъять листок из книги и перенести на него чертеж.

Генка добавил, что в этой книге не один, а три таких листка и хорошо бы сделать три копии. Тогда каждый из них будет иметь по чертежу. На случай потери. В таком опасном предприятии могут быть всякие неожиданности.

Миша согласился и на это.

Потом Генка сказал, что сейчас уже темно. Чертеж они перерисуют завтра утром, когда все уйдут в деревню. Миша согласился. Славка заметил, что его и Генку надо будет завтра освободить от работы в клубе. Миша не возражал и против этого. Он ни против чего не возражал. Все бесполезно! Но сказать ребятам правду у него не хватало духу. Пусть уж занимаются чем-нибудь, только бы не задавали вопросов.

Проснулся Миша на следующее утро с головной болью, в том расслабленном состоянии, какое бывает после бессонной и беспокойной ночи. После завтрака он выстроил отряд и отправился с ним в деревню. Генка и Славка остались дежурными. Специально для того, чтобы на свободе перерисовать чертеж.

Мрачные мысли не оставляли Мишу и в клубе. Ни в чем не принимая участия, он грустно посматривал на будущих пионеров. Они были уже разбиты на звенья, знали законы и обычаи, выучили текст торжественного обещания, но никак не могли научиться ходить в строю. Каждый знал, где правая и где левая сторона, но при команде: «Напра-во!» - поворачивался налево, а при команде: «Нале-во!» - направо. При команде: «Кругом!» - все сталкивались, и получалась куча мала. Ходить в но-.у и то не умели. Чего, казалось бы, проще: «Левой, правой, левой, правой...» Так нет, обязательно, собьются. У одного шаг большой, у другого маленький, один бежит вприпрыжку, другой волочит ноги, как инвалид, третий наступает переднему на пятки.

А как они стоят в строю?! Один выпятил живот, другой выставил носки на пол-аршина. Прикажешь убрать живот - перегнется в три погибели. Кто пришел босой, а кто в валенках - в такую-то жару! Дашь команду: «Равнение направо!» - вместо линии получается полукруг: каждый лезет вперед так, чтобы хорошенько рассмотреть правофлангового, хотя и объясняешь, что надо видеть только пятого от себя.

А команда: «По двое рассчитайсь!»... Еще не было случая, чтобы рассчитались без ошибки. Тот снова повторит «первый», тот повторит «второй», а этот вовсе молчит. «Ну, говори же!» А он молчит и, застенчиво улыбаясь, смотрит на тебя.

Но сколько ни смотрел Миша на смешные и неуклюжие повороты ребят, они не могли отвлечь его от мысли о чертеже.

Хорошо, пусть чертеж оказался ерундой. Но ведь что-то есть. Ведь не только он, но и другие искали и даже до сих пор ищут. Графиня, допустим, сумасшедшая, спятила с ума из-за алмазов, но человек в зеленом костюме - факт, его тайная переписка с графиней - факт. Убийство Кузьмина тоже факт. Пусть нет клада, но ведь никаких алмазов ребятам и не нужно. Им нужно только реабилитировать Николая, доказать, что он ни в чем не виноват. Разве они откажутся от этого только потому, что попались на ту же удочку с кладом, на которую уже попадались десятки людей?

Размышляя таким образом, Миша продолжал смотреть на лужайку, где занимались ребята. Почему они с таким трудом осваивают строй? Вот, например, Муха. Он всегда нормально ходит, быстро бежит, а в строю почему-то хромотает, волочит ногу, припечатывает один шаг. Настоящий Рупь Двадцать, как сказал доктор про молодого

графа.

Одну минуту!

Миша даже привстал...

...Человек в зеленом костюме тоже прихрамывает и волочит ногу. Тот самый человек, которого они видели в музее... Который тайно переписывается с графиней... Неужели это и есть молодой граф Карагаев? Но ведь все графы удрали в Париж... А может быть, не все?

Глава 55

КОПИИ

Тем временем Генка и Славка приступили к снятию копий.

Прежде всего надо было найти гладкую доску, чтобы положить на нее чертеж.

- Подумаешь! - сказал Генка. - Зачем такая точность? Ведь мы уже даже место знаем. Перерисуем для формальности, и все.

Но Славка был педант. И он хорошо чертил. Генке пришлось уступить. Гладкой доски они не нашли, зато отыскали картонную папку с надписью «Дело», положили ее на печь и укрепили по углам камнями. На папку положили чертеж, на чертеж - лист папиросной бумаги.

Славка начал перечерчивать. Стоя у него за спиной, Генка следил за движением карандаша, подавая советы и всячески торопил Славку. Зачем такая скрупулезность?! Раз-раз - и готово! Когда Славка начал перечерчивать изображение бронзовой птицы, Генка сказал:

- Зачем ты птицу перечерчиваешь? Она ровно ничего не обозначает.

- Она нанесена - значит, я ее должен перечертить.

А именно с птицей было больше всего возни: она была изображена хотя и мелко, но очень тщательно. Точь-в-точь такая же, как и в помещицьем доме.

- Знаешь, сколько ты с этой птицей провозишься,- настаивал Генка,- ведь она нарисована условно, просто как герб.

Но добросовестный Славка перечерчивал птицу.

- Делай как знаешь,- проворчал Генка,- но на моем чертеже, пожалуйста, не изображай. Не нужен мне орел.

И он с большим неудовольствием следил за Славкиной работой. Возится с орлом целый час! И это только на первом чертеже! Сколько же он со всеми копиями прокопается?

Наконец Славка перерисовал орла и начал заштриховывать его.

- Зачем ты его заштриховываешь? - разозлился Генка.

- Потому что на чертеже заштриховано.

- Так ведь он не весь заштрихован! - закричал Генка.

- Правда, - растерянно проговорил Славка, рассматривая чертеж.

Действительно, у орла было заштриховано только туловище. Голова же была замазана сплошной черной краской, а лапы, наоборот, не закрашены и не заштрихованы.

- Это я из-за папиросной бумаги проглянул: плохо видно под ней, - огорченно проговорил Славка.- Придется перерисовывать.

Генка попытался удержать его. Орел изображен условно, и какая разница -

заштрихован он или нет? А если Славка хочет перерисовать, то пусть отдаст испорченную копию ему, Генке, а остальное может перерисовывать как угодно.

- Пожалуйста, - сказал Славка, откладывая испорченную копию, - можешь взять, остальное я сделаю точно так, как на чертеже.

Глава 56

ОРЛЫ

После обеда Генка и Славка возвратили чертеж Мише и показали ему копии.

Миша молча посмотрел на никому теперь не нужные листки. Бедный Славка трудился над ними полдня. И как аккуратно все перерисовал!

- А где же третья копия? - спросил Миша только для того, чтобы выиграть время.

- Она у меня, - ответил Генка, - я взял себе испорченную.

- Чем же она испорчена? - спросил Миша, все еще не решаясь сказать ребятам правду.

Генка положил свою копию рядом с другими, показал, чем она испорчена.

- Впрочем, - добавил он, - этот орел не имеет никакого значения. Просто эмблема графского рода. И штриховка не имеет значения.

Миша между тем пристально рассматривал чертеж. Действительно, птица здесь ровно ничего не обозначает: ни места клада, ни дороги к нему. Но почему все же она по-разному закрашена? Как ни мало ее изображение, как ни стерся чертеж, а все же ясно видно, что раскраска разная: голова черная, туловище заштриховано, лапы белые. Что это значит?

- Чего ты так рассматриваешь? - спросил Генка, с любопытством и даже с некоторым беспокойством следя за выражением Мишиного лица.

- Думаю: что значит птица? Для чего она здесь и почему по-разному закрашена?

- Какое это имеет значение? - Генка даже скривился от недовольствия. - Этим гербам та же цена, что и орлам на царских пятаках: эмблема! Нечего думать, надо пойти и вырыть клад.

- Никакого клада там нет.

Генка и Славка воззрились на него.

- Да, да, - повторил Миша, - нет, не было и не будет!

Генка и Славка продолжали смотреть на Мишу - Генка ошеломленно, Славка вопросительно.

- Чего вы уставились на меня? Нет там никакого клада!

- Да... но... как же чертеж, и графиня, и вообще всё? - пролепетал Генка.

- Никакая она не графиня!

- Но откуда ты знаешь, что там ничего нет? - спросил Славка.

Миша передал рассказ доктора.

Такой жестокий удар! Мальчики казались самим себе жалкими, ничтожными дураками, глупыми фантазерами... Как они теперь посмотрят всем в глаза? Правда, никто ничего не знает, но сколько многозначительной таинственности они на себя напускали. И неужели надо расстаться с мечтой раскрыть тайну, которую никто до них не мог раскрыть? Ужасно!

И как только Миша все рассказал, у него стало легче на душе. Выговорился наконец.

- Этого следовало ожидать, - рассудительно заметил Славка. - Если все ищут и давно ищут, то почему именно мы должны найти?

Миша пожал плечами:

- Так всегда бывает. Все не могут найти, а потом кто-то находит. Так могло быть и с нами. Не получилось.

Генке никак не хотелось расставаться с мыслью о кладе. Он чуть не плакал.

- Но ведь клад-то есть! Значит, надо его искать.

- Где?

- А хотя бы в лесу,- неуверенно ответил Генка.

- Лес перерыт. Живого места нет. Если алмаз существует, то он спрятан - только не в лесу. Возможно, графиня и человек в зеленом знают место... Да, вы знаете, кто этот человек в зеленом?

Миша высказал свои подозрения.

- Ну конечно,- загорелся Генка,- это графский сын? Приехал за алмазом. И действует заодно с графиней.

Славка, внимательно слушавший своих приятелей, сказал

- Если бы графиня знала, где спрятан алмаз, то давным-давно вырыла бы его. Нет! И графиня не знает, и графский сын, если он действительно графский сын, тоже ничего не знает. Они ищут, как лодочник и все другие. Но никто не может найти. И мы вряд ли найдем. Чертеж был нашим единственным шансом. И этот шанс отпал.

«Да, это верно,- думал Миша,- никто не знает, где зарыт алмаз. Никто не сумел отгадать загадку, заданную старым графом. Но загадка-то отгадывается! Все руководствовались чертежом, линиями, а линии ничего не значат, они не более как ложный след. И дело, может быть, не в них, а в орле. Ведь указать тайник должна именно птица. А никто на нее не обращал внимания. Вот и не находили. А ведь в таких планах не должно быть ничего лишнего, ничего случайного. Все должно иметь свой смысл».

- Все же странно, - сказал Миша,- почему орел по-разному закрашен?

Мальчики опять воззрились на орла. Орел как орел.

Миша вспомнил слова Бориса Сергеевича об этой птице, сомнения Коровина.

- Между прочим, не все уверены, что это орел. Например, Коровин сомневается, а он родился и вырос на Волге, где водятся орлы. И Борис Сергеевич утверждает, что это не орел, а гриф. Вернее, он сказал, что у птицы голова грифа.

Генка нехотя согласился:

- Голова, может быть. А во всем остальном - орел. Не беспокойся, уж кто-кто, а я-то знаю.

Если не считать физкультуры, то биология была единственным предметом, по которому Генка хорошо занимался. Он был старостой биокружка и работал в школьном живом уголке.

- Самый обыкновенный орел,- продолжал Генка, - правда, немного больше степного. Значит, беркут. Беркут-халзан.

- Ладно, - сказал Миша, - чтобы там ни было, другого выхода у нас нет. Маршрут оказался неправильным. Значит, надо разгадать штриховку. Чертеж есть у каждого. Будем думать.

Генка жалобно проговорил:

- У меня штриховка неправильная. Как же я буду думать?

Глава 57

ХАЛЗАН

Мальчики начали думать. Думал весь отряд: кого изображает бронзовая птица? Этот вопрос поставил Миша. Есть знающие ребята, могут надумать что-либо существенное.

Отряд разделился на две партии.

Одна, возглавляемая Генкой, утверждала, что это орел. Правда, у него не совсем обычная голова, но это не более как вольность художника.

Другая партия, предводительствуемая Бяшкой, считала, что птица из семейства грифов. Правда, у нее несколько коротковатое и коренастое для грифа тело, но это результат неосведомленности того же художника.

- Посмотрите на форму головы,- говорил Бяшка.- Разве у орла бывает такая длинная шея и такая большая, плоская, плешивая голова? Это может быть и кондор и стервятник, просто черный гриф или сип белоголовый. Конечно, будь птица в натуре, хотя бы чучело, можно было бы определить по оперению и по окраске. Но голова определенно указывает на то, что птица из семейства грифов, а не из семейства орлов.

- Ах ты, Бяшка, Бяшка! - возразил Генка.- Где ты видал таких маленьких кондоров? У кондора размах крыльев достигает трех метров, а у этого и двух нет. Согласен, голова странноватая. Но во всем остальном орел. Так называемый «орел настоящий». К этому роду относятся: беркут, он же халзан, орел-могильник, он же карагуш, чуть поменьше беркута, затем степной орел, он же орел-курганник. Есть еще подорлики, канюки, сарычи, но они маленькие. Бесспорно, это орел настоящий.

Обе партии спорили с утра до вечера. Приводили в доказательство внешний облик птиц, их образ жизни, способы гнездования, воспитания птенцов, питания. Добрались даже до романов, в которых рассказывалось, как птицы уносят в когтях не только детей и ягнят, но даже лошадей и охотников в полном охотничьем снаряжении.

Спорили ожесточенно. Тем более, что во главе партий стояли самые ярые спорщики: Генка и Бяшка. Они чуть не передрались. Генка обозвал Бяшку сипом белоголовым, Бяшка Генку - халзаном.

- Эй, сип белоголовый,- кричал Генка,- иди сюда, поспорим!

- Катись подальше, халзан несчастный! - отвечал Бяшка.

- Как вам не стыдно! - убеждал их Миша.- Неужели нельзя дискутировать спокойно? Представьте, что так бы ругались настоящие ученые. Во что бы превратилась Академия наук!

- Зачем он меня сипом обозвал? - оправдывался Бяшка.

- А кто первый? - возражал Генка. - Ты же меня первый обозвал халзаном. Целый день тычешь: халзан, халзан... Какой я тебе халзан!

...Халзан... Халзан... Знакомое слово... Миша посмотрел сперва на Генку, потом на Бяшку... Халзан... Халзан.

- Ты говоришь - халзан? - переспросил Миша.

- Да, халзан,- ответил Генка.

- Это беркут?

- Ну конечно. Беркут, или халзан.

Халзан! Но ведь так называется речушка... Та самая, на которой убили Кузьмина. Халзан! Отсюда и Халзин луг... Тот самый, куда ездили Кузьмин с Николаем... Как же

он сразу не догадался?

Миша так опешил от неожиданности, что Генка с тревогой спросил:

- Ты что? Заболел?

- Халзан,- пробормотал Миша. - Халзан...

- Ну конечно, халзан, - недоуменно повторял Генка, во все глаза глядя на Мишу.

А тот продолжал бормотать:

- Халзан... Халзан... Река...

Генка развел руками:

- Что ты бормочешь? Халзан, ну и хал...

И Генка вдруг сам оторопело посмотрел на Мишу:

Халзан... Халзан... Халзан...- Он подпрыгнул и ударил себя по коленкам: - Халзан... Черт возьми! Халзан!

Но Миша уже пришел в себя:

- Спокойно! Значит, халзан?

- Ну конечно, халзан, - таинственно зашептал Генка.- Я сразу подумал: орел - халзан и речка - Халзан.

Итак, найдено первое звено, может быть, самое важное. Секрет бронзовой птицы в ней самой, а не в ложном маршруте, обманувшем столько людей.

И есть первое указание - река Халзан. В районе реки зарыт клад. Теперь ясно, почему на Халзином лугу убит Кузьмин. Убийство связано с кладом. И это доказывает невиновность Николая Рыбалина - ведь никакого алмаза Николай не искал.

Правда, это снимает подозрение и с лодочника - ведь он ищет в лесу и, наверное, ничего не знает про Халзан. Ну что ж... В конце концов, главное - оправдать Николая.

Но где искать. На реке? Она хоть и мелка, но довольно длинна. На новых картах едва обозначена, а на старых тянется далеко, через несколько уездов.

Значит, бронзовая птица должна дать еще какие-то указания, безусловно связанные с названиями орлов, так же как и река Халзан.

Генка, познаниям которого Миша теперь очень доверял, снова перечислил всех известных ему орлов. Некоторые очень подходили. Особенно орел степной, он же курганник. Если это название имеет то же значение, что и халзан, то получается такая цепь: река Халзан - степь - курган.

Честное слово, здорово! Ай да Генка, разбирается в птицах! Значит, возле реки, в степи, есть курган, в нем спрятан клад.

- Правильно,- подтвердил Генка. - Халзан - степь, степь - курган. «Халзан» - восточное название беркута, но мы знаем, что Карагаевы вышли из Золотой Орды. Монголы жили в степях и, наверное, возводили и курганы. Следовательно, и с точки зрения зоологии, и с точки зрения этнографии все правильно. Надо идти на Халзан.

Глава 58

ХАЛЗАН - СТЕПЬ - КУРГАН

Рано утром мальчики отправились на Халзан.

День выдался пасмурный. Порывистый ветер гнал по небу мохнатые тучи, гнул верхушки деревьев, прижимал к земле траву. Временами он дул так сильно, что трудно было идти. Но мальчики шли по топкому лугу вдоль берега Халзана.

Это была обмелевшая, почти высохшая речушка. Весной она разливалась широко,

тем более что протекала по изменности. Но сейчас превратилась в ничтожный ручеек, сильно заросший, совсем незаметный меж кустов и высоких трав. Только в некоторых очень затемненных местах было видно, как по дну его течет светленькая струйка воды.

Вид такого ерундовского ручейка совсем не вязался ни с его громким названием, ни с таинственной и роковой ролью, которую он играл во всей истории. Но мальчиков это не смущало. Особенно Генку. Он уверенно шагал по лугу и поглядывал по сторонам зорким взглядом человека, от познаний которого зависит успех предприятия. В сущности, если бы не он, то ничего бы не вышло.

А еще говорят, что он неровно учится. Что же из того, что неровно? Истинно одаренный человек не может ровно учиться: его талант направлен в одну сторону в ущерб другим сторонам.

Так размышлял Генка, пыжась и надуваясь от сознания своей незаурядности. Это сознание было так велико, что он даже не высказывал его вслух, считая, что такому человеку, как он, особенно в данную минуту, приличествует молчание.

Миша, который не был так, как Генка, уверен в успехе экспедиции, все же не терял надежды. Душа его жаждала успеха, но, чтобы не разочаровываться, он готовил себя к худшему. Они могут ничего сегодня не найти. Они будут искать. Важно искать и не терять надежды.

Славка считал себя реалистически мыслящим человеком. Таинственные, загадочные истории казались ему пришедшими из потустороннего мира. А так как в потусторонний мир он не верил, то относил многое за счет кипучей фантазии своих друзей.

Мальчики прошли уже версты три. Местность повышалась, грунт становился суше, каменистее, ручей обозначился резче. Попадались большие валуны и камни. Но, насколько хватал глаз, не было видно ни одного кургана.

Когда они прошли еще версты две, путь им преградила большая скала. Это был одинокий утес, огромный валун, неожиданно вставший на этой сравнительно ровной местности. У его подножия лежали большие, обросшие мохом камни. Сразу за утесом ручей пропал, будто ушел под землю.

Мальчики вскарабкались на утес.

В темноватой дымке пасмурного дня перед ними открылась однообразная, тоскливая панорама бескрайней равнины.

Поля, поля, поля...

Если даже считать эти поля степью, то все равно: на ней не было ни одного кургана.

- И все-таки где-то здесь есть курган, - категорически объявил Генка.

Славка опустил руку к подножию утеса:

- Ручей кончился. Куда же мы пойдём?

Мальчики молча стояли на вершине утеса. Ветер то стихал, то снова налетал, подвывая и высвистывая.

Наконец Миша сказал:

- Исток Халзана гораздо дальше. По-видимому, здесь он сильно обмелел или течет под землей, а за утесом опять выбивается на поверхность, и если мы пройдем дальше, то наверняка снова наткнемся на Халзан... Но... но беда в том, что здесь, у утеса, по-видимому, кончаются бывшие графские владения, не тянутся же они до бесконечности. Граф зарыл алмаз на своей земле, а на его земле нет ни одного кургана. Славка прав: дальше идти нет смысла.

Чувствуя себя виноватым в том, что он оказался прав, Славка высказал такое предположение:

- Возможно, граф имел в виду не орла-курганника, а орла-могильника. Тогда надо только найти могилу на Халзане.

Но с вершины утеса не было видно ни могилы, ни кладбища.

Глава 59

КОММУНА

Приехал Борис Сергеевич с распоряжением из Москвы о передаче усадьбы коммуне.

С ним приехал Коровин и еще два детдомовца, будущие коммунары.

- Ну как,- приветствовал их Миша,- отвоевали усадьбу?

Коровин засопел:

- А то как же... Забрали, и все.

- А дом?

- И дом. Только старуха попросила Бориса Сергеевича подождать до четверга.

- Зачем?

- Кто ее знает... Попросила. Борис Сергеевич согласился. Он ей и работу в коммуне предложил. Пусть, говорит, работает

- И что она?

- Куда же ей, старой, деваться.

- Почему же она все-таки попросила отложить до четверга? - допытывался Миша.

- А кто ее знает,- пожал плечами Коровин.

Миша отлично понимал, почему старуха затягивает передачу дома: завтра должен приехать Карагаев. Но о своих предположениях не сказал Борису Сергеевичу. Только спросил у него:

- Как же вам удалось побороть Серова?

- Уж этот Серов! - Борис Сергеевич покачал головой.- Самый обыкновенный взяточник. За взятку выдал охранную грамоту на усадьбу, хотя никакой исторической ценности она не представляет.

Миша подумал: рассказать Борису Сергеевичу о Карагаеве или нет?

Конечно, Борису Сергеевичу важно знать, что здесь появился бывший хозяин усадьбы. Но вдруг этот человек в зеленом вовсе не Карагаев? Уже столько раз ошибались! Надо сначала убедиться, что это действительно граф.

- Имейте в виду,- сказал Миша,- Ерофеев все равно будет мешать коммуне.

Борис Сергеевич рассмеялся:

- Мы и не рассчитываем на его симпатии. И не нуждаемся в них. Если хочешь, сможешь в этом сегодня убедиться.

- А что сегодня?

- Сегодня вечером сходка.

Глава 60

СХОДКА

На сходку пришла вся деревня: и мужчины, и женщины, и дети.

В клубе было душно, но многие сидели в полушубках и валенках. Облачка сизого махорочного дыма уходили под деревянные стропила.

На сцене стоял маленький стол, покрытый красной материей. За ним сидели председатель сельсовета Иван Васильевич и Борис Сергеевич. Председатель встал, потребовал тишины и сказал:

- Граждане! - Он всегда на сходках почему-то говорил не «граждане», а «Граждане» - видимо, для торжественности.- Граждане! Начнем собрание. Есть постановление центральной власти. Значит, в бывшей барской усадьбе организовать трудовую коммуну для детей из числа бывших беспризорных товарищей. Слово для информации имеет директор Борис Сергеевич. И просьба, граждане, не курить.

Все продолжали курить.

Борис Сергеевич вышел к рампе:

- Товарищи, коммуна организуется из числа бывших воспитанников детского дома. Все они в прошлом беспризорники, а некоторые даже и малолетние преступники. Говорю вам об этом прямо, чтобы все были в курсе дела...

В зале нарастал глухой шум. Сначала это был тихий, сдержанный говор людей в разных местах клуба. Потом все заговорили разом, зашумели, заволновались. И наконец раздался женский крик:

- Они и нас тут всех пограбят да перережут...

Это крикнула женщина с ребенком на руках, вся точно обернутая большим цветастым платком.

- Да, товарищи, некоторые из них были малолетними преступниками,- продолжал Борис Сергеевич,- но это было когда-то. За годы, проведенные в детском доме, ребята стали совсем другими. Они овладели разными профессиями, знают и любят свое дело, научились уважать коллектив. Короче говоря, я ручаюсь за каждого. И увидите: у вас с коммунарами установятся самые лучшие отношения. Вы не будете на них в обиде, и я надеюсь, что и коммунарам не придется обижаться на вас.

Шум нарастал. Сторонники Ерофеева сидели вокруг него маленькой, сплоченной и злой кучкой, сознавая, что симпатии большинства на их стороне: все боятся коммунаров, про которых им наговорили всякие ужасы.

Мише было жаль Бориса Сергеевича, одиноко стоявшего на сцене лицом к лицу с враждебным собранием, которое не хотело его слушать и прерывало на каждом слове злобными и насмешливыми выкриками. Он всей душой сочувствовал Борису Сергеевичу, но ничем не мог ему помочь.

А собрание шумело, кипело, бурлило. Особенно волновались женщины.

- Не надо нам вашей коммуны! Все равно прогоним бандитов! Убирайтесь, откуда пришли!

Председатель Иван Васильевич поднялся и крикнул:

- Спокойствие, Граждане, спокойствие! Выслушаем товарища, а потом будем обсуждать. Бабы, тихо! А то выведу!

Но шум не утихал, наоборот - еще больше усилился...

И тогда Миша, Генка, Славка и все остальные ребята сделали то, что они обычно делали на школьных собраниях, когда подымался такой же невообразимый шум: они начали хором скандировать:

- Ти-ши-на!.. Ти-ши-на!.. Ти-ши-на!..

Это было ново и неожиданно для собрания. Все замолчали и в недоумении

установились на ребят.

Борис Сергеевич воспользовался общим замешательство, и сказал:

- Ведь у вас есть дети. Они сидят рядом с вами. Вы их любите и заботитесь о них. У них есть пища, постель, над головой крыша, есть ласковая, заботливая материнская рука. Почему же вы так жестоко относитесь к тем, кого война, разруха и голод лишили всего: и крова, и семьи, и отца, и матери? Я спрашиваю: почему вы так жестоки и несправедливы к ним? В чем они провинились перед вами?

Он замолчал, ожидая ответа на свой вопрос.

Но ответом ему было общее молчание. Все избегали взгляда Бориса. Сергеевича. У некоторых женщин даже слезы навернулись на глаза. Но они скрывали эти слезы и делали вид, что сморкаются.

Мальчики торжествовали. Здорово он сказал! Крепко получилось!

- Страна наша бедна, - продолжал Борис Сергеевич. - Но Советская власть делает все, чтобы вернуть детей к жизни, воспитать из них честных тружеников. В этом никто не сумеет нам помешать. Ни те, кто надеется на возвращение помещиков и бережет для них усадьбы, ни те, кто незаконно завладел землей и эксплуатирует крестьян.

Он строго посмотрел в ту сторону, где сидел Ерофеев. И все, кто был в зале, тоже обернулись туда.

- Короче говоря, - заключил Борис Сергеевич, - организация коммуны - дело решенное. Я пришел сюда не для того, чтобы просить вашего согласия, а для того, чтобы нам всем подумать, как мы будем вместе жить и вместе работать. Хотите вы обсуждать этот вопрос - пожалуйста. Не хотите - я могу уйти. Но коммуна будет.

Слова попросил Ерофеев. Он вышел к сцене, снял фуражку, обнажив плешивую голову, и сказал:

- Очень правильно сказал товарищ представитель насчет ребятешек. И мы тоже хотим, чтобы все было по справедливости. Чтобы, значит, и мы никого не обидели, и нам чтобы ни от кого обиды не терпеть. А вот насчет земли товарищ представитель ничего не сказал. А с землей-то как будет - вот вопрос.

- Ни на чью землю коммуна не претендует, - ответил Борис Сергеевич, - коммуне отойдет та земля, которая принадлежит государству и которой незаконно пользуются гражданин Ерофеев и некоторые другие граждане.

- Не я, а все общество пользуется. - Ерофеев широким жестом обвел зал.

Но та самая женщина в платке, которая кричала про коммунаров, тут же возмутилась:

Мы этой земли и не нюхали! Всю заграбастал!

Не обращая на нее внимания, Ерофеев спокойно продолжал:

- Владеем по закону. На то и бумага из губернии есть.

Борис Сергеевич сказал:

- Мы знаем, гражданин Ерофеев, сколько вам стоила эта бумага.

Ерофеев метнул на него настороженный взгляд, потом развел руками:

- Про это нам ничего не известно.

- Значит, сейчас будет известно, - коротко ответил Борис Сергеевич и, обращаясь к залу, предложил: - Граждане, кто еще пользуется этой землей, тех попрошу встать.

Никто не встал. Все молчали. Только один старик вполголоса проговорил:

- Кто же ею пользуется... Известно кто...

Ерофеев неожиданно протянул вперед руки, повернул их ладонями вверх:

- Этими руками земля обработана. Разве я не трудящийся?

Женщина в платке вскочила со своего места:

- Ты этими руками только деньги считаешь!

Председатель Иван Васильевич ладонью постучал по столу:

- Граждане! Довольно пререкаться! Вопрос ясный: быть здесь трудовой коммуне из числа бывших беспризорных товарищей. А то, что некоторые свою шкуру защищают, так это их личное дело. Все трудящееся крестьянство, и которые бедняки и которые середняки, горит способствовать общему делу. А потому просим Бориса Сергеевича доложить, как мыслится работа коммуны. В каком, значит, направлении и какая от нас требуется помощь.

Борис Сергеевич рассказал, чем будут заниматься коммунары, что они будут сеять, какие сады разобьют, какие у них будут мастерские и подсобные предприятия, какую выгоду от этого получит окрестное население.

Его слушали внимательно. Может быть, он и не привлек всех на свою сторону, но большинство чувствовало, что настоящая правда на его стороне.

Глава 61

ОРЕЛ-ЯГНЯТНИК

Собрание кончилось. Уже наступила ночь. Дождь прекратился. Небо очистилось от туч, на нем сверкали мириады звезд. И только когда ребята задевали в темноте деревья и кусты, на них сыпались с веток капли дождя.

Борис Сергеевич и Миша шли позади всех. Впереди, из темноты, доносились крики и ауканье ребят, громкий смех Зины Кругловой, обиженное бормотанье Кита, негодующий голос Бяшки.

- Скажите, Борис Сергеевич, - спросил Миша, - если бы вдруг появился бывший владелец усадьбы, мог бы он помешать коммуне?

Борис Сергеевич засмеялся:

- Как же он помешает? Усадьба конфискована и принадлежит государству.

- А вы знаете, где они, бывшие графы?

- Старый граф еще до революции уехал за границу, а молодой неизвестно где. Впрочем, какое это имеет значение?

Мише очень хотелось рассказать, какое это имеет значение, но он удержался. Вот если завтра он убедится, что человек в зеленом и есть граф Карагаев, тогда он скажет.

- А вы не интересовались их гербом? - спросил Миша. - Вернее, я хотел спросить: какая именно птица изображена на гербе?

- На гербе изображен орел. И если судить по голове, то это орел-ягнятник, он же орел-бородач. Нечто среднее между орлом и грифом, так сказать, переходный вид. Правда, специалисты, к которым я обращался, утверждают, что туловище обыкновенного орла, но голова - орла-ягнятника.

Это опять ничего не давало. Ягнятник, бородач... Нет, ничего не дает... Халзан, курганник, могильник - это о чем-то говорит. А бородач ни о чем не говорит.

Неужели они ошиблись и с орлом? Неужели орел изображен просто так и их догадкам та же цена, что и показанному на чертеже маршруту?

Все же сообщением Бориса Сергеевича Миша решил поделиться с Генкой и

Славкой. Когда лагерь затих, он тихонько вызвал их из палатки, отвел в сторону и сказал:

- Так вот, Борис Сергеевич говорит, что у этой птицы голова орла-бородача, или ягнятника.

Ну и что? - нетерпеливо возразил Генка.- Возможно, что ягнятника. Но какое это имеет значение? Ведь в целом это орел обыкновенный.

- А чертеж? - настаивал Миша. - Ведь и на чертеже голова орла совершенно черная, в отличие от туловища и ног. Значит, голова имеет какое-то особенное значение. А голова - ягнятника.

Генка опять нетерпеливо передернул плечами:

- При чем здесь ягнятник? У нас в России он почти не водится. Иногда только встречается на Кавказе и у Гималайских гор. Ягнятник живет выше всех горных птиц, в области ледников и вечного снега. И гнездятся они только на скалах. А какие здесь скалы? Нет ни одной.

- Как же нет? А скала, на которую мы сегодня залезали?

Генка рассмеялся:

- Какая это скала! Ты пойми: они гнездятся на неприступных скалах.

- Это не имеет значения,- решительно объявил Миша,- зато как здорово получается. Орел изображает реку Халзан, его голова - скалу на Халзане, а лапы могильника - могилу на скале. Понимаешь? Халзан - скала - могила.

Славка громко зевнул. Ему очень хотелось спать. И он устал от догадок: один орел, другой, и так до бесконечности. Если бы дело было в орлах, то алмаз давным-давно уже нашли бы. Искали тоже, наверное, не дураки.

- Мы были сегодня на скале и никакой могилы там не видели,- сказал Славка и снова зевнул.

- Да, не видели, - ответил Миша,- но ведь мы ее и не искали. Надо пойти и как следует обшарить всю скалу.

- Когда пойти? - испуганно спросили Генка и Славка.

- Сейчас. Немедленно.

Но мальчики отказались наотрез. Что они ночью увидят? Бесплезная трата времени. Только не выспятся. А ведь завтра придет человек в зеленом, и надо быть бодрым и готовым ко всему.

- Значит, не пойдете? - грозно спросил Миша.

- Нет! - решительно ответили Генка и Славка.

- А если я прикажу?

- Не имеешь права,- ответил Славка.- Если бы это касалось отряда, имел бы право. А здесь частное дело.

Миша взывал к их разуму, укорял в трусости, обещал верный успех, грозился пойти один, доказывал, что завтра, может быть» уже поздно, потому что граф опередит их.

Все было напрасно. Генка и Славка ни за что не хотели идти на Халзан. Славка вообще уже ни во что не верил, Генка не хотел признавать никакого орла-ягнятника, он просто дрожал от бешенства, когда слышал про грифов. И им обоим хотелось спать.

Скрепя сердце Миша уступил. Но потребовал от друзей обещания, что завтра они обязательно пойдут с ним на скалу.

Глава 62

ГРАФ КАРАГАЕВ

Среда!

Борис Петрович и колонисты ушли обмеривать землю. Ребята отправились в клуб. Миша, Генка и Славка бдительно следили за усадьбой: человек в зеленом приедет дневным поездом, в два часа.

Приблизительно в половине второго графиня вышла из дому. Мальчики осторожно двинулись за ней. Миновав парк, графиня краем небольшого лесочка вышла к берегу реки.

Почти одновременно к реке подошел человек в зеленом, похожий на прогуливающегося дачника: легкий летний костюм, большое светлое кепи, в руках букетик полевых цветов.

Разговаривая, он и графиня пошли берегом реки. Миша, Генка и Славка тихонько за ними. Но слышать, о чем они говорят, мальчики не могли.

Той же тропинкой графиня и человек в зеленом костюме вернулись обратно и остановились недалеко от мальчиков.

- Когда вы вернетесь? - спросил человек в зеленом костюме.

- Минут через сорок.

- Я буду ждать здесь.

Графиня пошла к лодочной станции. Человек в зеленом костюме скрылся в прибрежных кустах, разделся и бросился в воду. Было слышно, как он плескался, фыркал и бил ладонями по воде. Мальчики притаились в кустах.

Потом незнакомец вышел на берег. За кустами послышался шелест газеты, потом все стихло.

Мальчики лежали не шевелясь. Время тянулось томительно долго. В траве стрекотал кузнечик. Высоко в небе кувыркали жаворонок.

Незнакомец поднялся. Наверное, одевается...

Наконец показалась графиня. Незнакомец, уже одетый, с блестящими мокрыми волосами, пошел ей навстречу. Они остановились невдалеке от мальчиков. Незнакомец стоял к ним спиной. Лицо графини было хорошо видно.

- Он согласен,- сказала графиня.

- Сколько людей?

- Он и еще двое.

- Когда смогут быть на месте?

- Через два часа.

Незнакомец посмотрел на солнце, затем на часы:

- Пусть будут через три.

- Хорошо, передам.

- С ломами и лопатами.

- Хорошо... Алексей... я хотела предупредить: лодочник вас подозревает.

- В чем?

- В этом... с Кузьминым.

- Откуда он знает, что я - это я?

- Возможно, он этого и не знает... Но он сказал: «Кузьмина убил человек, с которым вы встречаетесь в музее».

- Он следил за вами?

- Да. Он понимает, что я скрываю от него настоящее место. Он очень умный и опасный человек.

- Я сам опасный.

- Алексей! С этим крестьянином... Кузьминым... как получилось?

Мальчики боялись пропустить хотя бы одно слово. Сейчас он скажет самое главное!

Карагаев передернул плечами:

- Мы столкнулись с ним лицом к лицу. Он меня узнал. Мог выдать. Что оставалось делать? Одним мужиком на свете меньше.

- Но Рыбалина, по-видимому, освободят.

- Против него нет улик. Но их нет и против меня. Конечно, надо все быстрее кончать. Сегодня же.

- Вы уверены, что это настоящее место?

- Бесспорно. И подумать: сколько лет он нас обманывал! Скотина!

- Не говорите так, Алексей! Он мертв, и он ваш отец. Господи, когда я подумаю...

- Ах, оставьте свои причитания! - с досадой проговорил Карагаев. - Лучшие годы я отдал поискам этого камня. Остался в России. Черт возьми! - Он ударил себя по лбу. - И как это я не догадался открыть склеп на скале? Идиот!

Миша бросил быстрый взгляд на Славку. Оказывается, правильно; скала - склеп... Вот тебе и орел-ягнятник...

- Все же лучше без лодочника и без его людей,- сказала графиня.

- Склеп завален. Мне одному не справиться.

- Может быть, позвать других?

- Например?

- Ерофеева, еще кого-нибудь.

- Нет! Предпочитаю бандитов.

- Но они могут вас убить.

- Я вооружен.

Они помолчали.

Потом Карагаев сказал:

- Теперь идите. Предупредите его: через три часа.

Глава 63

СКЛЕП

Надо действовать! Действовать немедленно и решительно!

Но что им делать? Идти на скалу нет смысла. Теперь они уже не опередят графа. Остается одно: рассказать все Борису Сергеевичу.

Борис Сергеевич внимательно выслушал мальчиков. Их рассказ звучал необычно. Но Борис Сергеевич ничем не показал, что сомневается в нем. Он поднялся и сказал:

- Надо идти!

На Халзин луг отправились всем отрядом. Даже Кит отказался дежурить на кухне.

По дороге Борис Сергеевич пригласил с собой председателя сельсовета и позвонил из сельсовета в город следователю.

Весть о том, что сейчас на Халзином лугу должны найти клад, мгновенно облетела деревню.

Отряд еще не дошел до утеса, как их догнала большая толпа крестьян.

Среди них шагал даже доктор. Значит, новость дошла уже и до соседнего села.

Вскоре утес был окружен плотной толпой. Миша увидел в толпе лодочника и обеих парней из леса. Но человека в зеленом не было.

Солнце уходило за горизонт. Последние лучи его освещали одинокий утес и взволнованную толпу людей вокруг него.

Одна сторона скалы была отвесной. Другая, отлогая, усеяна разной величины камнями. Почти у самой вершины лежало три огромных валуна. Для того чтобы взобраться на вершину утеса, надо было их обойти. Осмотрев валуны, Борис Сергеевич и Миша увидели под ними свежие следы лопаты или кирки: кто-то пытался сдвинуть камни с места.

Борис Сергеевич подозвал председателя сельсовета и нескольких крестьян. Быстро заработали ломы и лопаты. Валуны были подрыты. Борис Сергеевич велел толпе раздвинуться. Один за другим все три валуна скатились с утеса.

Показалась каменная могильная плита. Она заросла мохом и травой, даже трудно было сразу разобрать, что это плита. Но когда вокруг нее расчистили землю, ее очертания выступили отчетливо.

- Могилку портют,- вздохнул Ерофеев.- Не по-божески.

Кто-то из крестьян засмеялся:

- Могилка-то не на месте. Ей полагается на кладбище быть, а она эвон куда забралась.

Плиту подрыли, затем поддели ломami и приподняли. Открылось небольшое углубление.

Толпа прихлынула к скале.

Отойдите, граждане,- сказал председатель,- всем покажем.

И в эту минуту появились графиня и Карагаев. Никто в толпе не обратил на них внимание: все были заняты склепом. Только Миша и лодочник неотступно следили за ними.

И Ерофеев, видно, сразу узнал молодого графа и не спускал с него глаз.

В углублении под плитой лежала черная металлическая шкатулка. Борис Сергеевич поднял ее. Она была заперта. Ударом камня Борис Сергеевич сбил замок и открыл шкатулку. Там лежала брошь, усыпанная блестящими камнями. В середине ее сверкал большой бриллиант...

Борис Сергеевич высоко поднял брошь и показал ее толпе.

Вдруг, растолкав толпу, к Борису Сергеевичу ринулся Карагаев.

За ним - графиня.

- Эта шкатулка принадлежит мне,- сказала графиня.

- Возможно,- вежливо ответил Борис Сергеевич, не отдавая шкатулку.

- Дайте ее, - сказала графиня, протягивая руки.

Но Борис Сергеевич не отдал ей шкатулку.

Я не могу вам ее отдать. Она будет сдана органам власти, а уж затем вы можете предъявить на нее свои права.

И здесь случилось самое неожиданное: Карагаев выхватил шкатулку из рук Бориса Сергеевича.

Это было так дерзко, что все растерялись.

Борис Сергеевич побледнел и шагнул к Карагаеву:

- Верните немедленно!

Карагаев выхватил из кармана пистолет. Толпа шарахнулась в сторону. Карагаев, держа в одной руке пистолет, в другой шкатулку, медленно отступал. И тут его настиг резкий окрик:

- Сдать оружие!

Карагаев оглянулся. Сзади стояли следователь и два красноармейца.

Глава 64

ИТОГИ И НЕДОДЕЛКИ

Каждый день прибывали новые группы трудколонистов. Со станции на подводах доставляли инвентарь.

Коммунары ремонтировали дом, строили сараи, навесы, оборудовали мастерские.

А отряду наступила пора уезжать. Август золотил листья на деревьях, ночи становились длиннее, спать в палатках было уже холодно.

А жалко расставаться с усадьбой, с деревней, с коммунарами...

- Приезжайте к нам на будущий год, - улыбаясь, говорил Николай Рыбалин. - Опять будем плотничать. Новый клуб соорудим, теплый, чтобы и зимой пользоваться.

Ерофеев лицемерно вздыхал:

- Да уж, поработали ребята, спасибо им, помогли обществу. И невинного человека защитили.

Но глазки его смотрели подозрительно и настороженно, и никто ему не верил.

Художник-анархист объявил, что тоже едет в Москву.

- Больше там простору для талантливого человека, - говорил он, - есть где развернуться. Театры, вывески, фасады. Вам, ребята, если что потребуется в школе оформить, то пожалуйста, с полным удовольствием.

Миша поспешил его заверить, что в их школе уже все давно оформлено.

Ребята уезжали в Москву вечерним поездом. Они свернули палатки, скатали одеяла, сложили вещи. Перед отъездом разожгли прощальный костер.

На костер пришли коммунары и деревенские ребята.

Миша сказал:

- Это наш последний костер. Полагается подвести итог всему, что мы здесь сделали. Но мы будем говорить о том, что мы не успели сделать. Так полезнее для тех, кто здесь остается.

Первым взял слово Славка.

- Мы организовали отряд. Но в него вступило всего тридцать два человека. Мало! Надо, чтобы все ребята в деревне стали пионерами.

- Плохо мы работали по ликвидации неграмотности, сказала Зина Круглова, - обучили всего двенадцать человек. А надо, чтобы вся деревня стала грамотной.

- В деревне нет больницы, - сказал Бяшка, - приходится ходить в соседнее село. Это несправедливо. Медицина - могучее средство в борьбе с религиозными предрассудками.

- Как-то слаба у нас интернациональная связь, - объявили Игорь и Сева, - всего только два письма послали немецким пионерам. А фашизм подымает голову. Надо обратить на это серьезное внимание.

Борис Сергеевич от имени трудкоммуны заверил, что все недоделанное ребятами будет доделано коммунарами.

- Теперь всё,- объявил Миша.- Можем отправляться
Но Генка вдруг закричал:
- Нет, не всё! Есть еще одно недоделанное дело!
- Какое?
- Помните, Миша читал нам свои стихи? Стихи, в общем, неплохие. Но там не хватало последних двух строчек. Я их сочинил.
- Давай говори, - сказал Миша, - только поскорее.
- Так вот.- Генка отставил назад ногу.- Так вот, последняя строфа Мишиного стихотворения начиналась так:

Борьба лишь начата, и нам передан молот...
Цепями все еще опутан шар земной...

И на этом обрывалась. Я предлагаю закончить так:

Но мы сильны, и дух наш молод,
Вперед, товарищи, за мной!

И он выбросил руку вперед, призывая всех идти за собой.

Но такой конец ребятам не понравился.

- Почему именно за тобой? - сказали одни.- Разве ты заслужил, чтобы все шли именно за тобой?

- Смахивает на плагиат,- говорили другие. - Первая строчка содрана из песни «Мы кузнецы...». Там «дух наш молод», и здесь «дух наш молод», и рифма одна: молот-молод...

- Над этими строчками поработаем в Москве,- сказал Миша.- Конечно, у кого будет желание. А сейчас поторопимся, иначе опоздаем к поезду.

Борис Сергеевич предложил подводу, которая довезла бы вещи до станции.

Но ребята отвергли это предложение. Не маменькины сынки, умеют ходить в полном походном снаряжении.

Ребята погрузили на себя свое незатейливое имущество. Отряд выстроился и **зашагал** к станции.

1955 - 1956

Москва